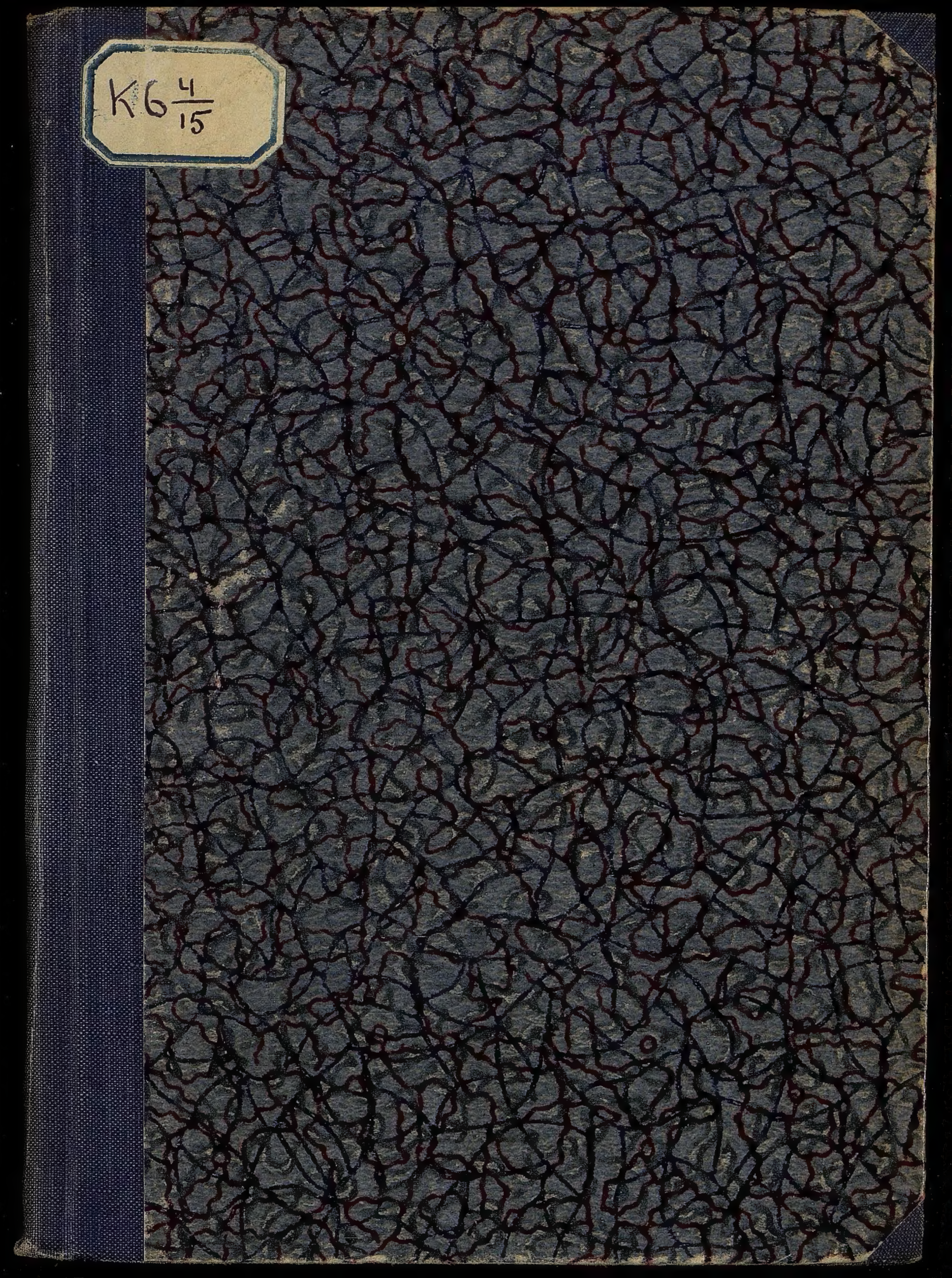
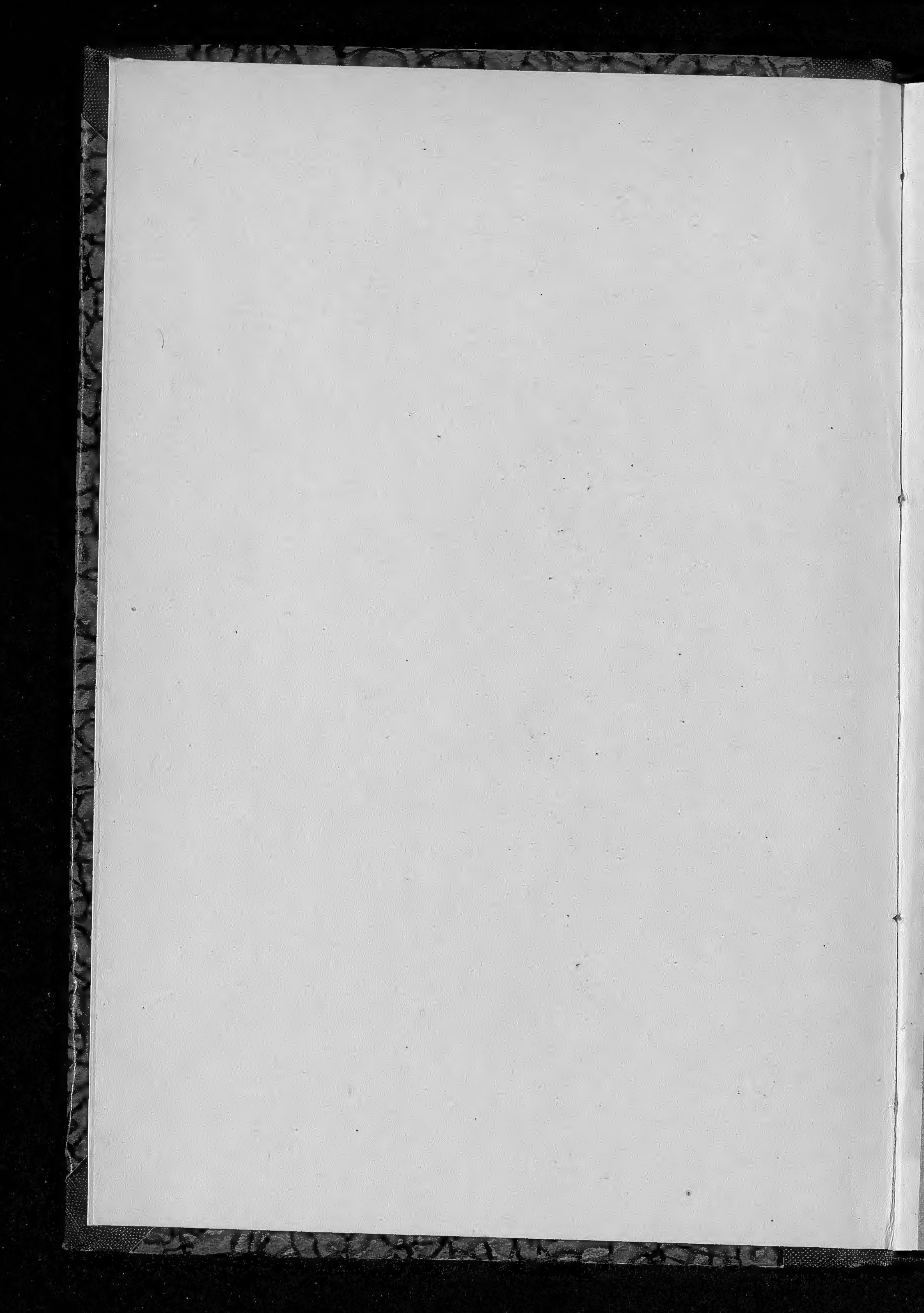

K6 4/15

И. АНИЧКОВЪ.

ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

СѢВЕРНАГО ТУРКЕСТАНА.

СБОРНИКЪ.

I-е ИЗДАНIЕ.

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографiя т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменскiе».
1899 г.

И. АНИЧКОВЪ.

ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

СѢВЕРНАГО ТУРКЕСТАНА.

СБОРНИКЪ.

I-е ИЗДАНІЕ.

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменскіе».
1899 г.

Дозволено цензурою 12 января 1899 г. Гор. Ташкентъ.

Доброй памяти

Сергѣя Матвѣевича

Лашина.

ОТЪ АВТОРА.

Представляя на судъ публики результаты моихъ наблюденій надъ жизнью, главнымъ образомъ киргизъ Малой Орды, кочующихъ по Сыръ-Дарьинской и Тургайской областямъ, я ничуть не претендую на серіозное значеніе этого труда, потому что я имѣлъ возможность только поверхностно наблюдать, при своихъ поѣздкахъ надъ условіями ихъ быта. Но затронуть однихъ киргизъ, умалчивая о другихъ группахъ населенія или, обходя вопросы, связанные съ благосостояніемъ всего народонаселенія той мѣстности, которую я рѣшаюсь назвать приаральскимъ краемъ, мнѣ казалось неудобнымъ. Довольно прозрачная тенденціозность этого труда, преслѣдующаго главную задачу, доказать цѣлесообразность и необходимость устройства въ центрѣ приаральской степи отдѣльной области, въ интересахъ развитія страны и благосостоянія обитателей ея, объясняется тѣмъ, что при существующихъ условіяхъ нашей политики въ Средней Азіи и Киргизской Степи, жизнь ея вдвинута въ рамки административной организаціи и при неразвитости народныхъ массъ и бѣдности природы не скоро еще можетъ наступить моментъ когда общественная жизнь разовьется настолько, что тотъ или другой видъ административнаго дѣленія или механизма, не будетъ имѣть вліянія, на теченіе жизни; пока въ названной мѣстности играетъ роль и воздѣйствуетъ на развитіе народа система управленія, а не собственныя, внутреннія силы народнаго самосознанія, то пространство и область воздѣй-

ствія формъ административнаго механизма, ихъ приспособленность къ мѣстнымъ условіямъ, способность удовлетворять нуждамъ народонаселенія, возможность наблюдать надъ народной жизнью и необходимость обладать достаточными средствами, дабы приходить своевременно на помощь народнымъ массамъ, должны быть поставлены въ наилучшія условія для отправленія своихъ функцій; иначе сказать, ввиду исключительно административной точки зрѣнія, которая является господствующей въ нашей системѣ управленія инородческимъ населеніемъ въ Азіи, понимая понятіе административнаго направленія въ болѣе широкомъ смыслѣ, я не нахожу другаго способа, болѣе близкаго къ дѣйствительности и наиболѣе осуществимаго, какъ созданіе въ серединѣ обширнаго пространства, лежащаго въ бассейнѣ Аральскаго моря, такого органа государственной власти, который могъ бы лучше всего служить намѣченной цѣли. Для этого необходимо организовать центральное управленіе и объединить всѣ тѣ мелкія единицы, которыя вылиты въ форму уѣзда, въ одну систему, чтобы приблизиться этимъ къ интересамъ обширнаго пространства этой части степи, которое географически поставлено, благодаря бѣдности всей Арало-Каспійской низменности, въ самыя тяжелыя условія своего существованія. На обязанности самой крупной единицы, государства, лежитъ, содѣйствовать развитію ея меньшихъ составныхъ частей и приходить на помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя не въ состояніи подняться до уровня современныхъ требованій. Вполнѣ понятно, что этотъ способъ не есть рѣшеніе вопроса, навсегда упрочить благосостояніе народа не можетъ, но при наличныхъ условіяхъ подобнаго рода разрѣшеніе вопроса, въ смыслѣ полезной роли государства въ киргизскихъ степяхъ, есть наилучшее средство выполнить задачу Россіи передъ киргизскимъ народомъ, который вправѣ ожидать отъ нея насажденія культуры и устройства своей судьбы. Я тѣмъ болѣе рѣшаюсь говорить объ этомъ, что вопросъ объ отдѣльной Казалинской или Аральской области, дѣло конечно не въ названіи, уже былъ возбужденъ при введеніи Положенія объ управленіи

Туркестанскимъ краемъ въ 1886 году, но оставленъ открытымъ. Между тѣмъ распаденіе кочеваго быта, упадокъ скотоводства, развитіе въ степи кулачества, переходъ киргизскаго населенія отъ кочеваго быта къ осѣдлому, русская колонизація, развитіе народнаго образованія, отдаленность русскаго суда, несостоятельность народнаго суда, несоотвѣтствіе податной системы съ платежными средствами населенія, особенно ко времени сбора податей, и масса другихъ вопросовъ, требуютъ, приблизить центральныя государственныя органы, къ мѣстнымъ, а это возможно только при созданіи въ центрѣ степи компетентнаго органа управленія, особенно ввиду отсутствія такихъ путей сообщенія, которыя бы сближали аральскую окраину, съ болѣе культурными центрами. Несомнѣнно, что это не есть панацея отъ всѣхъ золъ, но лучшее средство вызвать къ жизни этотъ глухой уголъ киргизской степи, послѣ чего и въ ней можетъ развиться общественная жизнь, которая приведетъ ее въ болѣе тѣсную связь съ другими культурными частями Россіи. Признаки пробужденія киргизскаго народа уже чувствуются и, если снисходительный читатель этого слабаго труда проникнется сознаніемъ въ необходимости, содѣйствовать этому явленію, и въ немъ возбудится интересъ къ заглохшему краю, который одно время шелъ впередъ, но теперь остановился въ своемъ наступательномъ движеніи, благодаря перенесенію всего движенія съ Сыръ-Дарьи на Аму-Дарью, а также у него явится симпатія къ номаду, который далъ уже доказательства своей способности къ усвоенію цивилизаціи, то это будетъ лучшей наградой для автора. Случайность наблюденій и впечатлѣній, вынесенныхъ, благодаря особаго рода служебной дѣятельности, изъ общенія съ киргизами, а также вслѣдствіе отсутствія на мѣстѣ необходимыхъ источниковъ и матеріаловъ, кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ мѣстной прессы, обрекли настоящую работу въ форму сборника, составныя части котораго создались изъ помѣщенныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ статей, очерковъ и замѣтокъ.

Въ заключеніе я долженъ принести благодарность всѣмъ

тѣмъ, которые содѣйствовали появленію этого труда, особенно покойному мировому судьѣ С. М. Лашину († 1898 года), который, благодаря своей почти 20-ти лѣтней почетной дѣятельности въ Казалинскѣ и знакомству съ туземными языками, пріобрѣлъ огромную опытность и знаніе народнаго быта и мѣстныхъ условій; ими онъ охотно дѣлился со мною и много способствовалъ возбужденію интереса къ этому заброшенному уголку Туркестана и сочувствія къ ея степному захудалому обитателю; я обязанъ ему многими свѣдѣніями, которыя помогли мнѣ выполнить эту задачу.

И. А.

1 декабря 1898 г.
г. Аулiеата.

Къ вопросу о калымѣ.

На границѣ человѣка.

Коронинъ.

Хотя вопросъ, который будетъ затронутъ въ настоящемъ очеркѣ и знакомъ русской публикѣ, но, очевидно, не въ такой степени, чтобы обратить должное вниманіе общественнаго мнѣнія, съ какими либо послѣдствіями, для себя: многое хранится въ тайникахъ знанія и въ глубинѣ души, но не всегда обстоятельства благопріятствуютъ тому, чтобы таящееся въ нашемъ сознаніи выходило наружу и давало собою чувствовать весь трагизмъ положенія. Многое мы знаемъ, сознаемъ, понимаемъ, но смотримъ, какъ на неизбѣжное зло и думаемъ, что иной паліативъ хотя и недостаточенъ для борьбы съ извѣстнымъ явленіемъ, но, во всякомъ случаѣ, въ состояніи прикрыть язву и не дать возможности видѣть всѣ страданія, ею причиняемыя.

То, о чемъ мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ, съ точки зрѣнія внѣшнаго наблюдателя, не представляетъ собою повидимому ничего ужаснаго, особенно, если мы перенесемся куда нибудь, въ Центральную Азію, гдѣ блуждалъ Пржевальскій, или въ Корею, куда до послѣднихъ успѣховъ японцевъ, только съ величайшей

опасностью могъ проникнуть европейскій путешественникъ; но, если мы подумаемъ, что явленія, составляющія предметъ настоящаго очерка, происходятъ или почти въ Европѣ, или же на границахъ послѣдней съ Азіей, или же въ ближайшихъ средне-азіятскихъ окраинахъ, недалеко отъ желѣзнодорожныхъ путей, настоящихъ или будущихъ, почти на глазахъ интеллигентнаго общества, которое, недоумѣвая, смотритъ, когда же этому порядку вещей настанетъ конецъ, то мы должны къ сожалѣнію признаться, что требованія общественной этики у насъ сравнительно не велики. Но оставимъ общія разсужденія и перейдемъ къ непосредственно интересующему насъ вопросу.

На обширныхъ степныхъ пространствахъ, отъ Волги и Каспійскаго моря до Иртыша и китайской границы, отъ предгорій Урала до Памировъ и Бухары, кочуютъ многочисленные роды киргизъ-казаковъ; живутъ они въ равнинахъ, въ пескахъ, въ горныхъ ущельяхъ, въ камышевыхъ заросляхъ рѣкъ и озеръ; занимаются скотоводствомъ, земледѣліемъ и рыболовствомъ, всѣ находятся подъ охраной и воздѣйствіемъ русскихъ законовъ, но повсюду придерживаются своихъ обычаевъ, признанныхъ законодательствомъ за основаніе ихъ общежитія, и извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «адата», получившаго значеніе оффиціальнаго термина. Согласно этому адату (иначе обычному праву) киргизы вольны обмѣниваться подарками, которыя составляютъ у нихъ до сихъ поръ видъ пріобрѣтенія собственности, заключать тамырства (дружбу), интриговать на выборахъ лицъ туземной администраціи, сводить родовые, семейные и личные счеты, увозить женщинъ и угонять скотъ, тысячу разъ ссориться, возводя другъ на друга всякія небылицы, и столько же разъ мириться, драться и увѣчить другъ друга, дарить другъ другу дѣтей, для вскорм-

ленія; такъ что иной разъ трудно бываетъ добиться, кто чей сынъ, или чья дочь и т. д. Словомъ до безконечности, въ чемъ только могутъ проявиться особенности образа жизни и отношеній народа, находящагося до сихъ поръ въ періодѣ родоваго быта; но самое главное, что составляетъ интересъ каждаго киргиза, его главную заботу и стимулъ существованія, чѣмъ онъ живетъ и дышетъ, что затрагиваетъ вожделѣнія не одной только семьи, но цѣлаго рода, это вопросъ о калымѣ, или выкупѣ за невѣсту.

Всѣмъ живущимъ въ Средней Азіи хорошо извѣстны общія основанія этого явленія, а потому, останавливаться пока на этомъ не будемъ; напомнимъ только, что калымъ частью выплачивается семьей жениха, а частью роднею, которая, если откажетъ въ помощи, сама рискуетъ остаться безъ таковой, въ подобную же минуту. Вслѣдствіе чего въ этомъ вопросѣ заинтересованы, кромѣ родителей жениха и невѣсты, и ближайшіе родственники, каковыми считаются всѣ родовичи до 7-го колѣна, біи, аксакалы, «почетные» киргизы, изъ волостныхъ заправилъ, и болѣе дальнее родство, въ лицѣ родовичей и пр. Для нихъ это главный источникъ заботъ и стремленій, изъ за этого вопроса между разными родовыми группами вѣчные споры и тяжбы, приносящіе доходъ только біямъ.

Вслѣдствіе ослабленія родовыхъ связей и дифференціаціи родовыхъ единицъ, которое явилось прямымъ послѣдствіемъ завоеванія и умиротворенія степей, различные роды не нуждаются болѣе въ необходимости соединяться въ болѣе крупныя родовыя группы, поэтому солидарность между послѣдними ослабѣла на столько, что многіе вопросы находящіеся въ зависимости отъ калыма приходится разрѣшать принудительно, тогда какъ прежде они не встрѣчали разногласія; это

несомнѣнно, одно изъ послѣдствій цивилизаціи, проникающей въ киргизскія массы и разлагающей основы родоваго быта. При прежнемъ патріархальномъ строѣ народной жизни, уплата калыма, проистекая изъ экономическихъ и соціальныхъ соотношеній родовыхъ группъ и отдѣльныхъ индивидіумовъ, вызывалась естественной потребностью обмѣна мужскаго элемента на женскій, когда въ извѣстномъ возрастѣ всякій мужчина долженъ имѣть свою хозяйку и спутницу жизни. Въ настоящее же время къ этому присоединяются уже другіе мотивы, придающіе уплатѣ калыма характеръ спекуляціи. Напримѣръ: сумма калыма уплачиваемаго за невѣсту колеблется, обыкновенно, между 200 и 2000 руб., изъ него же должны дѣлать невѣстѣ приданое, но въ настоящее время, сплошь и рядомъ, случается, что получившій калымъ отецъ родной или вскормившій, или же старшій братъ, проѣвъ и проживъ весь полученный калымъ, отпускаетъ невѣсту или безъ ничего, или же съ самымъ ничтожнымъ приданымъ, а плательщикъ, не будучи въ состояніи отказаться отъ невѣсты, такъ какъ иначе онъ долженъ платить второй калымъ другому обладателю дѣвицы, вынужденъ бываетъ довольствоваться тѣмъ, что получаетъ. Такого рода явленіе находится въ зависимости отъ уменьшенія благосостоянія киргизскихъ массъ, гдѣ подростающая дѣвица является единственной почти надеждой на поправленіе дѣлъ какого нибудь аула. Случается же и такъ, что получивъ калымъ съ одного и надѣясь на покровительство какого нибудь сильнаго человѣка, отецъ невѣсты подъ благовиднымъ предлогомъ, вдругъ отказываетъ жениху и начинаетъ получать калымъ съ другаго. Такимъ образомъ поступаютъ иногда по нѣсколько разъ, послѣдствіемъ чего являются безконечныя тяжбы въ народныхъ судахъ.

Какъ извѣстно, сватовство происходитъ между киргизами безъ всякаго вѣдома со стороны молодыхъ, когда женихъ и невѣста или находятся еще въ колыбели, или въ очень маленькомъ возрастѣ, а подчасъ еще и въ проектѣ. Обусловливается такого рода сватовство всякими мотивами, неимѣющими никакого отношенія до молодыхъ: или тщеславіемъ, желаніемъ породниться съ почетнымъ или знатнымъ киргизомъ, или же властолюбіемъ, чтобы привлечь на свою сторону партію вліятельнаго родовича, или же, наконецъ, простымъ корыстолюбіемъ, желаніемъ упрочить свое благосостояніе. Послѣднее имѣетъ мѣсто, если сватаютъ молодыхъ, уже на возрастѣ, особенно, если дѣвочка или дѣвица сумѣла возбудить сластолюбіе какого-нибудь «бая». Во всѣхъ фазахъ переговоровъ о сватовствѣ, калымѣ, уплатѣ его, приданомъ, устройствѣ тоя*) и пр. заинтересованы родители, родовичи и родственники.

Женихъ имѣетъ голосъ въ томъ случаѣ, если онъ самостоятельная единица, т. е. человѣкъ вполнѣ взрослый, или женящійся во второй разъ; лишь одно лицо, составляя объектъ всѣхъ этихъ манипуляцій, не имѣетъ права голоса, а должно, какъ безгласное существо, повиноваться волѣ старшихъ и соединять свою судьбу, сплошь и рядомъ, съ нелюбимымъ человѣкомъ,—это невѣста.

Счастье ея, если послѣ извѣстнаго обычая «иссыкъ-ашу» (отверстіе двери) она привыкнетъ къ своему будущему властелину и забудетъ своего возлюбленнаго; но если это ненавистный для нея человѣкъ, иногда старикъ, а подчасъ и калѣка, имѣющій уже нѣсколько женъ, дѣвушкѣ приходится мириться со своимъ поло-

*) Той—въ данномъ случаѣ свадебный пиръ.

женіемъ и быть рабой на всю жизнь. Положеніе ея ухудшается еще болѣе, если умретъ ея женихъ или мужъ; вдова принадлежитъ всецѣло, даже не семьѣ, а роду, и должна перейти, къ старшему родственнику, по восходящей линіи, безъ всякаго отношенія къ его возрасту или положенію. Молода она и красива, имѣетъ сыновей, осталось послѣ умершаго состояніе—она пріобрѣтаетъ почетное положеніе въ юртѣ новаго властелина; если же стара и безобразна, бѣдна и бездѣтна, то обращается въ вѣчную рабу женъ своего новаго мужа. Часто случается, что юноша кромѣ собственной жены имѣетъ еще старую жену, оставшуюся послѣ умершаго родственника, которую онъ не можетъ отпустить, такъ какъ иначе пропадаетъ калымъ, особенно если у вдовы есть дочь, за которую можно современемъ взять новый калымъ и уплатить имъ за свою вторую жену и т. д.

И такъ дѣвушка, или женщина, никогда не является распорядительницей своей судьбы: любитъ ли она или не любитъ, старъ или безобразенъ ея властелинъ, богатъ ли онъ или бѣденъ, этого въ разсчетъ она принимать не можетъ. Надѣвъ саукеле*), она поступаетъ въ полное владѣніе и распоряженіе своего властелина и его рода, и всю жизнь обречена на служеніе ему, пока на то хватитъ силы: рожаетъ дѣтей, смотритъ за скотомъ мужа, ставитъ ему кибитку, обшиваетъ его, ходитъ за нимъ, получая за это его объѣдки, если мужъ не питаетъ къ ней особеннаго благоволенія.

Для иллюстраціи сказаннаго лучше всего привести нѣсколько примѣровъ, которые рельефнѣе всего представятъ картину, которая получается при господствѣ такого узаконеннаго рабства женщины. Дѣвица, вмѣстѣ

*) Саукеле — высокая женская головная повязка изъ бѣлой матеріи, ввидѣ тюрбана.

съ однимъ изъ братьевъ, была вскормлена своимъ дядей и, по адату, калымъ, долженъ получить уже онъ, послѣдній просваталъ свою вскормленную дочь за одного киргиза, изъ не очень богатыхъ; онъ платитъ калымъ, сходится съ невѣстой и уже близко время, когда имъ пора быть мужемъ и женой. Въ это время вскормившій дѣвицу дядя ея умираетъ, а родной отецъ, по наущенію старшаго брата невѣсты «закунчи» (законника), перепродаетъ ее другому, богатому киргизу и, такимъ образомъ, получаетъ уже за нее вторичный калымъ. Первый и настоящій женихъ, сговорившись съ нею, увозитъ ее; они убѣгаютъ въ степь, вѣнчаются тамъ и возвращаются черезъ нѣсколько времени въ свой аулъ уже на полныхъ правахъ мужа и жены; у нихъ даже родился ребенокъ. Въ это время второй женихъ, сынъ богатаго киргиза, принадлежавшаго къ вліятельной въ то время партіи, вмѣстѣ съ братомъ молодой женщины подаютъ жалобу біямъ, начинается безконечная тяжба, приносятся кляузы всевозможнымъ властямъ, летятъ телеграммы военному губернатору и прокурору и т. д. Наконецъ, дѣло разбирается сначала единоличнымъ біемъ, потомъ съѣздомъ, который распоряжается отдать женщину съ ребенкомъ ея законному владѣльцу, т. е. новому претенденту на ея руку, а пока сдать на поруку волостному управителю, который держитъ ее въ своемъ аулѣ въ кандалахъ, гдѣ ее застращиваютъ, затѣмъ насильно отдаютъ претенденту; въ результатѣ-же послѣ 3-хъ лѣтней волокиты, біи попадаютъ подъ судъ за взятку, волостной управитель— за незаконное задержаніе, а женщина все-таки остается у своего «законнаго» владѣльца; ребенокъ умеръ, мужъ остался безъ жены, которая обречена быть женою нелюбимаго человѣка. И это все передъ глазами русской власти, совершенно безсильной что либо предпринять!

Теперь другая картина. Какъ уже было сказано выше, женщина послѣ смерти мужа переходитъ къ ближайшему родственнику по восходящей линіи. Послѣ смерти одного киргиза остается молодая жена: дядя его, отвратительный старикъ, вдобавокъ полуумный, къ несчастью полуграмотный, заявляетъ право на женщину, овладѣваетъ ею и самъ совершаетъ обряды вѣнчанія. Молодая женщина однако уходитъ отъ него и сближается съ другимъ человѣкомъ. Начинается судебная тяжба у біевъ. Къ счастью молодой женщины, благодаря взяткѣ, данной волостному управителю и бію, ей удается отдѣлаться отъ назойливаго старика, но послѣдній не унимается, подаетъ прошеніе и возбуждается дѣло о лихоимствѣ волостнаго и бія; разводится длинное и кляузное дѣло, старикъ все требуетъ возвращенія себѣ жены и наказанія его обидчиковъ, до самой своей смерти. Это еще благопріятный исходъ, но будь старикъ богатымъ и вліятельнымъ киргизомъ, онъ добился бы своего и овладѣлъ бы предметомъ своей страсти; каково было-бы тогда молодой женщинѣ жить съ безобразнымъ и полусумашедшимъ старикомъ!

Теперь примѣръ въ другомъ родѣ: киргизъ, имѣвшій уже двухъ женъ, сошелся съ одной дѣвушкой, женихъ который умеръ не выплативъ калыма. Невѣста осталась свободною, начинается торговля ею. Отецъ дѣвицы начинаетъ получать съ любовника калымъ, выманивая, кромѣ назначеннаго количества скота, то иноходца, то туркменскую гончую собаку, то беркута или сокола, то 100 руб. денегъ, то самоваръ и пр. Между тѣмъ онъ втихомолку отдаетъ дочь за другаго, и, получивъ съ него калымъ, вдругъ отказываетъ первому и отдаетъ за послѣдняго—брата богатаго и вліятельнаго киргиза. Дочь, уже въ послѣдней степени

беременности, выходитъ за послѣдняго, къ счастью для нея, бывшаго моложе перваго; этотъ узнавъ, что невѣста его просватана и выдается замужъ за другаго, пытается овладѣть ею насильно, или же вернуть себѣ уплоченный калымъ и подарки. Возникаетъ дѣло о грабежѣ, увозѣ дѣвицы и т. п.

Но есть примѣры, гдѣ дѣвица является жертвою уже не корыстолюбія и властолюбія, а скорѣе фанатическаго тщеславія. Одинъ изъ киргизскихъ заправилъ захотѣлъ уйти отъ грѣховнаго міра и сдѣлался «суфэ», распростившись съ властью и соединенными съ нею стяжаніями. Какъ то разъ онъ тяжко заболѣлъ, взмолился, давъ обѣтъ посвятить дочь свою одному ишану въ Ургенчѣ, (Хивѣ) «который далъ ему пату*)»; онъ поправился. Когда дѣвочка подросла, калымъ возвратили киргизу, платившему его, и снарядили дѣвушку къ «святому человѣку», который, какъ всѣ ишаны, былъ очень падокъ до юныхъ женъ. Дѣвушка уже, можетъ быть, полюбившая какого нибудь джигита, предвидя, что ее ожидаетъ въ Хивѣ участь сартянки, жизнь которыхъ внушаетъ всякой киргизской женщинѣ отвращеніе, зная, что ее запрутъ, одѣнутъ въ чадру, не будутъ выпускать изъ четырехъ стѣнъ, чтобы ни чей взоръ неосквернилъ жены ишана, стала протестовать и сопротивляться, плакала, билась и пыталась даже соскочить съ верблюда, когда ее повезли, но упала и чуть не убилась. Но ни мольбы, ни слезы не помогли, воля семейнаго главы должна быть исполнена; непокорную дѣвицу связали, прикрутили къ верблюду и отвезли въ даръ ишану. Что съ ней сталось, это уже неинтересно; вѣроятно, она прониклась святостью своего властелина и свыклась съ отвратительной судьбой женъ святошей,

*) Пата—благословеніе ишана.

участь которыхъ еще печальнѣе участи другихъ мусульманскихъ женщинъ.

Теперь остановимся на другомъ случаѣ съ вдовой, которой мужъ кромѣ скота оставилъ личное состоянiе, въ видѣ денегъ и порядочнаго запаса хлѣба; послѣ него осталась только одна дочь. Вдова еще не старая женщина, со средствами, стало быть составляла предметъ вожделѣнiя многихъ; при нормальныхъ условiяхъ существованiя женщины, претендентами являлись бы только тѣ, кому она пожелала сама ввѣрить свою судьбу, но въ киргизскомъ бытѣ это является аномалiей. Женщину, съ дочерью, съ ея имуществомъ захватываетъ бывшая въ то время у власти партiя и одинъ изъ ея заправилъ захотѣлъ на ней жениться. Родственники мужа воспротестовали, женщину увозятъ насильно; противной сторонѣ хочется сдѣлать изъ дѣла грабежъ, но не удается; начинаются жалобы, прошенiя, подвохи, интриги, пускаются въ ходъ со стороны каждой партiи всевозможныя средства, чтобы удержать за собою вдову и дочь, съ ихъ состоянiемъ; въ концѣ концовъ дѣло доходитъ до бiевъ, тѣ рѣшаютъ дѣло, но сейчасъ же возникаютъ заявленiя о подложности рѣшенiя и т. п. Между тѣмъ предметъ всѣхъ этихъ манипуляцiй, то находится на порукахъ у одного, то у другаго, все ожидая, кто сдѣлается ея властелиномъ. Вѣроятно дѣло не кончилось и до сихъ поръ, но довольно того, что въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ живыя существа, мыслящiя и чувствующiя, находились какъ бы въ положенiи какой нибудь вещи, судьбой которыхъ распоряжаются то какiе нибудь туземные заправила, мечтающiе поправить ея состоянiемъ свои дѣлишки и служебныя прорѣхи, то родственники, не желающiе выпускать изъ рукъ лакомаго кусочка, тоже, чтобы воспользоваться имъ главнымъ образомъ для своихъ партiйныхъ видовъ.

И такъ мы видимъ изъ этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, для такого краткаго очерка, мнѣ кажется, достаточныхъ, въ какомъ положенiи находится киргизская женщина. Эти случаи удалось заинтересованнымъ лицамъ довести до свѣдѣнiя русской власти; но сколько подобныхъ примѣровъ остается въ тайнѣ и совершенно ускользаетъ отъ наблюденiя русскихъ сферъ, сколько бѣдняковъ и менѣе сильныхъ людей вынуждены бываютъ мириться съ совершившимся фактомъ, вслѣдствiе чего сознанiе о непоколебимости такого порядка вещей все болѣе и болѣе укореняется въ головѣ степняка.

Не иллюстрируя сказаннаго болѣе примѣрами, укажемъ на многiе случаи тѣхъ не нормальныхъ явленiй, къ которымъ приводитъ калымъ, когда около него создалась атмосфера, не соотвѣтствующая уже ни патрiархальному быту и его своеобразнымъ нравственнымъ началамъ, ни тѣмъ взглядамъ, которые имѣла женщина, незнавшая и невѣдавшая другой жизни, кромѣ условiй существованiя степной женщины. Часто случается, чтобы выйти изъ гнетущей бѣдности или породниться съ влiятельнымъ человѣкомъ, управителемъ или бiемъ, родители, или братья, сватаютъ молоденькую дѣвочку, за человѣка, который нѣсколько разъ старше ея, имѣетъ уже жену и дѣтей, но для удовлетворенiя своего сластолюбiя и тщеславiя «беретъ» себѣ еще юное существо, не заботясь, конечно, каково ей жить съ нимъ.— Далѣе бываютъ случаи, что родители, желая выманить за дочь какъ можно болѣе калыма, особенно, видя, что дочь приглянулась жениху, который уже тайно давно ее посѣщаетъ, стараются торговаться до возможныхъ предѣловъ, пока дочь не забеременитъ или у жениха лопнетъ терпѣнiе, онъ ее увезетъ или броситъ, сойдясь съ другой. Бываютъ случаи, въ которыхъ обѣ стороны совершенно неповинны, напр. ребенокъ обжегся у очага,

оспа его обезобразила, или наслѣдственный сифилисъ его изуродовалъ, или какое нибудь непредвидѣнное несчастье искалѣчило жениха или невѣсту; калымъ заплоченъ весь, или въ части, отдать нечѣмъ, все уже проѣдено, отказаться стыдно и страшно, потому что можно навлечь преслѣдованія цѣлаго сильнаго рода или вліятельной партіи. Какъ тутъ быть? Приходится, скрѣпя сердце, жениться или выйти замужъ. Можно себѣ представить, какова при этомъ жизнь супруговъ, въ особенности, когда гнететъ бѣдность, вслѣдствіе которой, нѣтъ никакого выхода изъ такого положенія. Извѣстно, что при бѣднотѣ, каждое несчастье становится еще болѣе трагичнымъ. Необходимо помнить, что всякій семейный раздоръ или брачный разладъ влечетъ за собой судебныя тяжбы, навлекаетъ неудовольствіе родственниковъ, заинтересованныхъ въ калымѣ, и вызываетъ безконечные раздоры и соединенные съ нимъ расходы.

Теперь сведемъ къ одному общему знаменателю всѣ стороны киргизскаго женскаго вопроса: женщина по общему правилу просватывается противъ ея воли съ самаго малаго возраста; за нее платится выкупъ въ въ такомъ количествѣ, что получающіе его бываютъ очень въ немъ заинтересованы; при выборѣ жениха она голоса неимѣетъ; принадлежитъ она не только семьѣ, но роду; даже вдовѣя, ея личность не дѣлается свободною, напротивъ она часто изъ подруги, хотя и подневольной, дѣлается рабой. Голосъ и значеніе въ жизни аула она пріобрѣтаетъ только въ случаѣ личныхъ достоинствъ, но и тутъ вліяніе ея парализуется тѣмъ зависимымъ положеніемъ, въ которомъ она находится передъ мужемъ и его родней, напр. по этикету адата передъ старшимъ братомъ мужа женщина не имѣетъ права говорить и распоряжаться.

Благодаря своей зависимости отъ рода, положеніе женщины, вступленіе которой въ юрту обусловлено уплатой калыма—безвыходное, поддержки ей найти негдѣ и не у кого. Она съ малолѣтства запродана, какъ купленая вещь, поступаетъ въ пользу своего владѣльца, работаетъ на него всю жизнь, приживаетъ съ нимъ дѣтей, кормитъ и роститъ ихъ; она, старѣя уже и дряхлѣя, часто вынуждена быть свидѣтельницей, какъ мужъ ея, пріобрѣтая себѣ другую молодую жену, не обращаетъ на нее своего благосклоннаго взгляда, особенно если она даже не старшая жена (бай-бише), а вторая жена (тукалъ), для постороннихъ же людей она просто кемпиръ (старуха).

Кажется, достаточно наглядно видно, каково личное положеніе женщины, сначала зависящей отъ отца и братьевъ, потомъ отъ мужа и наконецъ, родственниковъ послѣдняго*). Можно себѣ составить представленіе, что такого рода существованіе едва ли можетъ быть названо человѣческой жизнью, особенно въ нашъ прогрессивный вѣкъ, когда за женщиной признаны тѣ же права не только на личное независимое существованіе, но и на участіе въ общественной жизни. Какъ бы ни была зависима женщина въ трудящемся классѣ русскаго народа, но при извѣстной личной самостоятельности, при благопріятныхъ условіяхъ у ней есть выходъ: можетъ выйти и по любви, можетъ уйти на заработокъ, въ монастырь, зажить личной жизнью, имѣть собственныя средства къ существованію, словомъ вносить въ жизнь свое я, для чего всегда можетъ найти поддержку и защиту. Между тѣмъ киргизская женщина—

*) Насколько родовой бытъ играетъ роль въ семейной жизни, можно заключить изъ того, что при жизни дѣда и бабки, внучата своихъ родителей называютъ аке—(отецъ) и шеше—(мать), а отца ага (старшій братъ), а мать апа (сестра); иногда же мать зовутъ просто по имени.

вещь, принадлежащая даже не одному человѣку, а цѣлой группѣ людей, которые вольны съ ней сдѣлать что угодно: бить, истязать, мучить, терзать нравственно, продавать, отдавать сплошь и рядомъ сарту за долгъ, дарить разнымъ ишанамъ и пр.; нельзя только убить, такъ какъ въ этомъ случаѣ является вмѣшательство русскаго закона;—«кунъ» за убійство теперь уже уничтоженъ. При дѣйствующемъ положеніи, выхода киргизской женщинѣ нѣтъ никакого. До 1887 года уѣздные начальники имѣли право, по желанію, выдавать вдовамъ и дѣвицамъ отдѣльные виды на жительство, благодаря которымъ женщина была гарантирована отъ поползновенія алчныхъ и сластолюбивыхъ претендентовъ. Къ сожалѣнію, эта прогрессивная мѣра, которая практиковалась около 20-ти лѣтъ, была, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, вѣроятно по тенденціи невмѣшательства, отмѣнена и теперь женщина, въ лицѣ русскаго начальника, болѣе не видитъ защиты и опоры для возстановленія своихъ попранныхъ угнетенныхъ правъ. Русской власти приходится быть безучастнымъ зрителемъ и холоднымъ наблюдателемъ тѣхъ гнусныхъ явленій и издѣвательства, которому подвергается женщина, находящаяся, благодаря калыму, въ желѣзныхъ тискахъ адата, за отсутствіемъ какого либо протеста въ законѣ. Остается прибавить, что всѣ дѣла у біевъ, единоличныхъ и въ составѣ съѣзда, могутъ быть распредѣлены на слѣдующія группы: дѣла о верблюдахъ, лошадяхъ и женщинахъ.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какое вліяніе имѣетъ такого рода зависимость женщины отъ калыма на общественную жизнь киргизовъ, ихъ нравственность, экономическій бытъ и по скольку она вліяетъ на отношенія киргизскаго народа къ русскимъ началамъ и успѣхамъ цивилизаціи, хотя медленно, но проникающей

въ степь; постараемся также вникнуть въ то, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ такого рода институтъ, какъ калымъ, обратившійся въ цѣлую систему безправія по отношенію къ женщинѣ.

Принадлежность женщины роду и зависимость ея отъ старшихъ родовичей мужа вноситъ въ ея семейныя отношенія посторонній элементъ, вслѣдствіе давленія и вмѣшательства котораго, устраняется ея безусловное вліяніе на дѣтей, мужа, ихъ семейныя отношенія, судьбу дочерей, которыхъ она подчасъ послѣ выдачи замужъ, никогда болѣе не видитъ. Въ дѣтяхъ не можетъ быть развито уваженіе къ матери, пріобрѣтенной за столько то головъ скота и, которая всегда можетъ встрѣтить соперницу, купленную за большій калымъ. При такомъ порядкѣ вещей не можетъ развиться нормальная семья, а при паденіи родовыхъ понятій, вмѣсто родовой тѣсно сплоченной группы, съ патріархальною нравственностью, создастся конкубинатъ, основанный на куплѣ-продажѣ женщины, и поддерживаемый произволомъ продажныхъ біевъ, для которыхъ протестъ женщины, уже сознающей свое право быть хозяйкой въ юртѣ, а не рабой или наложницей, не имѣетъ никакого значенія. Напротивъ, они смотрятъ на такого рода проявленіе самостоятельности, какъ на посягательство на право мужчины быть владыкою надъ женщиной, а потому послѣдняя только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ внушить сочувствіе въ народныхъ судьяхъ и то, если они знаютъ, что ихъ рѣшеніемъ заинтересована русская власть. Прямо идя въ разрѣзъ съ семейнымъ началомъ, только подъ воздѣйствіемъ котораго можетъ формироваться характеръ человѣка, институтъ калыма влечетъ за собою распущенность нравовъ, до того распространенную и до такой степени въѣвшуюся въ натуру киргиза, что невѣрность мужа и

жены никогда никого не изумляетъ. На это смотрятъ какъ на обыкновенное явленіе. Напримѣръ, киргизу имѣющему нѣсколько женъ, вовсе не мѣшаетъ обзавестись, и любовницей, къ которой онъ имѣетъ личную склонность; точно также жена, которая подчасъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ мужа, всегда обезпечена любовникомъ. Все это дѣлается на виду дѣтей и никого не шокируетъ. Да оно и понятно. Всякій киргизъ сознаетъ, что женщина, взятая не по склонности, а по сватовству, никакого серьезнаго чувства возбудить не можетъ и не въ состояніи вселить уваженіе къ себѣ. Случается иногда слышать циничное сравненіе женщинъ съ нагайкой, которую, если она сломалась, всегда можно замѣнить новою. Лучшимъ показателемъ этого можетъ служить то, что киргизъ никогда не признается, что онъ совѣтовался или хочетъ совѣтоваться съ женой. Съ точки зрѣнія адата, это позорная для мужчины вещь, хотя оно, конечно, не исключаетъ фактическаго вліянія жены на мужа, при сильной волѣ первой и безхарактерности послѣдняго. Доступность киргизскихъ женщинъ есть, можетъ быть, послѣдствіе того культурнаго періода народной жизни, когда хозяинъ долженъ былъ предоставить гостю кромѣ крова, пищи, подарка, также жену или дочь. Теперь этотъ обычай вышелъ изъ употребленія, сохранившись еще кой гдѣ въ захолустныхъ уголкахъ степи. Говорятъ, что можно еще встрѣтить его среди Сибирскихъ киргизовъ. Во всякомъ случаѣ этотъ обычай находится въ тѣсной связи съ калымомъ и ясно показываетъ, что честь жены и женщины считается ни во что и она сама даже не заслуживаетъ чувства ревности со стороны мужа; переживаніе этого обычая, можетъ быть и выражается отчасти, въ супружеской невѣрности. Во всякомъ случаѣ калымъ способствуетъ такому порядку

вещей и не даетъ матеріала для борьбы съ той поразительной распущенностью нравовъ, которая разумѣется, далеко не способствуетъ ни благополучію семейной жизни, ни нравственности подростающаго поколѣнія. Въ виду того, что женщину можно себѣ пріобрѣсти не только тогда, когда къ тому есть экономическая потребность, но и когда это дѣлается изъ одного сластолюбія или тщеславія, такой институтъ, какъ калымъ, идетъ рука объ руку съ мусульманствомъ, считающимъ полигамію за одинъ изъ своихъ общественно-нравственныхъ устоевъ. Прежде однимъ изъ способовъ увеличенія численности гарема для мусульманскихъ народовъ, которые ни какъ не могутъ перешагнуть изъ VII столѣтія въ XIX, было: военноплѣнныя и рабыни, которыхъ покупали и покупаютъ до сихъ поръ втихомолку, какъ это намъ показываетъ недавній процессъ пашей въ Египтѣ. Эти два типа пополненія своего гарема вошли и въ религіозно-нравственный кодексъ мусульманъ. Въ Россіи ни того, ни другаго конечно дѣлать болѣе нельзя, но за то существуетъ калымъ, который съ успѣхомъ ихъ замѣняетъ. Съ этимъ можно еще пожалуй примириться, когда пріобрѣтеніе женскаго элемента происходитъ по адату, среди самихъ каргизовъ, но когда благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ киргизъ съ татарами и сартами и мѣстами полной экономической зависимости отъ послѣднихъ, киргизскія дѣвушки распродаются сплошь и рядомъ сартамъ—кредиторамъ, обращаются въ сартянокъ и этимъ способствуютъ сближенію киргизъ съ сартами, то, по моему, тутъ нѣтъ никакого оправданія съ точки зрѣнія обычнаго права. Это есть ничто иное, какъ видъ купли-продажи живаго имущества, недопускаемаго нашимъ закономъ; тутъ калымъ обращается просто въ спекуляцію и орудіе закрѣпощенія женщины. При настоящей же

сильной пропагандѣ мусульманства среди киргизъ, которое уже почти безвозвратно захватило ихъ въ свои цѣпкія руки, пріобрѣтеніе женщины посредствомъ калыма прямо способствуетъ развитію многоженства и мусульманской точки зрѣнія на женщину. Что многожество не есть вовсе потребность, а лишь прихоть и роскошь, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что бѣдные и средняго состоянія киргизы вполнѣ обходятся одною женою, а только зажирѣвшіе біи и баи обзаводятся, изъ сластолюбія и тщеславія, нѣсколькими женщинами. При физическомъ сложеніи киргизки, которая, выходя позднѣе замужъ, гораздо дольше сохраняется, почти какъ европейская женщина, нѣтъ никакого оправданія для многоженства, хотя бы съ этой точки зрѣнія*). Способствуя распространенію многоженства и этимъ косвенно содѣйствуя укрѣпленію ислама среди киргизъ, существующій порядокъ вещей болѣе отдаляетъ киргизъ отъ русской жизни и воспріятія ими европейской цивилизаціи.

Наши стремленія должны заключаться въ томъ, чтобы пріобщить киргизовъ къ цивилизаціи; между тѣмъ институтъ калыма, ставящій женщину въ положеніе предмета купли-продажи, рѣшительно препятствуетъ этому. Станемъ на точку зрѣнія киргиза и мы увидимъ, къ чему ведетъ теперешнее положеніе дѣла. Жену онъ можетъ отпустить, когда хочетъ, взять другую, какую хочетъ, женъ можетъ имѣть сколько угодно, даже больше пяти. Въ этомъ отношеніи киргизъ шаріатомъ не стѣсняется. Желаетъ ли взятая женщина быть его женой, нравился ли онъ ей, до всего этого ему нѣтъ

---

*) Необходимо, наконецъ, опредѣлить предѣльный возрастъ для всѣхъ безъ изъятія туземокъ, когда онѣ имѣютъ право выходить замужъ и искоренить то безобразіе, которое теперь творится на каждомъ шагу, когда на 11—12 лѣтней женится 80 лѣтній старикъ.

дѣла. Онъ отдалъ калымъ, она одѣла *джаулыкъ**) и она его женщина, должна ему служить всю жизнь; зачѣмъ ему передъ ней стѣсняться? У киргиза нѣсколько матерей; родившая его, если она не старшая жена, брошена отцомъ какъ никуда негодная тряпка; ее замѣнила молодая и красивая, родная же мать ходитъ въ грязныхъ рубашкахъ и рваныхъ халатахъ, живетъ въ худой кибиткѣ, таскаетъ воду, ставитъ юрту, вьючитъ верблюдовъ и ходитъ за скотомъ и т. п. Стало быть она нужна только для работы. По отношенію къ дочерямъ отецъ думаетъ: если бы мнѣ за такую дали столько-то калыма, за вторую столько-то, и т. д. Можетъ ли при этомъ развиваться отеческая любовь и заботливость о дочеряхъ? Братъ, глядя на сестру, смотритъ на нее уже прямо, какъ на источникъ дохода, даромъ что она обшиваетъ его съ того времени, какъ только научится держать въ рукахъ иголку. Отъ того калыма, который получается за сестру, зависитъ судьба братьевъ, такъ какъ за нихъ въ свою очередь платятъ калымъ, за невѣсту; когда же калымъ уплоченъ за сестеръ, то положеніе братьевъ становится гораздо затруднительнѣе, если у нихъ нѣтъ состоянія.

Вотъ какова точка зрѣнія киргиза. Можетъ ли она содѣйствовать смягченію взгляда на женщину и не даетъ ли она повода предположить, что отсутствіе всякихъ первоначальныхъ нравственныхъ понятій при такомъ семейномъ бытѣ, есть главный тормазъ въ развитіи киргизъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Онъ съ люльки смотритъ на женщину, какъ на низшее существо, которое находится въ полной его волѣ и власти, съ которой стѣсняться нечего и которую никакія проявленія грубаго произвола не смутятъ.

*) Джаулыкъ—особый головной уборъ замужней киргизки.

Но есть еще сторона, которая уже имѣетъ огромное значеніе вообще для насъ русскихъ—это соединенныя, по моему, съ вопросомъ о калымѣ, систематическія кражи скота у киргизъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ киргизъ является участникомъ въ кражѣ денегъ, хлѣба, вещей, но за то въ конокрадствахъ и т. п. рѣдкій киргизъ такъ или иначе не приметъ участія. Такъ какъ калымъ выплачивается не номинально только, но и фактически скотомъ, то, мнѣ кажется, его можно положительно поставить въ связь съ этимъ бичемъ степной жизни—кражами скота, которыя почти замѣнили собою прежній видъ угона скота—баранту. Дѣйствительно, если мы ближе посмотримъ на жизнь киргиза, котораго всѣ экономическіе разсчеты и другіе помыслы связаны съ вопросомъ о калымѣ, онъ ежеминутно только занятъ мыслію гдѣ бы достать скота, чтобы уплатить калымъ за себя или за сына и когда получить калымъ за дочь или сестру. Хорошо, если есть чѣмъ платить и что получать, а если этого нѣтъ, то необходимо добыть такъ или иначе. Въ доброе старое время, лихой барантачъ, имѣвшій за собою большую родню и всегда готовыхъ джигитовъ, не затруднялся, садился на коня, вооружался и увозилъ невѣсту или же угонялъ скотъ, которымъ и уплачивалъ калымъ, а затѣмъ уже входя въ переговоры съ врагомъ, мирился или заставлялъ его покориться, если имѣлъ силу. Теперь времена эти уже прошли, надо считаться съ русскими понятіями о разбояхъ и грабежахъ. Счастье, если дѣло сведется къ простому самоуправству, а то горе невѣжественному степняку, особенно, если замѣшается сюда еще убійство: начнутся дознанія, безконечныя слѣдствія, судъ, тюрьма, гдѣ онъ задыхается отъ отсутствія чистаго воздуха; подчасъ кандалы и холодная Сибирь, откуда остается или бѣжать въ

Кашгаръ и Авганистанъ, или же зачахнуть отъ тоски по родинѣ.

Хотя подобная перспектива, какъ и всякое наказаніе, должна была бы дѣйствовать устрашающимъ образомъ, но бываютъ случаи, когда человѣкъ ни передъ чѣмъ не останавливается. Положеніе недостаточнаго киргиза бываетъ иногда весьма затруднительное; прежде всего нужно чѣмъ-нибудь прокормиться, а затѣмъ доплатить калымъ, иначе пропадетъ вся уплоченная часть; честнымъ путемъ взять негдѣ, такъ какъ заработковъ въ степяхъ нѣтъ, да и работать киргизъ ничего еще не умѣетъ. А между тѣмъ соблазнъ предъ глазами: чужой скотъ ходитъ почти безъ всякаго призора; выбрать, угнать до поры до времени въ глухое мѣсто—дѣло вовсе не трудное... Сватъ всегда приметъ краденое и самъ его будетъ хоронить не хуже зятя вора. Въ случаѣ-же неудачи, соображаетъ киргизъ, всегда можно устроиться: примѣровъ кругомъ много. Необходимо прежде всего задобрить волостнаго управителя, а бій все прикроетъ; вѣдь можно и для него угнать хорошаго верблюда или жирную кобылицу, или-же одарить его 10—15 руб., хорошимъ халатомъ, зарѣзать барана, словомъ ублаготворить...

Я позволилъ себѣ это небольшое отступленіе отъ интересующаго вопроса, чтобы рельефнѣе изобразить какими интересами живетъ киргизъ, его семья и родъ; отъ послѣдняго онъ зависитъ настолько, что внѣ его онъ ничто: безъ помощи рода онъ безъ жены, безъ родовичей, безъ свидѣтелей на судѣ; безъ родни онъ неоплатный недоимщикъ и дойная корова для всякаго міроѣда и игрушка въ рукахъ лицъ туземной администраціи. Внѣ своего рода онъ голоденъ, холоденъ, неодѣтъ и беззащитенъ. Киргизъ до такой степени опутанъ съ ногъ до головы родственными узами, на кото-

рыхъ основанъ по адату весь его кочевой и полукочевой бытъ, что утерявъ ихъ, онъ остается безъ всякой почвы подъ ногами. Характеръ кражъ есть по моему наилучшій показатель преобладающей потребности въ данной группѣ населенія, потому что, исключивъ единичныя кражи по склонности или по случайному стеченію обстоятельствъ, сложившихся неблагопріятно для какого нибудь субъекта, мы имѣемъ массовыя кражи, которыя проистекаютъ, конечно, не отъ испорченности натуры, а отъ извѣстной экономической потребности. Такъ, въ лѣсныхъ полосахъ, гдѣ крестьянинъ нуждается въ лѣсѣ для удовлетворенія своихъ потребностей, преобладаютъ дѣла о лѣсоистребленіи; при этомъ наблюдается такое явленіе: человѣкъ, который не украдетъ ни денегъ, ни лошади, ни какихъ либо другихъ предметовъ, не считаетъ вовсе предосудительнымъ совершить кражу лѣса. Сопоставляя эти явленія съ кражами скота у киргизъ, мнѣ кажется, что можно почти безошибочно прійти къ тому заключенію, что преобладаніе извѣстнаго типа похищеній несомнѣнно указываетъ или на экономическую потребность, или же на извѣстное міровоззрѣніе, которыя идутъ въ разрѣзъ съ существующими порядками. Находясь въ вѣчной зависимости отъ калыма, киргизъ вынужденъ постоянно изыскивать средства для удовлетворенія этой потребности, особенно при обѣдненіи киргизскихъ массъ и уменьшеніи количества скота, благодаря разнымъ неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ. Всѣ административныя учрежденія, народные и русскіе суды завалены дѣлами о кражахъ скота, которыя составляютъ страшное зло степной жизни, борьба съ нимъ почти невозможна, благодаря той экономической связи, которая соединяетъ это явленіе съ институтомъ калыма и заинтересованности цѣлой родовой группы людей въ каждомъ дѣлѣ.

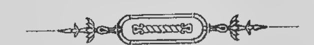
Вслѣдствіе такой массы дѣлъ среди киргизъ страшно развито сутяжничество. Чуть какое-нибудь явленіе нарушило интересы сильныхъ, какъ его родственники возбуждаютъ дѣло въ народномъ или русскомъ судѣ, обвиняя въ разныхъ иногда не бывалыхъ преступленіяхъ; при разборѣ дѣла мотивомъ служатъ большею частью счеты по калыму или по выборамъ; несмотря подчасъ на страшныя обвиненія, взведенныя другъ на друга, сторонамъ не мѣшаетъ самымъ благодушнымъ образомъ примириться и уже совмѣстно хлопотать о прекращеніи дѣла. Давая матеріалъ для сутяжничества, институтъ калыма имѣетъ еще ту сторону, весьма пагубную для развитія благосостоянія киргизскаго населенія, что вызываетъ неустойчивость состояній: сегодня у какого-нибудь киргиза есть скотъ, лошади, верблюды, бараны, завтра онъ отдалъ часть скота или весь въ калымъ и остался безъ ничего. Если-же у него нѣтъ дочерей, то ему остается вся надежда на помощь родственниковъ. Вызывая колебаніе собственности въ видѣ основнаго фактора благосостоянія киргиза скота, этотъ порядокъ вещей не развиваетъ въ немъ стремленія упрочить свое благосостояніе и пріучаетъ его къ полной беззаботности и покорности судьбѣ: «Богъ далъ, Богъ взялъ, все отъ Бога», говорятъ киргизы. Дѣйствительно есть-ли смыслъ прилагать заботы объ улучшеніи своего благосостоянія, когда все, что вы имѣете, рискуетъ быть отобраннымъ въ пользу свата (кудаа), какъ они называютъ тѣхъ, съ кѣмъ входятъ въ свойство. Въ этомъ случаѣ у киргизъ никакой мѣры или нормы не существуетъ: давай что есть, иначе не дадутъ невѣсты, а сына уже пора женить.

Послѣ всего вышесказаннаго остается поставить вопросъ: какой-же способъ борьбы съ этимъ зломъ,

какъ я называю тотъ узаконенный видъ купли-продажи женщины, который мы называемъ женитьбой по адату, утѣшая себѣ тѣмъ, что это составляетъ народный обычай, посягать на который не считаемъ себя въ правѣ, какъ бы онъ дикъ не былъ. Бороться съ такимъ явленіемъ народнаго быта, какъ калымъ, можно, мнѣ кажется, только культурнымъ путемъ: не говоря уже о самомъ вѣрномъ хотя и медленномъ способѣ, именно развитіи просвѣщенія въ степи, для чего должны быть увеличены и развиты русскія школы для дѣтей обоихъ половъ, мнѣ кажется, есть еще способъ, который далъ бы возможность женщинѣ найти выходъ изъ своего положенія въ тѣхъ случаяхъ, когда она имъ тяготится и сознаетъ его тяжесть,—это предоставленіе ей права во всѣхъ случаяхъ искать защиты русскаго суда, такъ какъ ожидать отъ туземнаго она кромѣ порабощенія, конечно, ничего не можетъ; затѣмъ возстановленіе права начальникамъ туземнаго киргизскаго населенія выдавать, какъ это практиковалось до 1887 года, свободный видъ на жительство тѣмъ дѣвицамъ и вдовамъ, которыя не пожелаютъ выходить по калыму, и этимъ гарантировать отъ насилія надъ ея чувствами. Также безусловно необходимо ограничить возрастъ выхода замужъ дѣвушекъ общимъ узаконеніемъ и требовать согласія каждой дѣвицы при выходѣ въ замужество, чтобы ввести постепенно въ сознаніе массы, что женщина имѣетъ тѣ-же права на свою судьбу, какъ и мужчина. Есть еще способъ, который радикальнѣе, но онъ вызоветъ слишкомъ большую ломку и, какъ всякая крупная мѣра, можетъ вызвать неудовольствіе и самыя благія намѣренія могутъ сдѣлаться непопулярными и дискредитировать мѣропріятія правительства, что конечно не желательно: это воспрещеніе біямъ принимать и разбирать, какія то ни

было дѣла и споры, основанныя на калымѣ, подъ страхомъ отвѣтственности. Настало, наконецъ время, когда вопросъ о калымѣ долженъ обратить серіозное вниманіе, какъ изслѣдователей народнаго быта, такъ и практическихъ дѣятелей, такъ какъ принимая все болѣе и болѣе форму спекуляціи, приближая киргизку къ типу мусульманской женщины, онъ идетъ въ разрѣзъ съ просвѣтительной задачей Россіи на Востокѣ и долженъ вызвать глубокое негодованіе всякаго образованнаго человѣка, которому приходится сталкиваться съ такимъ явленіемъ и, сложа руки, слѣдить за тѣми результатами, къ которымъ онъ приводитъ, низводя женщину до положенія вьючнаго животнаго, не имѣющую выхода изъ своего зависимаго и рабскаго состоянія.

«Средняя-Азія,» научно-литератур. сборникъ 1895 г.

По поводу образованія киргизскихъ женщинъ въ Тургайской области.

Нельзя не порадоваться извѣстію, напечатанному въ № 37 «Тургайской Газеты», гдѣ говорится объ открытіи въ г. Актюбинскѣ и ф. Карабутакѣ русско-киргизскихъ женскихъ училищъ; такимъ образомъ въ Тургайской области, съ прежними такими же школами въ Иргизѣ, Тургаѣ и Кустанаѣ, будетъ 5 первоначальныхъ училищъ; когда къ этому присоединится русско-киргизская женская прогимназія въ Кустанаѣ*), то явится уже небольшая система, благодаря которой киргизская дѣвочка можетъ, пройдя первоначальную школу, прогимназію, поступить въ гимназію, а при благопріятныхъ условіяхъ на курсы и, занять мѣсто, въ ряду интеллигентныхъ женщинъ. Объ этомъ, конечно, еще преждевременно говорить, можно еще только мечтать, но путь открытъ, а для сильнаго энергичнаго субъекта этого достаточно; если-же мы сопоставимъ стремленіе къ образованію и ученію у мужской части киргизъ—казацкаго народа, то можно надѣяться, что и женская половина, не заѣденная мусульманскою зам-

*) Прогимназія уже открыта 8 октября сего года. *Прим. ред.*

кнутостью, не отстанетъ отъ своихъ братьевъ и оправдаетъ возлагаемыя на нее надежды просвѣщенныхъ дѣятелей изъ среды того-же народа, которыми были: основатель перваго женскаго училища покойный инспекторъ школъ г. Алтынсаринъ и нынѣ здравствующій б. мировой судья султанъ Сейдалинъ 1-й.

Но главными препятствіями къ достиженію этого идеала могутъ служить два фактора: во-первыхъ, мусульманство, все болѣе и болѣе охватывающее киргизскія народныя массы и, во вторыхъ, соціальное положеніе киргизской женщины, забытой русскимъ законодательствомъ; на этомъ необходимо остановиться и оцѣнить, насколько стремленіе къ обученію дѣвочекъ, хотя бы у отдѣльныхъ лицъ, по различнымъ побужденіямъ, можетъ парализоваться этими двумя явленіями. Забывать, или закрывать на это глаза, положительно невозможно, потому что, кромѣ главныхъ путей, которые открываютъ дорогу киргизской женщинѣ къ развитію, должны быть расчищены и подъѣздные пути, безъ которыхъ попадаетъ на желаемую дорогу слишкомъ мало единицъ; да и тѣмъ борьба можетъ оказаться непосильной, вслѣдствіе чего самыя благія намѣренія разобьются о непреодолимыя препятствія, полагаемыя предразсудками, фанатизмомъ и отживающими обычаями. Поэтому коснемся прежде всего, вкратцѣ, положенія женщины въ теперешней средѣ киргизъ—казацкаго народа и тѣхъ силъ, которыя на нее воздѣйствуя, создаютъ условія ея существованія. Среди степного, кочевого или, лучше сказать, въ настоящее время полукочевого народа женщина, поставленная въ условіяхъ самостоятельной хозяйки, на рукахъ которой лежатъ заботы о дѣтяхъ, скотѣ, пищѣ, приготовленіи одежды для разнаго времени года, постановкѣ юртъ и прочее, не могла, конечно, быть такъ обезличена и

лишена всякой инициативы, относительной свободы и независимости, какъ у другихъ народовъ тюркскаго происхожденія, исповѣдующихъ исламъ; кому извѣстны условія жизни киргиза, тому очевиднымъ станетъ, что безъ извѣстной самостоятельности, предоставляемой женщинѣ, не могъ бы перекочевать, ни даже просуществовать, ни одинъ киргизскій аулъ. Въ подробности вдаваться не будемъ, потому что газета, которая гостепріимно открыла свои столбцы, для настоящаго краткаго очерка, издается на рубежѣ степи и читается большею частью въ той средѣ, въ которой условія жизни киргизскаго аула хорошо извѣстны; пояснимъ только, что киргизская жизнь гдѣ-нибудь, на Эмбѣ или Иргизѣ, не многимъ отличается отъ таковой-же, на Сырѣ или Чу. Повсюду киргизка является краеугольнымъ камнемъ благосостоянія аула, создала себѣ положеніе самостоятельной хозяйки, безъ совѣта которой мужъ или родовичъ никогда не предпринимаетъ какого-либо рѣшительнаго шага. Такъ что въ экономическомъ отношеніи, положеніе киргизской женщины достаточно упрочено и вліяніе ея безусловно велико: казалось, этого было бы достаточно, чтобы и въ соціальномъ отношеніи она заняла подобающее ей положеніе; но тутъ то и является воздѣйствіе тѣхъ факторовъ, о которыхъ было упомянуто выше; они парализуютъ то независимое положеніе, которое создаетъ киргизкѣ условія ея экономическаго быта. Въ соціальномъ отношеніи женщина, пріобрѣтенная за извѣстное количество калыма, выплачиваемаго съ дѣтства, частью семьей мужа, частью ближайшими родовичами, составляетъ принадлежность рода, внѣ котораго она не имѣетъ никакого положенія: выхода ей нѣтъ, потому что она представляетъ собой цѣнность во столько-то головъ скота, которая должна быть возмѣщена, если предметъ

ея стоимости переходитъ въ другія руки, помимо того цикла родовичей, которые были заинтересованы въ уплатѣ за женщину калыма. До сихъ поръ калымъ у киргизъ составляетъ такую цѣнность, что въ немъ является заинтересованной довольно большая группа людей и не наблюдается склонность къ пониженію его, до того уровня, когда онъ переходитъ уже въ простой подарокъ или кладку, на приданое дѣвицы. Пока калымъ не вылился въ эту форму сдѣлки, доступной отдѣльной личности, женщина, за которую выплачивается столько, что цѣнность ея можетъ подчасъ составлять состояніе цѣлой кибитки, всегда будетъ въ положеніи предмета купли и продажи, каковымъ она и является въ настоящее время, пока ненадѣла «джаулыкъ». Цѣлый разрядъ дѣлъ, которыя составляютъ главный предметъ столь развитаго у киргизъ сутяжничества— это дѣла о калымѣ и послѣдствіяхъ его, въ той или другой формѣ. При этомъ однако отъ внимательныхъ наблюдателей киргизской жизни не можетъ ускользнуть то явленіе, что со стороны женщинъ является уже извѣстный протестъ противъ такого закрѣпощенія, выражающійся въ частыхъ случаяхъ побѣговъ отъ мужа, увозѣ дѣвицъ, невѣрности своему господину и т. п. Къ сожалѣнію, русское законодательство совершенно омыло руки въ этомъ дѣлѣ и предоставило вполнѣ теченію времени и обстоятельствъ разрѣшеніе этого важнаго вопроса. На что русскій законъ закрылъ глаза, то мусульманскій шаріатъ бдительно наблюдаетъ и незамѣтно проникаетъ въ киргизскій бытъ, котораго «адатъ» подъ его вліяніемъ все болѣе и болѣе принимаетъ мрачный и узкій колоритъ мусульманства. Подъ воздѣйствіемъ торговцевъ татаръ или сартовъ, ишановъ, суфэ, а также доморощенныхъ муллъ, мусульманская точка зрѣнія все болѣе и болѣе проникаетъ въ среду

киргизскихъ массъ, которыхъ, по недоразумѣнію развѣ, можно называть, плохими мусульманами. Старожилы, имѣвшіе возможность наблюдать киргизскую жизнь въ теченіи 15 лѣтъ, на границѣ Семирѣченской и Тургайской областей, единогласно увѣряютъ, что отчужденіе женской половины отъ мужской и обряды совершенія молитвъ (намазы) значительно прогрессировали, на ихъ глазахъ. Мусульманская точка зрѣнія на женщину извѣстна, а потому законодатели модъ и вкусовъ въ степи, татары и сарты, весьма легко, при помощи муллъ, передаютъ свое міровоззрѣніе воспріимчивымъ и частью зависимымъ отъ нихъ степнякамъ, а взгляды этихъ пропагандистовъ таковы, что подчиненіе, замкнутость и отчужденіе женщины отъ мужчины вполнѣ ими санкціонируется и поощряется; въ Туркестанѣ, наприм., сплошь и рядомъ встрѣчается покупка, подъ видомъ калыма, главнымъ образомъ, сартами киргизскихъ дѣвушекъ, послѣдствіемъ чего появился особенный типъ туземцевъ «чалаказаки», которые уже, конечно, плотно примкнули къ мусульманской культурѣ. Эти два фактора: соціальное положеніе киргизской женщины вообще и проникновеніе мусульманскихъ воззрѣній на нее должны служить главными препятствіями къ распространенію просвѣщенія между женщинами. На самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на то, что каждая дѣвочка уже съ колыбели просватана, а какъ только ея женихъ («куеу») и его родня, въ силахъ отдать весь оставшійся калымъ и тойлыкъ за нее, невѣсту, будь ей даже 12 лѣтъ, уже требуютъ въ кибитку тестя и тогда не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь ученіи; не надо забывать, что почти всякая дѣвочка, отданная въ школу, уже невѣста и можетъ быть во всякое время выдана замужъ, тѣмъ болѣе, что общій законъ о предѣльномъ возрастѣ въ киргизскихъ степяхъ не введенъ;

на это тѣмъ болѣе необходимо обратить вниманіе, что и съ молодыми людьми, учащимися въ киргизскихъ школахъ, случается то же самое; юноша учится, «кудаа» (сватъ) и его родня требуютъ, чтобы были покончены счеты по калыму и невѣста была бы отдана жениху. Можно себѣ представить положеніе дѣвушки, получившей уже нѣкоторое развитіе въ первоначальной школѣ, замечтавшейся о дальнѣйшемъ образованіи, если въ этомъ положеніи ее потащутъ въ аулъ, одѣнутъ «саукелэ» и отдадутъ за какого-нибудь старика или фанатика муллу, который сейчасъ-же надѣнетъ на нее покрывало и обратитъ въ орудіе своей страсти. Это конечно немного натянутый примѣръ, но возможность его оспариваема быть не можетъ. Протестовать киргизка не можетъ, у ней нѣтъ для этого средствъ ни на почвѣ «адата», ни на почвѣ «закона»; прежде русская администрація могла въ это вмѣшиваться, но законъ 1886 г. для туркестанскаго края и 1891 г. для степныхъ областей, лишилъ киргизку и этого выхода изъ ея зависимаго положенія. При такомъ порядкѣ вещей можно себѣ представить случай еще трагичнѣе, если дѣвушка, поступивъ въ гимназію, кончитъ курсъ и пожелаетъ получить высшее образованіе. Вдругъ калымъ окажется выплаченнымъ, женихъ потребуетъ ее къ себѣ въ юрту, черезъ бія, и русской власти останется только, или быть безучастнымъ зрителемъ такого явленія, или-же прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ—вмѣшательству высшей власти и т. п. Что касается мусульманскаго противодѣйствія образованію, то само собою разумѣется, если оно враждебно образованію мужчины, то тѣмъ болѣе инстиктивно должно не сочувствовать и подкапываться подъ образованіе женщины, такъ какъ это есть лучшій и вѣрнѣйшій способъ къ ея освобожденію изъ подъ власти мужчинъ.—Создавая жен-

ское образованіе въ степи и совершая столь важный и рѣшительный шагъ въ пользу развитія киргизской женщины, необходимо обратить вниманіе на обѣ указанныя стороны, особенно на первую, потому что это явленіе узаконено съ точки зрѣнія русскихъ порядковъ и борьба съ нимъ не по силамъ не только женщинѣ, но и мужчинѣ, который тоже не въ состояніи выбиться изъ цѣпей калыма. Если мы даемъ возможность киргизской женщинѣ расширить кругъ своихъ понятій и посредствомъ пріобрѣтенныхъ знаній пріобщиться къ русской жизни, то необходимо создать ей такого рода среду, чтобы пріобрѣтенныя ею познанія были ей не въ тягость и не создали въ ней нравственнаго разлада, а содѣйствовали бы развитію и улучшенію ея быта. Вотъ на эту сторону женскаго образованія мнѣ и хотѣлось обратить вниманіе въ этихъ немногихъ строкахъ, цѣль которыхъ доказать, что одно образованіе безъ необходимой гарантіи независимости для женщины, не можетъ достигнуть своей цѣли. Мнѣ кажется, полезно было бы, хотя для первыхъ началъ въ этомъ благомъ дѣлѣ, дать киргизской женщинѣ, окончившей курсъ, какія-нибудь привиллегіи передъ другими, чтобы она не могла быть игрушкой въ рукахъ своихъ родственниковъ или, по крайней мѣрѣ, ограничить право на нее извѣстнымъ возрастомъ, для выхода въ замужество дѣвушкамъ, поступившимъ въ школу, если этого вообще не пора сдѣлать для всѣхъ киргизскихъ дѣвушекъ. Но тутъ невольно придется призадуматься надъ тѣмъ, какъ это сдѣлать, что бы вмѣстѣ съ тѣмъ не оттолкнуть киргизъ отъ дѣла женскаго образованія, чѣмъ могутъ воспользоваться разные пропагандисты-муллы. Если окончаніе школы дѣвушками не будетъ соединено съ самостоятельнымъ положеніемъ, то окончаніе русской школы и пріобрѣтеніе познаній, не дастъ

киргизской женщинѣ ни сознанія въ преимуществахъ, полученнаго ею образованія, ни уваженія къ русской культурѣ, которая для невѣжественной массы будетъ казаться безсильною, бороться съ укоренившимися обычаями. Положеніе киргизской женщины настолько безправно, что невозможно разсчитывать на какія-нибудь благопріятныя обстоятельства, при которыхъ образованіе, полученное дѣвочкой, можетъ дать ей въ руки оружіе противъ ея порабощенія особенно, повторяю, при усиливающейся мусульманской пропагандѣ; а потому необходимо призадуматься надъ положеніемъ киргизской женщины вообще и тѣмъ болѣе позаботиться о судьбѣ тѣхъ, которыхъ мы изъ слѣпыхъ дѣлаемъ зрячими и которыя, на первыхъ порахъ могутъ встрѣтить много терній на своемъ пути. Привѣтствуя увеличеніе школъ и созданіе женской прогимназіи, отъ души желая развитія и процвѣтанія этому доброму дѣлу, необходимо отмѣтить и обратную сторону медали; вѣроятно тургайская администрація давая починъ въ этомъ важномъ вопросѣ и очевидно сочувствуя ему, конечно обратитъ вниманіе*) на положеніе дѣвочки, окончившей курсъ въ создаваемыхъ ею школахъ; можетъ быть это будетъ первымъ шагомъ къ улучшенію и къ раскрѣпощенію киргизской женщины, которая на глазахъ русскихъ властей часто служитъ игрушкой въ рукахъ своихъ родовичей и имѣетъ мало шансовъ, выйти изъ своего рабскаго состоянія. Остается только пожелать, чтобы примѣру, поданному въ Тургайской области,

---

*) На угнетенное положеніе киргизской женщины вообще уже обращено вниманіе и военнымъ губернаторомъ Тургайской области сдѣлано представленіе г. министру внутреннихъ дѣлъ 10 мая 1893 г. за № 5593, объ измѣненіи законодательнымъ путемъ порядка рѣшенія брачныхъ и семейныхъ дѣлъ у киргизовъ. Объ этомъ мы подробно говорили въ статьѣ «Безправныя женщины», помѣщенной въ № 3 «Тург. Газ.».

Прим. ред.

послѣдовали и въ другихъ центрахъ киргизской степи, особенно въ такихъ чисто-степныхъ городахъ, какъ Казалинскъ и Перовскъ, гдѣ мужское поколѣніе уже привыкло учиться, а потому привлечь къ ученію желательно было бы и женскую половину, тѣмъ болѣе, что благодаря родственнымъ связямъ между населеніемъ Иргизскаго и Казалинскаго уѣздовъ съ одной стороны, Перовскаго и Тургайскаго съ другой, предоставленіе одной части М. Орды, того же, чѣмъ пользуется другая, родственная ей половина, было бы только актомъ справедливости*). Во всякомъ случаѣ, каждый образованный человѣкъ и просвѣщенный дѣятель въ киргизскихъ степяхъ можетъ только радоваться, что, наконецъ, положено начало развитію образованія среди женской половины наиболѣе воспріимчиваго изъ народовъ, исповѣдующихъ исламъ; открытіе прогимназіи служитъ доказательствомъ, что дѣло не остановилось на полпути, но двигается впередъ. Въ заключеніе надо еще разъ напомнить, что одновременно съ развитіемъ грамотности и образованія должны идти мѣропріятія, обезпечивающія личность киргизской женщины отъ порядка вещей, господствующаго въ степи и игнорируемаго законодательствомъ; иначе всѣ благія намѣренія правительства ни къ чему не приведутъ и образованіе не давая женщинѣ положенія въ обществѣ ея сородичей, сдѣлается для нея обузой, если ей придется раскаиваться въ томъ, что судьба дала ей возможность расширить свой кругозоръ и пріобщиться къ европейской жизни.

Какъ этого достигнуть—другой вопросъ, отвѣтить на который не такъ-то легко, но затронуть его и подумать надъ нимъ давно пора, иначе однѣ школы ни

---

*) Прим. «Туркест. Вѣд.» № 71, 27 сентября 1895 г.

къ чему не приведутъ и киргизскія массы будутъ все болѣе погружаться, во мракъ мусульманскаго фанатизма, для распространенія котораго самымъ лучшимъ средствомъ служитъ порабощеніе и обезличеніе женщины. Конечно, это не въ видахъ русскаго дѣла въ степи. Если этими слабыми строками удастся обратить вниманіе на столь важный вопросъ и посодѣйствовать его разрѣшенію, то цѣль этого краткаго очерка будетъ достигнута; автору его останется только благодарить гостепріимную редакцію «Тургайской Газеты», помѣстившую на своихъ столбцахъ вопросъ, одинаково важный для всей «Алаши», отъ Уральскаго хребта до предгорій Тянь-Шаня, такъ какъ повсюду, гдѣ только разбросаны киргизъ-казацкіе аулы, женщина находится въ одинаковыхъ условіяхъ и судьба ея заслуживаетъ вниманія русскаго общества.

«Тургайская газета» 1895 г. № 46.

Осѣданіе кочевниковъ и наше законодательство.

Осѣданіе кочевниковъ происходитъ съ каждымъ годомъ все интенсивнѣе, не только у насъ въ Туркестанѣ, но и въ сосѣдней Тургайской области, гдѣ тоже такъ называемое кочевое населеніе, стало почти уже полукочевымъ, и кочевой бытъ является какъ-бы золотымъ вѣкомъ въ воображеніи мѣстнаго киргиза. Не говоря уже о сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области Казалинскомъ и Перовскомъ, гдѣ благодаря такой водной артеріи, какъ Сыръ-Дарья, возможно развитіе канализаціи, а съ нею и увеличеніе площади культурной земли, но и въ Иргизскомъ, сосѣднемъ съ ними и самомъ обиженномъ природою степномъ уѣздѣ Тургайской области, площадь посѣвовъ, главнымъ образомъ проса, съ каждымъ годомъ увеличивается. Стало быть стремленіе такъ называемаго кочеваго населенія къ осѣданію внѣ сомнѣнія и оно переживаетъ теперь переходное время. Лучшимъ примѣромъ тому могутъ служить постоянно возникающіе между волостями земельные споры; такъ напр., въ 1892—93 г.г., въ Казалинскомъ уѣздѣ, послѣ голоднаго года и вслѣдъ за прорывомъ Куванъ-Дарьи, къ Аральскому морю, между волостями Актю-

бинской, Актугайской, Каратюбинской, Раимской и друг., населеніе которыхъ съ жадностью набросилось на вновь орошенныя земли, возникъ огромный споръ, долго тянувшійся, кажется, уже разрѣшенный, но едва-ли удовлетворившій населеніе. Раньше этого былъ въ 1890—91 г.г. въ томъ-же уѣздѣ большой земельный споръ, изъ-за удобныхъ для посѣвовъ мѣстъ, на Джаны-Дарьѣ, между киргизами Зандарской, Колымбасовской, Карабастугайской, Кучербаевской и Курганчинской волостей, тоже долго тянувшійся. Затѣмъ происходятъ постоянные земельные раздоры на островѣ Караузякѣ, между потомствомъ Султана Илекея Касимова*) и киргизами Джамансырской волости, около Карамакчей. Это наиболѣе крупные земельные споры, а небольшихъ между отдѣльными аулами возникаетъ масса.

Благодаря пробѣлу въ положеніи 1887 г., такого рода вопросы, особенно въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ центральной власти, какъ напр. Казалинскій и Перовскій уѣзды, оканчиваются съ величайшимъ трудомъ и неразрѣшаются принципіально. Форма пользованія землей зависитъ отъ практики народнаго обычая, который дѣйствуетъ не всюду одинаково. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ порядкомъ, предусмотрѣннымъ 273 ст. Положенія, благодаря родовымъ и партійнымъ счетамъ, а также не высокому уровню развитія массъ, почти никогда не достигаетъ своей цѣли и даетъ только пищу для злоупотребленій волостнымъ выборнымъ.

Въ настоящее время положеніе вещей таково: кочевое населеніе переживаетъ переходный моментъ отъ кочеваго образа жизни къ полукочевому и полуземледѣльческому, или же исключительно земледѣльческому. Въ законодательствѣ нашемъ нѣтъ

*) Полковникъ русской службы, управляющій въ 50-хъ годахъ Чуменейскимъ родомъ.

твердо установившейся точки зрѣнія на ту форму владѣнія или пользованія землей, которой можно было-бы руководствоваться киргизамъ, вслѣдствіе этого безусловно отсутствуетъ юридическая регламентація этого вопроса.

Право пользованія землей у кочеваго населенія принадлежитъ всецѣло волости, часто совершенно искусственной единицѣ. Всѣ земельные споры должны разрѣшаться по народному обычаю. Такой порядокъ вещей не нормаленъ. Нарождающаяся потребность земельной регламентаціи туземной массы, игнорируемая законодательствомъ, оставлена въ своемъ эволюціонномъ движеніи на произволъ судьбы. Между тѣмъ, русское законодательство имѣетъ твердо установившійся принципъ и опредѣленную точку зрѣнія на этотъ вопросъ, по отношенію кореннаго населенія Европейской и Азіатской Россіи, не ставя экономическій бытъ этого неселенія въ зависимость отъ условнаго понятія, какимъ является народный обычай.

Не надо забывать, что послѣдній повсемѣстно находится подъ постояннымъ воздѣйствіемъ дѣйствующихъ законовъ или циркулирующихъ въ массахъ взглядовъ и вкусовъ, съ трудомъ поддающихся наблюденію.

Въ частности народный обычай, у насъ въ Туркестанѣ, такъ-называемый адатъ, у интересующаго насъ кочеваго населенія, находится подъ большимъ вліяніемъ шаріата и переживаетъ въ настоящее переходное время, поглощаясь постепенно шаріатомъ, такъ какъ мусульманство уже проникло въ міровоззрѣніе кочеваго населенія.

Ни въ какой другой области не чувствуется такая потребность въ юридической регламентаціи и устойчивости взглядовъ дѣйствующаго законодательства, какъ въ сферѣ экономическихъ интересовъ темной массы, а

игнорированіе русскимъ закономъ этой стороны жизни кочеваго населенія, свободное и глубокое проникновеніе въ его среду мусульманскихъ взглядовъ и отраженіе въ нихъ духа магометанскаго кодекса, отдаетъ разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ вполнѣ въ руки ислама. Для народной массы невѣжественной и чуждой русскимъ взглядамъ на жизнь, образцомъ будутъ служить всегда взгляды и точка зрѣнія осѣдлаго населенія, живущаго по шаріату, тѣмъ болѣе, что мусульманское законодательство въ Средней Азіи прекрасно приспособилось къ той формѣ землепользованія, которая основана на искусственномъ орошеніи.

Причемъ же остается народный обычай и какова будетъ роль въ этомъ случаѣ русскаго законодательства, которому остается только санкціонировать торжество мусульманства?

Кажется, что мы довольно игнорировали такъ-называемые народные обычаи, предоставивъ народнымъ судамъ такую обширную компетенцію и поле дѣятельности, что пора, наконецъ оглянуться, къ какимъ результатамъ привела насъ подобная точка зрѣнія.

Съ одной стороны, кодекса народнаго обычая пока быть не можетъ. Если бы и задались мыслью его собрать, то это была бы чисто академическая работа. Съ другой стороны, мы видимъ, что начала, основанныя на христіанской этикѣ, почти совсѣмъ не проникаютъ въ кочевой бытъ, но за то послѣдній находится подъ постояннымъ вліяніемъ казуистичной мусульманской этики, весьма энергично проникающей въ его среду. Отсюда прямой выводъ—отрицательная сила, воздѣйствующая на народный обычай, служитъ ему руководящей нитью. Результаты вліянія этой силы мы видимъ на народномъ судѣ среди кочеваго населенія. Напомнимъ о нихъ вкратцѣ.

Характеристичныя черты этого суда, изумительно обширнаго по своей компетенціи*), слѣдующія: полное его подчиненіе партійнымъ интересамъ, откровенный произволъ, подложныя рѣшенія, продажность и быстрое обогащеніе судей, закрѣпощеніе женщины, нерасположеніе и недовѣріе, внушаемое имъ населенію, незнаніе адата со стороны многихъ судей, выбираемыхъ часто изъ числа, достигшихъ законнаго 25-лѣтняго возраста, молодыхъ людей, по причинамъ неимѣющимъ ничего общаго съ опытностью и знаніемъ обычаевъ, дутыя дѣла и вымышленные иски, постоянныя жалобы на народный судъ администраціи, прокурорскому надзору и т. д. Неужели можно игнорировать подобнаго рода явленія, которыя вмѣстѣ съ выборной системой туземной администраціи имѣютъ самое пагубное вліяніе, на общественную нравственность туземцевъ, лучшимъ подтвержденіемъ чего можетъ служить масса дѣлъ о поборахъ, подкупахъ, подлогахъ, лжедоносахъ и лже-свидѣтельствахъ, которыми завалены судебныя установленія?

Пренебрегая этими явленіями, мы вполнѣ отдаемъ кочевое населеніе въ цѣпкія руки ислама, которое не можетъ не отразиться на его экономическомъ быту.

Кочевое населеніе, осѣдая ищетъ соотвѣтствующихъ формъ общежитія. Не встрѣчая никакого другого образца, оно обращается поневолѣ, къ готовымъ мусульманскимъ формамъ и традиціямъ, стоящимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ европейскими взглядами и задачами на востокѣ. Пора, наконецъ, отбросить пассивное отношеніе нашего законодательства къ мусульманству и строго, отдѣливъ религіозную область, вести

*) По положенію Туркестанскаго края 1887 г. и Степныхъ областей 1893 г., въ гражданскихъ дѣлахъ сумма иска неограничена, а въ уголовныхъ нар. судъ караетъ до полутора года тюремнаго заключенія.

агрессивную борьбу съ тѣми его воззрѣніями, которыя вторгаются въ область матеріальныхъ интересовъ народныхъ массъ.

Не игнорированіе адата съ шаріатомъ, напротивъ, изученіе перваго и борьба съ послѣднимъ, вотъ задача русскаго законодательства, которое могло уже достаточно убѣдиться въ томъ, что политика невмѣшательства въ народные обычаи, привела къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, въ сферѣ народнаго суда и управленія.

Въ сосѣдней Тургайской области уже сдѣланы попытки, намѣтить тѣ насущные вопросы, которые возникаютъ изъ примѣненія на практикѣ Степнаго Положенія 1893 г. составленнаго по образцу Туркестанскаго Положенія. Они собраны въ отдѣльное изданіе оффиціальнаго характера: «Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области 1894 года». Результатомъ предпринятой работы явились мѣропріятія, которымъ вполнѣ можно сочувствовать, а именно: увеличеніе аульныхъ школъ, распространеніе женскаго образованія среди киргизъ, требованіе знанія русскаго языка отъ лицъ туземной администраціи, образованіе опредѣленныхъ мѣстъ для волостныхъ правленій и введеніе дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ и т. п.

Хотя все это частныя мѣры, но онѣ представляютъ вполнѣ правильный путь для борьбы съ вторгающимся, въ народный обычай мусульманствомъ, этой темной силой, по степени своей культуры вполнѣ соотвѣтствующей, умственному развитію и нравственному уровню кочевыхъ народовъ, чѣмъ главнымъ образомъ и объясняется его быстрое распространеніе вглубь и вширь среди послѣднихъ.

Но игнорируя народный обычай и отдавъ его въ полноправныя руки продажнаго и омусульманившагося

народнаго суда, не продолжаемъ-ли мы безсознательно ту-же политику, которую сознательно преслѣдовали кокандскіе и хивинскіе правители, когда они сталкивались съ кочевымъ населеніемъ и желали подчинить его своей власти? На нашихъ глазахъ происходитъ завоеваніе шаріатомъ кочеваго населенія, лучшимъ проводникомъ котораго служитъ безусловно народный судъ, дѣйствующій по народнымъ обычаямъ и, ускользающій отъ воздѣйствія русскихъ началъ. Не надо забывать, что религіозная пропаганда мусульманства, это одинъ изъ послѣднихъ средствъ къ распространенію ислама, а гораздо сильнѣе дѣйствуетъ проведеніе мусульманскихъ воззрѣній посредствомъ *торговли,* мусульманской грамотности и произведеній мусульманской литературы, моды и, наконецъ, проникновенія мусульманскаго кодекса, ввидѣ поясненій, поправокъ, толкованій корана и т. п. манипуляцій, цѣль которыхъ дополнить, объяснить или просто замѣнить неустойчивый и отживающій народный обычай (адатъ), чѣмъ-нибудь болѣе опредѣленнымъ, закономѣрнымъ и юридически обоснованнымъ.

Этотъ пробѣлъ въ положеніи 1887 г. наводитъ на мысль о томъ, нѣтъ-ли въ немъ такихъ сторонъ, которыя должны наконецъ съ точки зрѣнія нашей политической задачи въ Средней Азіи быть измѣнены, съ тѣмъ, чтобы когда кочевое населеніе окончательно осядетъ и потребуетъ, оформить юридически свой переходъ къ осѣдлой жизни, мы бы встрѣтили это явленіе съ готовыми руками и могли-бы ему предложить, что-нибудь болѣе совершенное, чѣмъ формы отживающаго мусульманскаго общежитія, съ которыми всякое просвѣщенное правительство должно вести борьбу; въ поземельномъ отношеніи это особенно важно, такъ какъ среди киргизскаго народа народилась сильная

родовая плутократія*), которая стремится захватить въ свои руки, как можно большее количество орошенныхъ земель и обездолить безгласную народную массу.

Окраина 1896 г. № 62.

*) Къ этой категоріи лицъ, иначе міроѣдовъ, относятся такъ называемыя почетныя лица: управители, народные судьи (біи), патидесятники, аксакалы, старшины, слывущія подъ общимъ именемъ эткамнаръ; они дѣлаютъ раскладку податей, накладываютъ произвольные поборы, дѣлатъ распашки, распредѣляютъ воду, рукозодятъ выборами и т. д.; народный судъ находится вполнѣ въ ихъ власти, служа сильнымъ орудіемъ подчиненія и угнетенія народа.

По поводу новаго уѣзда въ Тургайской области.

Въ № 39 «Тургайской Газеты», напечатана передовая статья, объ учрежденіи новаго уѣзда въ Тургайской области. Не буду входить въ разсмотрѣніе того, есть-ли въ немъ необходимость, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится область и ея населеніе. Этотъ вопросъ можетъ быть обсуждаемъ только мѣстными дѣятелями, или близко стоящими къ дѣлу лицами. Мнѣ хочется разсмотрѣть этотъ вопросъ не съ мѣстной, а съ общей точки зрѣнія, въ связи съ проникшемъ въ газеты слухомъ, объ образованіи отдѣльной Екатеринбургской губ. Для сѣв. Туркестана, учрежденіе новой губерніи можетъ имѣть большое значеніе, такъ какъ при этомъ вспоминается проектъ, объ образованіи степной области съ центромъ въ г. Казалинскѣ. Объ исключительномъ положеніи Тургайской области, не имѣющей своего областного центра и управленіе которой сосредоточивается въ Оренбургѣ, расположенномъ внѣ административной черты области, не зачѣмъ говорить, такъ какъ этотъ порядокъ вещей, является результатомъ того, что Тургайская область, не имѣетъ города, который бы находился въ центрѣ ея. Болѣе или менѣе въ серединѣ ея расположенъ фортъ

Карабутакъ не имѣющій никакихъ данныхъ для развитія. Самый значительный пунктъ Тургайской области городъ Кустанай находится въ сѣв. части области и очень удаленъ отъ западнаго, Актюбинскаго и южнаго Иргизскаго уѣздовъ. Такимъ образомъ Тургайская область, на самомъ дѣлѣ, центра не имѣетъ, а потому болѣе цѣлесообразнымъ является для нея, настоящее положеніе вещей, т. е. имѣть центръ въ г. Оренбургѣ, служащемъ издавна главнымъ средоточіемъ для западной части киргизской степи, особенно для Актюбинскаго и Кустанайскаго уѣздовъ, хотя слишкомъ отдаленномъ отъ Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ. Кромѣ этихъ четырехъ уѣздовъ, предполагается открыть еще одинъ уѣздъ, выдѣливъ изъ состава Кустанайскаго уѣзда 4 волости и изъ Актюбинскаго уѣзда 3 волости и образовать изъ нихъ, въ раіонѣ отъ Маріинскаго поселка Оренбургской губерни до Орска и вверхъ по Ори до границы Иргизскаго уѣзда, новый уѣздъ. Мѣсто для города еще не обозначено, но для новаго уѣзднаго города имѣются и подходящія мѣста, при устьѣ рѣки Жорлы, впадающей въ р. Кумакъ или при р. Ори, близь почтовой станціи Истемесъ. Объ этомъ тургайскою администраціей, какъ говоритъ мѣстный органъ, уже возбуждено ходатайство въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Стало быть этотъ вопросъ уже выдвинутъ и ввиду оглашенія его въ печати, по поводу его можетъ быть высказано другое мнѣніе. Если оно и идетъ въ разрѣзъ съ ходатайствомъ, то ввиду того, что надо посмотрѣть на данный вопросъ сь точки зрѣнія не мѣстныхъ интересовъ, а интересовъ цѣлаго степного раіона, гдѣ кочуетъ довольно значительная часть Малой и Средней ордъ. Входить въ критику причинъ побудившихъ поднять вопросъ объ учрежденіи новаго уѣзда, пишущій эти строки не имѣетъ основаніи. Весьма возможно, что

такое мѣропріятіе необходимо для интересовъ мѣстнаго населенія и, по всей вѣроятности, очень чуткая къ его пользамъ, тургайская аминистрація имѣетъ основанія для возбужденія подобнаго ходатайства. Но если послѣднее вполнѣ удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ то не могутъ-ли онѣ быть принесены въ жертву общимъ интересамъ киргизскаго населенія, изъ за географическаго положенія, которое занимаетъ Тургайская область, расположенная между Оренбургскимъ и Туркестанскимъ краемъ. Связь существующею между четырьмя уѣздами: Иргизскимъ, Тургайскимъ, Казалинскимъ и Перовскимъ*), расположенными въ бассейнѣ Аральскаго моря предполагается указать въ отдѣльномъ очеркѣ; въ этой же замѣткѣ прежде всего обратимъ вниманіе на то, что представляютъ изъ себя степные уголки, расположенные въ этой мѣстности, уже существующіе: Актюбинскъ, Карабутакъ, Иргизъ, Тургай, Казалинскъ, Карамакчи и Перовскъ, бывшіе прежде укрѣпленіями, а теперь обращенные въ уѣздные города или поселенія при фортахъ. Можетъ быть согласятся съ тѣмъ, что выгоднѣе позаботиться о благосостояніи уже существующихъ, чемъ создавать новые города, на что потребуются значительныя средства? Въ связи съ выдѣленіемъ Екатеринбургской губ. изъ сосѣднихъ съ нею стоитъ вопросъ о присоединеніи къ этой новой губерніи Челябинскаго уѣзда Оренбургской губ., вслѣдствіе чего послѣдняя будетъ состоять изъ четырехъ уѣздовъ: Оренбургскаго, Орскаго, Верхнеуральскаго и Троицкаго, правда раскинутыхъ на большомъ пространствѣ и очень большихъ, но изъ нихъ, Орскій, окажется совершенно пограничнымъ съ новообразуемымъ, а послѣдній, расположеннымъ даже невдалекѣ отъ городской черты Орска.

---

*) Къ нимъ же тѣсно примыкаетъ по климатическимъ, историческимъ и экономическимъ причинамъ и Аму-Дарьинскій отдѣлъ.

Всѣ степные города и форты, какъ-то: Актюбинскъ, Карабутакъ, Иргизъ, Тургай, Казалинскъ, Карамакчи и Перовскъ имѣютъ совершенно одинаковую исторію и служили вначалѣ военными, опорными пунктами въ степи, около которыхъ сосредоточилась мѣстная мѣновая торговля съ ордою и группировалось управленіе извѣстнымъ раіономъ. Пока продолжалось военное движеніе проходили чрезъ нихъ военныя партіи, команды, этапы и пока они не утратили своего военнаго значенія, эти степные пункты болѣе или менѣе процвѣтали, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли и коммерческое значеніе, главнымъ образомъ транзитное. Но съ замиреніемъ степи и среднеазіатскихъ владѣній, а также съ постройкой Закаспійской жел. дороги, они утратили какъ то, такъ и другое значеніе, сохранивъ только административное, потому что въ нихъ сосредоточилось управленіе мѣстнымъ кочевымъ населеніемъ. Попытки создать изъ нихъ земледѣльческія поселенія не были особенно удачны, такъ какъ ядро ихъ населенія было образовано изъ семей Оренбургскихъ казаковъ, не особенно трудолюбивыхъ и культурныхъ, обратившихъ главнымъ образомъ свое вниманіе на торговые, подрядные и т. п. обороты. Если около этихъ городовъ и развилось земледѣліе, то оно обязано уже послѣдующимъ переселенцамъ изъ внутренней Россіи и оставшимся на жительство, ко времени развитія гражданскаго управленія солдатамъ. Самый крупный изъ этихъ городовъ—Казалинскъ съ 8 т. ж. За нимъ слѣдуетъ Перовскъ съ 5 т. ж. и другіе съ количествомъ жителеи 1 т. и менѣе того. Всѣ они, если не прямо клонятся къ упадку, то развиваются очень медленно, такъ какъ торговый центръ тяжести перешелъ въ другія мѣста, а земледѣліе около нихъ не настолько привлекательно для русскаго человѣка, чтобы его не тянуло

въ другія, болѣе удобныя мѣста, хотя-бы, напр., въ Аулieатинскій или Чимкентскій уѣзды. Въ коммерческомъ отношеніи ихъ значеніе обусловливается существованіемъ базаровъ, гдѣ происходитъ торговля съ мѣстнымъ кочевымъ населеніемъ. Казалинскъ и Перовскъ имѣютъ еще то преимущество, что стоятъ на большой рѣкѣ, откуда беретъ начало цѣлая сѣть арыковъ и на всемъ протяженіи которой производится рыбная ловля.

Если въ настоящее время будетъ созданъ новый городъ, то отъ выбора мѣста для него будетъ конечно зависѣть наплывъ въ него земледѣльческаго и торговаго населенія. Однако ввиду его близости къ Орску и преобладающаго значенія послѣдняго для всей окружающей мѣстности, едвали-ли вновь созданное поселеніе въ состояніи будетъ конкуррировать съ Орскомъ. Само собою разумѣется, что созданіе новаго города съ уѣздомъ не можетъ стоить дешево, а развитіе его будетъ идти въ ущербъ Орску, значеніе котораго должно умалиться. Между тѣмъ для обширной территоріи, расположенной около Аральскаго моря, очень важно имѣть управленіе въ серединѣ территоріи, напр. въ Казалинскѣ. Родственная связь кечующихъ здѣсь киргизскихъ родовъ, бѣдность природы, а вслѣдствіе этого и населенія, отдаленность отъ двухъ большихъ культурныхъ центровъ—Оренбурга и Ташкента, отсутствіе хорошихъ путей сообщенія—все это служитъ лучшимъ подтвержденіемъ той мысли, что для пользы почти 100 тысячъ юртъ кочевниковъ, кочующихъ въ Казалинскомъ, Перовскомъ, Иргизскомъ и Тургайскомъ уѣздахъ, а также въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ требуется объединеніе ихъ интересовъ въ одной административной единицѣ. Объединеніе это можетъ быть достигнуто только приближеніемъ къ населенію центра управленія

имъ. Что-же касается до Актюбинскаго и Кустанайскаго уѣздовъ, то они тяготѣютъ къ Оренбургскому краю по своимъ природнымъ, историческимъ и экономическимъ условіямъ. Въ нихъ уже прочно привилась русская колонизація и образовалось много поселковъ.

Оставляя пока въ сторонѣ болѣе подробное изложеніе той связи, которая существуетъ между разрозненными частями мѣстности, расположенной въ бассейнѣ Аральскаго моря, я остановлюсь на той роли, которую играютъ для русскаго дѣла, степные города тамъ, гдѣ другихъ культурныхъ центровъ не имѣется. Въ послѣднихъ сосредоточиваются органы управленія, безопасности, торговыя сооруженія и т. п., тутъ же сгруппированы и тѣ немногіе проводники образованія и просвѣщенія, задача которыхъ внести въ среду кочеваго или полукочеваго населенія знанія и знакомство съ русской жизнью. Поэтому, какъ бы ни были малы степные уголки, но въ нихъ всегда можно встрѣтить интеллигентныхъ людей, интересующихся той мѣстностью и населеніемъ, среди котораго живутъ и призваны дѣйствовать, собирающихъ матеріалы, для изученія природы и условій существованія туземцевъ. Около такихъ лицъ могутъ группироваться и туземныя силы, получившія нѣкоторое образованіе и развитіе. Задача русскаго вліянія состоитъ въ томъ, чтобы способствовать развитію туземныхъ, интеллигентныхъ силъ, создавая повсюду умственную жизнь. Тамъ, гдѣ благодаря густотѣ населенія, развитію путей сообщенія, многочисленности и многолюдству городовъ, обмѣнъ впечатлѣній, мысли и житейскаго опыта, между большими и маленькими центрами, происходитъ быстрѣе и продуктивнѣе, и малые города не играютъ той роли, какъ степные. Гдѣ-же на огромномъ пространствѣ разбросано рѣдкое населеніе, имѣющее для удовлетворенія

своихъ развивающихся культурныхъ потребностей 3—4 небольшіе центра, послѣдніе пріобрѣтаютъ большое значеніе и съ ними надо считаться; особенно когда задача ихъ, проводить въ бытъ полудикаго народа начала цивилизаціи и культурныхъ понятій. Къ сожалѣнію, не всегда такого рода задача посильна уѣзднымъ городамъ по весьма малой ихъ величинѣ, по отсутствію средствъ для того, по тяжелымъ условіямъ нашей уѣздной жизни, гдѣ часто преобладаютъ личные счеты и всякія дрязги, парализующія самыя добрыя намѣренія, наконецъ, малымъ числомъ интеллигентныхъ силъ, призванныхъ работать на уѣздной территоріи. Вслѣдствіе этого, рѣдкіе и незначительные степные центры, не объединенные между собою, не въ состояніи имѣть того значенія, какое желательно, для русскаго дѣла въ степи. Если-бы существовалъ административный центръ для всей мѣстности расположенной въ бассейнѣ Аральскаго моря, то тамъ сгруппировалась-бы кучка интеллигентныхъ людей, могущихъ при наличности средствъ продолжать дѣло изученія края, начатое Левшинымъ, Сѣверцевымъ, Мейеромъ, Бутаковымъ, Макшеевымъ, Костенко, Федченко, Гейнсомъ и другими. Лучшимъ примѣромъ подтверждающимъ высказанную мысль, можетъ служить Ферганскій областной музей, въ Н. Маргеланѣ, создавшійся по иниціативѣ нѣсколькихъ лицъ, интересующихся тѣмъ краемъ, гдѣ имъ приходится работать. Точно также у береговъ Аральскаго моря могло-бы возникнуть умственное движеніе, которое выразилось-бы въ устройствѣ библіотеки, музея, организаціи болѣе широкихъ метеорологическихъ наблюденій, составленіи ботаническихъ*), зоологическихъ

) Послѣднія могутъ быть особенно интересны, такъ какъ все пространство при-аральскихъ степей представляетъ собою дно моря, которое въ сравнительно недавній геологическій періодъ освободилось отъ водъ, вслѣдствіе чего соль до сихъ поръ еще не выщелочилась, а потому флора носитъ свой специфическій характеръ и нерѣдко представляетъ интересные экземпляры.

и другихъ коллекцій и т. п. Перечислять всего незачѣмъ, это общее мѣсто, но для всего надо людей и средства. Подобное движеніе отразилось-бы и на туземцахъ, изъ которыхъ киргизы наиболѣе склонны къ развитію и усвоенію знаній, выходящихъ изъ области мусульманскаго міросозерцанія. Такимъ культурнымъ центромъ огромнаго степнаго пространства въ бассейнѣ Аральскаго моря могъ быть безспорно Казалинскъ, лежащій на Сыръ-Дарьѣ въ самой серединѣ между Оренбургомъ и Ташкентомъ. Всѣ эти соображенія и вынудили меня высказаться по поводу предполагаемаго новаго уѣзда въ Тургайской области и позволить себѣ выразить сомнѣніе въ той непосредственной пользѣ, съ точки зрѣнія интересовъ всей киргизской степи, которую послѣдняя извлечетъ изъ новаго небольшаго уѣзднаго города. Не лучше-ли имѣющіяся или могущія быть употребленными на это средства казны обратить на созданіе болѣе крупнаго центра въ серединѣ степи, гдѣ нѣтъ ни больницы, ни библіотекъ, ни путей сообщенія и т. д., или-же на развитіе уже существующихъ населенныхъ пунктовъ, чѣмъ на устройство еще одного, роль котораго не будетъ особенно замѣтна.

Воспользовавшись случаемъ напомнить объ одномъ оставленномъ проектѣ, я думаю что можно поставить, въ видахъ пользы для Сѣв. Туркестана, слѣдующую дилемму: что выгоднѣе и плодотворнѣе, создать-ли уѣздный городъ, или уже существующіе приспособить къ болѣе культурнымъ требованіямъ, чѣмъ и удовлетворить насущную потребность, для огромнаго раіона—устроивъ въ центрѣ его сосредоточеніе управленія и завѣдыванія однороднымъ кочевымъ населеніемъ? Думается, что послѣднее полезнѣе для русскаго дѣла въ Средней Азіи вообще, а для сѣвернаго Туркестана и южной киргизской степи въ частности. Впрочемъ,

предоставляю судить объ этомъ интересующимся судьбами киргизскаго народа, на участь котораго необходимо наконецъ обратить особенное вниманіе, ввиду тѣхъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ онъ находится.

«Окраина» 1896 г. № 83.

Еще о проектѣ новой губерніи.

Если мы посмотримъ на то, что представляютъ изъ себя пространства, занятыя такими административными единицами, какъ Казалинскій, Перовскій уѣзды, Аму-Дарьинскій отдѣлъ, Иргизскій и Тургайскій уѣзды, то увидимъ, что они имѣютъ много общаго между собою и, занимая до 500 т. кв. вер., составляютъ по своему геологическому развитію одно цѣлое. По рельефу и свойству почвы, климатическимъ и другимъ, созданнымъ природою условіямъ, при-аральскія степи съ ихъ песками и солончаками, камышевыми зарослями, саксауловыми порослями и безконечными пространствами Кара-Кумовъ, Кизылъ-Кумовъ и Барсуковъ, являются значительно обособленными, въ общей географической картѣ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній. Въ этнографическомъ отношеніи эти мѣстности заняты главнымъ образомъ родственными другъ другу родами киргизъ-казаковъ Малой Орды и частью Средней Орды; только въ населенныхъ мѣстахъ на Сыръ-Дарьѣ и другихъ, а также вдоль узкой полосы и въ дельтѣ Аму-Дарьи встрѣчаемъ русскихъ поселенцевъ, бывшихъ уральскихъ казаковъ,

бухарскихъ сартовъ (таджиковъ), узбековъ, туркменовъ, поколенія Гокленъ, и наконецъ оттѣсненныхъ въ концѣ XVIII и первой половины XIX стол. на Даукару каракалпаковъ. Родственныя связи занимающихъ приаральскія степи киргизъ выражаются, въ соединенныхъ кочевьяхъ, общихъ распашкахъ и зимовыхъ стойбищахъ родовъ, интересы которыхъ постоянно, сталкиваясь между собою, на такомъ огромномъ пространствѣ, тѣсно сплетены другъ съ другомъ, несмотря на административныя подраздѣленія, разбившія ихъ на отдѣльные уѣзды, волости и аульныя общества. Сравнительно еще слабое развитіе земледѣльческой культуры, рыбные промыслы, скотоводство, торговля сырьемъ, большою частью мѣновая, составляютъ главное основаніе промышленно-экономическаго благосостоянія данной мѣстности; при этомъ нельзя не обратить вниманія на то, что при-аральская степь въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ издавна тяготѣла къ Хивинскому оазису, откуда шелъ караванный путь на Сыръ-Дарью и до сихъ поръ у мѣстныхъ киргизъ усиленно поддерживается хлѣбная торговля съ Ургенчемъ. Можетъ быть это объясняется тѣмъ, что въ историческомъ отношеніи, берега Аральскаго моря, низовья Сыра и Аму, до второй половины нашего столѣтія примыкали къ Хивѣ, ханы который, утвердивъ прочно свое господство на Аму-Дарьѣ, стремились расширить его не только до Сыръ-Дарьи, но до Барсуковъ и Каракумовъ, гдѣ ихъ летучіе отряды производили набѣги, собирая, въ пользу хана, съ киргизъ подати. Если-бы не движеніе въ 40-хъ годахъ русскаго отряда къ Раиму и не распространеніе къ тому времени кокандскаго вліяніе до Кошкургана (или фортъ № 2), недопустившихъ хивинцевъ дальше кр. Джанкала, на Сырѣ, и Ходжаніязъ, на Куванѣ, вся мѣстность нынѣшнихъ Аму-Дарь-

инскаго отдѣла, Казалинскаго, Иргизскаго, и частью Перовскаго уѣздовъ вошла-бы въ составъ хивинскаго ханства, которое въ религіозномъ отношеніи до сихъ поръ не утратило въ глазахъ киргизъ своего обаянія.

Къ сожалѣнію, послѣ полувѣковаго управленія киргизскимъ народомъ, мы не можемъ сказать, если будемъ только мало-мальски справедливы и безпристрастны, чтобы нашъ способъ управленія имъ привелъ къ такимъ результатамъ, которыми мы въ состояніи были-бы гордиться. Вначалѣ нашего движенія въ Ср.-Азію мы встрѣтились съ полукочевымъ киргизскимъ народомъ; мы предоставили ему управляться собственными біями по его обычаямъ, назначивъ только уплату кибиточной подати по 1 барану съ юрты, причемъ цѣна барана была опредѣлена въ 1 руб. 50 к.; теперь кибиточная подать возросла болѣе, чемъ вдвое и опредѣляется уже денежными знаками. Съ того времени когда появился первый русскій отрядъ на р. Сыръ-Дарьѣ, многое въ жизни киргиза измѣнилось, перемѣнилось и управленіе имъ, которое было организовано такъ-же, какъ и управленіе населеніемъ завоеваннаго Кокандскаго ханства; оно внесло въ жизнь киргиза много разлада. Мы видимъ что переходъ отъ натуральной повинности къ денежной, отъ кочеваго быта къ осѣдлому, родоваго быта къ индивидуальному, происходилъ или происходитъ на нашихъ глазахъ. Но вся эта ломка культурнаго быта, установившагося вѣками, происходитъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. На самомъ дѣлѣ нельзя не обратить вниманія на то, что обѣдненіе киргизскихъ массъ, вслѣдствіе повторяющихся періодическихъ скотскихъ падежей, увеличенія потребностей, затѣмъ несвоевременности сбора податей, неимѣнія у плательщиковъ въ обращеніи достаточнаго количества денежныхъ знаковъ, отсутствія заработковъ

въ степи, продажности народнаго суда и постоянной выборной агитаціи, соединенной съ хищеніями и поборами туземной администраціи, вынуждаютъ туземца часто прибѣгать къ кредиту, подъ видомъ мѣноваго торга. Не находя нигдѣ опоры, киргизу волей-неволей приходится бросаться въ объятія тѣхъ элементовъ, которые всегда готовы прійти на помощь во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ его степной жизни. Дѣятельность татаръ и сартовъ, къ которымъ, къ сожалѣнію, присоединяются въ послѣднее время и уральцы, среди киргизъ, достаточно хорошо всѣмъ извѣстна, а потому останавливаться на ней подробно, нѣтъ надобности; при этомъ однако, необходимо напомнить, что эксплуататорская дѣятельность сартовъ и татаръ тѣсно связана съ развитіемъ и укрѣпленіемъ въ степи мусульманства. Данная нами киргизамъ организація совершенно не обезпечиваетъ его отъ хищничества и эксплуатаціи, напротивъ, въ то время, какъ кредиторъ находится во всеоружіи власти и закона, его кліентъ состоитъ у него въ полной кабалѣ, нигдѣ не находя выхода или помощи. Конечно со временемъ, съ развитіемъ и обезпеченіемъ киргизскаго населенія такого рода положеніе вещей сгладится и войдетъ въ болѣе нормальную колею, но пассивно ожидать такой перемѣны нельзя. Необходимо принять какія-нибудь мѣры и прійти на помощь киргизской массѣ въ ея борьбѣ за существованіе.

Тѣ средства, которыя имѣются въ при-аральскихъ степяхъ, въ видѣ уѣздныхъ установленій, совершенно безсильны прійти на помощь населенію, въ его нуждахъ и требованіяхъ. Не говоря уже о томъ, что такія огромныя разстоянія, которыя отдѣляютъ при-аральскую степь отъ Ташкента и Оренбурга, при существующей централизаціи вызываютъ огромную задержку въ

дѣлахъ, а также большіе расходы на разъѣзды должностныхъ лицъ, отнимая у нихъ много времени совершенно непроизводительно на одну только ѣзду, эти разстоянія отражаются пагубно, и на интересахъ мѣстнаго населенія, къ которому помощь и совѣтъ являются несвоевременно. Составъ, средства и компетенція уѣздныхъ органовъ совершенно не въ силахъ удовлетворять потребностямъ огромной территоріи, съ ея разбросаннымъ рѣдкимъ населеніемъ, которое благодаря крайне тяжелымъ мѣстнымъ условіямъ требуетъ особенныхъ заботъ и вниманія; отдаленность-же центральной власти, безъ того обремененной массой работы, по другимъ болѣе культурнымъ мѣстностямъ, гдѣ преслѣдуются особыя задачи, служитъ большимъ затрудненіемъ, для развитія этой обдѣленной судьбой окраины. Объединеніе управленія при-аральской степью, и сосредоточеніе ея въ рукахъ компетентной власти, приблизитъ ихъ къ высшему управленію и дастъ возможность, обративъ на нее вниманіе, выдвигать впередъ нужды ея населенія и возбуждать вопросы, для развитія его благосостоянія, что въ настоящее время при отсутствіи центральной власти на мѣстѣ, является крайне затруднительнымъ. Не вдаваясь въ подробности, о которыхъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, укажемъ на нѣсколько сторонъ мѣстной жизни, которыя ясно указываютъ на необходимость присутствія на мѣстѣ органовъ управленія, облеченныхъ достаточною властью. При постоянномъ осѣданіи киргизъ необходимо позаботиться объ улучшеніи и развитіи арычной системы, между тѣмъ, напр., въ Казалинскомъ уѣздѣ рѣки Куванъ и Джаны-Дарьи, а также многіе арыки имѣютъ головы въ Перовскомъ уѣздѣ; урегулированіе пользованія водою и правильное распредѣленіе ея, для обоихъ уѣздовъ — одна изъ главныхъ задачъ, которая можетъ быть разрѣшена только

при объединенiи завѣдыванiя этой важной отраслью народнаго хозяйства. Поддержанiе и расчистка колодцевъ, заготовка кормовъ, во избѣжанiе падежей и обезпеченiе скотоводства отъ разныхъ случайностей, должно быть наконецъ обращено въ извѣстную систему, а при разрозненности силъ, достиженiе этой цѣли, не можетъ быть успѣшно. Рыбныя богатства, которыми изобилуютъ воды Аральскаго моря, Аму и Сыра, или такого озера какъ Камчшлыбашъ, требуютъ особаго организованнаго на рацiональныхъ началахъ надзора, возможнаго лишь при объединенiи его. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ вспомнить и о возбуждавшемся вопросѣ, устройствѣ каторжныхъ колонiй, на островѣ св. Николая, для уроженцевъ Туркестанскаго и Закаспiйскаго края, а также Тургайской области; въ связи съ этимъ же вопросомъ можетъ быть поставленъ и вопросъ о возстановленiи судоходства въ Аральскомъ морѣ, о чемъ уже нѣсколько разъ напоминали «Туркест. Вѣдомости». Наконецъ утилизированiе построенныхъ и дорого стоившихъ раббатовъ въ Кизылъ-Кумахъ и устройство почтоваго сообщенiя, хотя-бы на верблюдахъ, между Петро-Александровскомъ и Казалинскомъ, дадутъ возможность организовать для Аму-Дарьи правильныя почтовыя сношенiя. Рѣшенiе вопроса о скоромъ введенiи судебной реформы, по уставамъ Императора Александра II, съ измѣненiями принятыми для Архангельской губ. и Сибири заставляетъ подумать о томъ, что безъ созданiя судебной организацiи въ центрѣ для Аму-Дарьинскаго отдѣла, Казалинскаго, Перовскаго, Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, казна и частныя лица будутъ обремѣнены тяжелыми расходами и непроизводительной тратой времени, для разъѣздовъ и явки въ судъ; иначе воспитательное значенiе котораго, для населенiя, совершенно умалится. Есть еще вопросъ, который нельзя

обойти молчаніемъ, такъ какъ онъ имѣетъ огромное вліяніе на развитіе народа и служитъ единственнымъ культурнымъ средствомъ для борьбы съ такой темной силой, каъ мусульманство, шагъ за шагомъ захватывающее въ свои руки киргизовъ. Необходимо воспользоваться тою склонностью къ образованію, которою киргизы, на ихъ счастье, рѣзко отличаются отъ другихъ мусульманскихъ народовъ и дать имъ возможность доступа къ среднему и высшему образованію*). Для развитія этого дѣла, распространенія русской грамотности, развитія аульныхъ школъ, образованія женскихъ училищъ и организаціи средняго образованія, необходимы средства и люди, а также такого рода мѣстныя условія, благодаря которымъ стремленіе киргизъ къ образованію находило-бы поддержку и поощреніе. Необходимо въ концѣ-концовъ подумать и о томъ, что мѣстное населеніе, какъ русское, такъ и туземное, на такомъ огромномъ пространствѣ лишено медицинской помощи, которая почти отсутствуетъ въ этой далекой окраинѣ; существующія средства далеко недостаточны для борьбы съ разнаго рода болѣзнями.

Даже ограничиваясь вышеизложенными примѣрами мы можемъ прійти къ тому выводу, что мѣстныя условія существованія въ при-аральской степи требуютъ выдѣленія въ одну самостоятельную административную единицу тѣхъ уѣздовъ, которые входятъ въ ея составъ и образованія въ центрѣ ихъ областнаго пункта, въ которомъ сосредоточилось-бы управленіе степью. Наи-

---

*) Въ этомъ случаѣ образцомъ можетъ служить постановка народнаго образованія въ Тургайской области, благодаря которому, многіе уроженцы ея достигли высшаго образованія о занимаютъ посты, по разнымъ отраслямъ управленія у себя и въ другихъ частяхъ Имперіи; въ той-же области положено прочное основаніе для распространенія образованія между женщинами, а также организована цѣлая система т. н. начальныхъ школъ для первоначальнаго образованія. (А. Васильевъ: Истор. очеркъ русск. образ. въ Тургайской Обл. и совр. его сост. Оренбургъ 1896 г.).

болѣе подходящимъ для этого является гор. Казалинскъ, какъ самый крупный (до 8 т. жит.) и расположенный на большой рѣкѣ, черезъ который проходятъ почтовый трактъ, а также караванные пути изъ Бухары и Хивы, тѣмъ болѣе имѣющій на это право, что вопросъ о преобразованіи его въ областной городъ уже возбуждался раньше.

«Окраина» 1896 годъ № 68.

Забытый край.

Очеркъ.

Казалинскъ, основанный въ 1850 году, въ видѣ форпоста, у рѣчки Казалки, для наблюденія за двумя переправами хивинцевъ черезъ рѣку Сыръ-Дарью, у Джанкалы и Кара-Тюбе, былъ въ 1853 году преобразованъ въ фортъ № 1-й, куда, съ упраздненіемъ Аральскаго укрѣпленія на Раимѣ въ 1855 году, было перенесено все военное управленіе; а въ 1867 году, сдѣланный уѣзднымъ городомъ Сыръ-Дарьинской области, сталъ маленькимъ центромъ обширнаго степнаго пространства, заключающаго въ себѣ почти всѣ Кара-кумы, часть Кизылъ-Кумовъ, низовья Сыръ-Дарьи, съ ея истоками Куваномъ, Джаманъ и Яны-Дарьями, вплоть до Аральскаго моря; основанный, главнымъ образомъ, съ чисто военными цѣлями, онъ, впослѣдствіи, съ устройствомъ Аральской флотиліи и развитіемъ торговаго транзитнаго движенія между Оренбургомъ и Средней Азіей, игралъ въ Туркестанѣ очень значительную роль; но, съ дальнѣйшимъ нашимъ поступательнымъ движеніемъ вверхъ по Сыръ-Дарьѣ и къ Самарканду, а также послѣ Хивинской экспедиціи 1873 года, послѣдствіемъ которой было передвиженіе

нашей боевой линіи противъ Хивы съ Сыръ-Дарьи на Аму-Дарью, съ упраздненіемъ въ 1883 году Аральской флотиліи и, наконецъ, съ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги, городъ, теряя постепенно свое военное значеніе, утратилъ, наконецъ, свое торговое транзитное положеніе: прекратилось движеніе военныхъ эшелоновъ, перестали ходить изъ Бухары, Хивы, Ташкента и Коканда караваны, и городъ заглохъ, а вмѣстѣ съ нимъ тотъ уголокъ сѣвернаго Туркестана, которому онъ служитъ центромъ. Посмотримъ, однако, заслужилъ-ли онъ такую участь. Роль его, въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ, конечно, сыграна, и въ этомъ смыслѣ онъ навсегда потерялъ свое значеніе, но, можетъ быть, найдется еще задача, которую онъ можетъ выполнить. Для того, чтобы ее отмѣтить, надо познакомиться съ той частью степи, которую можно назвать Приаральскимъ краемъ, такъ какъ она расположена въ бассейнѣ Аральскаго моря, охватывая его съ сѣвера, юга и востока; центромъ для этого края является городъ Казалинскъ, расположенный въ 80 верстахъ отъ устья Сыръ-Дарьи, гдѣ въ 40-хъ годахъ, въ Косъ-Аральскомъ фортѣ, тянулъ свою солдатскую лямку поэтъ Шевченко; только благодаря просвѣщенному участію начальника первой экспедиціи для изслѣдованія Аральскаго моря, впослѣдствіи командира Аральской флотиліи, А. И. Бутакова, его горькая участь была облегчена. Поэтъ оставилъ нѣсколько эскизовъ этой степи и даже посвятилъ Косъ-Аралу, какъ извѣстно, одну изъ своихъ думъ, нѣсколько строкъ которой мы приведемъ здѣсь:

Прощай, убогій Косъ Арале,
Нудьгу заклятую мою,
Ты розваживъ такы два лита,
Спасыби, друже!..

I.

Если мы посмотримъ на карту этой мѣстности, то увидимъ, что Казалинскъ, находясь въ центрѣ уѣзда*) того-же названія, который тянется къ сѣверу на разстояніи 250 верстъ и на столько же къ югу, и граничитъ съ Аральскимъ моремъ, Перовскимъ уѣздомъ, Аму-Дарьинскимъ Отдѣломъ, Иргизскимъ и Тургайскимъ уѣздами, сосѣдней Тургайской области, управленіе которой въ Оренбургѣ,—расположенъ отъ Перовска въ 360 верстахъ, отъ Иргиза въ 300 верстахъ и отъ Тургая, по прямому направленію, приблизительно, въ 350 верстахъ, отъ Петро-Александровска въ 500 верстахъ, а отъ Ташкента въ 1000 верстахъ и въ такомъ же разстояніи отъ Оренбурга, какъ разъ по серединѣ между ними; крайніе населенные пункты обширной территоріи, занятой Казалинскимъ, Перовскимъ, Иргизскимъ и Тургайскимъ уѣздами и Аму-Дарьинскимъ Отдѣломъ, находятся въ слѣдующемъ разстояніи отъ ихъ центровъ, которыми они подчинены, Оренбурга и Ташкента: Перовскъ отъ Ташкента въ 700 верстахъ, а Тургай отъ Оренбурга въ 800 верстахъ.

Площадь этихъ четырехъ уѣздовъ носитъ исключительно степной характеръ; къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи начинается степь Кара-Кумы, переходящая въ такъ называемую Оренбургскую степь, между станціями Джалавлы и Терекли; къ югу же отъ истока Сыра, Куванъ-Дарьи, недавно вновь пробившей себѣ путь

*) Имѣетъ площадь въ 59550 квадратныхъ верстъ.

къ Аральскому морю, начинается громадная степь, или скорѣе пустыня Кизылъ-Кумы, по которой проходитъ, въ видѣ цѣпи озеръ, Яны-Дарья, теряющаяся въ пескахъ; мѣстность между Сыромъ и Куваномъ тоже носитъ степной характеръ, но вполнѣ пригодна для земледѣлія и составляетъ, вмѣстѣ съ долиной Акгирекъ, къ сѣверу отъ Казалинска, лучшую часть уѣзда; тотъ же характеръ носятъ и земли Перовскаго уѣзда, особенно по Сыръ-Дарьѣ и ея истокамъ Куванъ, Джаманъ и Яны-Дарьямъ, которыя и берутъ тамъ свое начало; что же касается Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, то они представляютъ собою какъ бы продолженіе сѣверныхъ казалинскихъ и перовскихъ степныхъ пространствъ, переходомъ къ которымъ служитъ Каракумская степь, расположенная выше уровня моря, чѣмъ мѣстности на Сыръ-Дарьѣ; растительность ея начинаетъ уже носить характеръ Сѣверной киргизской степи, главные отличительные признаки которой: пересѣченная мѣстность, гдѣ въ ложбинахъ и впадинахъ скопляется зимняя и весенняя влага, образуя много озеръ и озерковъ, отсутствіе солонцовъ, по крайней мѣрѣ, очень незначительное ихъ количество, густота растительности, большее количество атмосферныхъ осадковъ, исчезновеніе сыпучихъ песковъ, и т. п. Къ юго-западу отъ Сыръ-Дарьи преобладаетъ глинисто-солонцоватая почва, перемѣшанная съ лесомъ*); къ сѣверу отъ рѣки

---

*) Лёсъ есть суглинистый мергель, главная составная часть котораго, по объему чрезвычайно мелко землистая глина, окрашенная въ бурожелтый цвѣтъ, вслѣдствіе незначительнаго содержанія желѣза; за тѣмъ лёсъ содержитъ столь же мелкоземлистую известь и, наконецъ, песокъ, состоящій изъ угловатыхъ, обкатаныхъ и необкатаныхъ зернышекъ известь и песокъ смѣшаны въ неопредѣленныхъ, часто значительныхъ количествахъ. Кромѣ того, соли, появляющіяся въ видѣ налета на всякомъ лесѣ, должны быть причислены къ существеннымъ составнымъ его частямъ. (Туркестанскія Вѣдомости, 1893 г. № 46).

См. Очеркъ Ферганской долины А. Ф. Мидендорфъ — Спб. 1882 г. стр. 74 п. X. въ прибавочномъ II. т. стр. 9, анализовъ Карла Шмидта тамъ-же въ приложеніи.

пески, съ хорошею растительностью и неглубокими колодцами прѣсной воды; къ югу же сыпучіе пески Кизылъ-Кумской пустыни, съ глубокими колодцами, содержащими горькую и солоноватаго вкуса воду; но только часть этой огромной пустыни, до 30 милл. десятинъ, входитъ въ составъ территоріи Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ.

Въ тѣсной связи съ характеромъ мѣстности находится образъ жизни и занятія населенія. Въ то время, какъ киргизы Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ занимаются земледѣліемъ, рыболовствомъ и скотоводствомъ, кочевники Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ преданы, главнымъ образомъ, послѣднему, при этомъ въ Казалинскомъ уѣздѣ одно является какъ бы подспорьемъ другому; какъ степныя обширныя пространства Кара-Кумовъ и Кизылъ-Кумовъ даютъ возможность земледѣльцу на Сырѣ держать свой скотъ добрую часть года на подножномъ корму, такъ скотоводы, кочующіе въ пескахъ, имѣютъ возможность засѣвать по Сыру и его истокамъ довольно обширныя пространства, благодаря проведеннымъ здѣсь многочисленнымъ арыкамъ (оросительныя канавы). Лишены такого взаимодѣйствія земледѣлія и скотоводства кочевники Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, такъ какъ пользоваться и разрабатывать земли на Сырѣ, имъ, какъ киргизамъ Тургайской области, нельзя, между тѣмъ, какъ киргизы казалинскіе и перовскіе, постоянно кочуя въ степяхъ Тургайской области, пользуются тамъ пастбищами, колодцами, зимними стойбищами и пр.,—это явная несправедливость, которая является послѣдствіемъ искусственнаго раздѣленія территоріи, долженствующей составлять одно цѣлое.

Сообразно съ характеромъ мѣстности измѣняется, конечно, ея фауна и флора: въ то время какъ по Сыръ-

Дарьѣ встрѣчаются заросли колючки, камыша, куги (typha angustifolia), тополя, тала и др., въ степныхъ пространствахъ Кизиль-Кумовъ преобладаютъ заросли саксаула, гребенщика и степныхъ кустарныхъ породъ; въ сѣверныхъ же частяхъ Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ преобладаютъ степныя травы: рангъ, джусанъ, т. е. разные виды полыни, извѣстные у киргизъ подъ этимъ названіемъ, ковыльные травы и пр.; въ зарослях камыша и колючки водятся кабаны, тигры, фазаны, а въ степныхъ пространствъ сайги, лисицы, хорьки, зайцы, дрохвы, куропатки и т. п.; хищныя птицы ястреба, коршуны встрѣчаются во множествѣ, такъ что здѣсь до сихъ поръ еще держится соколиная охота; водныя же пространства кишатъ стаями водяныхъ птицъ: утокъ, гусей, лебедей, разновидностей куликовъ, чаекъ, выпи, цапель, а у Аральскаго моря пеликановъ, баклановъ, и др., вообще водяное царство пернатыхъ, благодаря Сыру и его разливамъ, очень богато, особенно весною, когда происходитъ даже перелетъ фламинго, какъ ихъ называютъ мѣстные жители—красныхъ гусей.

Аральское море, съ двумя водными артеріями, издавна привлекало русскихъ своими рыбными богатствами, которыя только со времени занятія края начали принимать характеръ правильнаго промысла и сосредоточиваются главнымъ образомъ на полуостровѣ Косъ-Аралѣ; на всемъ водномъ пространствѣ Казалинскаго, частью Перовскаго и Иргизскаго уѣздовъ, по рѣкѣ и на морѣ, происходитъ ловля вида осетра, шипа, затѣмъ сазана, сома, судака, леща, окуня и пр., существуетъ рыбная ловля и въ озерахъ, какъ напр. въ озерѣ Камышлыбашѣ недалеко отъ Раима, имѣющемъ до 100 верстъ въ окружности. Что же касается другихъ богатствъ, минеральныхъ и т. п., то кромѣ нѣсколькихъ грязей, имѣющихъ цѣлебное свойство, и озеръ въ сѣ-

верныхъ Кара-Кумахъ, откуда добывается соль, эта часть представляетъ мало интереса, такъ какъ, если не считать нѣсколько плитняковыхъ породъ, кое-гдѣ разбросанныхъ въ небольшомъ количествѣ, а также известковыхъ залежей, главнымъ образомъ на островѣ Николая, въ Аральскомъ морѣ, другихъ минеральныхъ богатствъ въ краѣ, повидимому, не встрѣчается.

Главные промыслы населенія этаго края: земледѣліе, скотоводство и рыболовство служатъ, въ зависимости отъ физическихъ условій мѣстности, подспорьемъ другъ другу: такъ, земледѣлецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и скотоводъ, а рыболовъ—земледѣлецъ, а иногда и скотоводъ и т. д.; только въ Кара-Кумахъ и далѣе, въ степяхъ Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, преобладаетъ скотоводство, благодаря недостаточному количеству годной для обработки земли и хорошимъ кормамъ. Земледѣліе, въ Казалинскомъ и сосѣднемъ Перовскомъ уѣздахъ, вполнѣ зависитъ отъ уровня воды въ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, ея разливовъ и питаемой ею системы искуственнаго орошенія, въ видѣ сѣти арыковъ или оросительныхъ канавъ, количество которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается; протяженіе ихъ, по исчисленію арыкъ-аксакаловъ въ1891—1892 г.г., въ общемъ составляло около 1500 верстъ; большая часть ихъ своимъ существованіемъ обязана населявшимъ до прихода киргизъ-казаковъ низовья Сыръ-Дарьи, кара-калпакамъ, оттѣсненнымъ въ настоящее время къ дельтѣ Аму-Дарьи. Ирригація въ данной мѣстности имѣетъ для населенія огромное значеніе, особенно въ виду осѣданія киргизъ; вслѣдствіе этого развивается потребность въ увеличеніи ея размѣровъ и въ усовершенствованіи ея системы, что, однако, едва ли будетъ возможно при осуществленіи проекта орошенія части Голодной степи,—предпріятіе, сопряженное съ огромными затратами и результаты ко-

тораго все-таки гадательны; необходимо, мнѣ кажется, строго обдумать, не представится ли опасности для всей земледѣльческой площади Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ остаться, вслѣдствіи отвлеченія массы воды по новому направленію, съ очень ограниченной площадью культурной земли; это отразится, конечно, на благосостояніи всего полукочеваго населенія данной мѣстности; не останется, конечно, оно безъ вліянія на орошеніе Чимкентскаго уѣзда съ Туркестанскимъ участкомъ; пострадаетъ при этомъ и рыбный промыселъ въ Сыръ-Дарьѣ и на Аральскомъ морѣ, такъ какъ количество влаги, которое оно содержитъ, уменьшится, благодаря отвлеченію массы воды въ Голодную степь и процессъ его высыханія пойдетъ еще скорѣе. Если на самомъ дѣлѣ является необходимость выполнить столь грандіозный проектъ, необходимо обдумать, какія послѣдствія онъ будетъ имѣть для низовій Сыръ-Дарьи и ихъ населенія, постепенно переходящаго отъ кочевого быта къ осѣдлому и для котораго рыбный промыселъ даетъ одно изъ главныхъ средствъ къ существованію. Въ настояще время Сыръ-Дарья питаетъ, въ одномъ Казалинскомъ уѣздѣ, не считая Перовскаго, арычную систему орошающую до 15000 десятинъ*) земли, кромѣ городской; земледѣльческая культура постепенно развивается и составляетъ главный источникъ пропитанія для киргизъ, которые переживаютъ теперь моментъ перехода отъ кочеваго быта къ осѣдлому или полуосѣдлому; необходимо обратить серьезное вниманіе на этотъ переломъ экономическаго строя киргизъ и на переходъ ихъ къ болѣе культурному быту, чтобы прійти къ нимъ своевременно на помощь, не предоставляя

*) Конечно, цифра только приблизительная, на самомъ дѣлѣ должно быть гораздо больше.

ихъ въ такую минуту на произволъ судьбы, иначе, въ чемъ же будетъ состоять культурная миссія Россіи въ Средней Азіи и ея степяхъ?

II.

Самый городъ Казалинскъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи, въ одной верстѣ отъ переправы Кара-Тюбе, гдѣ соединяются караванные пути изъ Хивы и Бухары, чѣмъ и обусловливалось его былое значеніе; городъ имѣетъ отъ 7 до 8 тысячъ населенія, состоящаго изъ разныхъ національностей: русскихъ, киргизъ, сартовъ, татаръ и прочихъ мелкихъ группъ, о которыхъ не стоитъ пока упоминать. Русскій элементъ состоитъ изъ служащихъ, мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ, а также изъ сосланныхъ уральскихъ казаковъ. Первая группа создалась изъ поселенныхъ въ Аральскомъ укрѣпленіи въ 1849 году и фортѣ № 1 въ 1858 году нѣсколькихъ десятковъ семей оренбургскихъ казаковъ; это первый былъ опытъ русской колонизаціи въ Средней Азіи; затѣмъ, изъ поселившихся въ разное время, послѣ отбытія службы, солдатъ войсковыхъ частей и матросовъ Аральской флотиліи, уроженцевъ, главнымъ образомъ, восточныхъ губерній Европейской Россіи; наконецъ, изъ присоединившихся къ нимъ за послѣднее время отсталыхъ отъ разныхъ переселенческихъ партій приволжскихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ губерній, не бывшихъ въ состояніи или не пожелавшихъ двинуться южнѣе къ Ташкенту.

Вторую группу русскаго элемента составляютъ сосланные сюда въ 1875 году уральскіе казаки, послѣ безпорядковъ, бывшихъ въ уральскомъ войскѣ при

введеніи новаго положенія о войсковомъ хозяйствѣ и отбываніи казаками воинской повинности; они уже лишены казачьяго званія и перечислены въ городское общество, но до сихъ поръ не могутъ примириться съ этимъ порядкомъ вещей, не признавая своего разжалованія, и все находятся въ ожиданіи какой-то золотой грамоты; всѣ они старообрядцы, повидимому, австрійскаго толка, такъ называемой иргизской церкви, но есть между ними и единовѣрцы, московской церкви, народъ очень стойкій, трезвый, работящій, но крайне невѣжественный; составляютъ интересный контрастъ съ православнымъ населеніемъ города. Отчасти къ русской же группѣ можно отнести и наѣхавшихъ изъ Оренбургской, Казанской и нѣкоторыхъ центральныхъ губерній татаръ; хотя ихъ сравнительно немного, всего нѣсколько сотъ человѣкъ, но они, представляя сплоченную группу капиталистовъ, мелкихъ и крупныхъ, связанныхъ между собою религіозными и денежными интересами, составляютъ значительную силу. Всѣхъ мѣщанъ, уральцевъ и татаръ, надо считать до 3000 душъ. Къ туземнымъ группамъ надо прежде всего причислить здѣшнихъ аборигеновъ, киргизъ, которые сами себя называютъ казаками*). Мы будемъ конечно,

*) Не буду вдаваться въ этимологію словъ „киргизъ“ и „казакъ“, потому что въ мнѣніяхъ объ этомъ не всѣ сходятся, а завело бы это насъ очень далеко. Необходимо только помнить, что мы называемъ казаковъ Большой, Средней, Малой и Внутренней ордъ—киргизами совершенно произвольно; они сами себя называютъ казаками, а подъ именемъ киргизъ извѣстны кара-киргизы и такъ называемые дикокаменные киргизы въ южномъ Туркестанѣ и Семирѣчьѣ; они-то называютъ киргизъ „койсаками“; очевидно русскіе, встрѣтившись въ Сибири сначала съ „киргизами“, перенесли это названіе и на казаковъ, которые значительно позднѣе, оттѣснивъ калмыковъ и башкиръ, заняли приуральскія и прикаспійскія степи; гораздо точнѣе было прежнее оффиціальное названіе ордынцевъ „киргизъ-казаки“, чѣмъ нынѣшнее, совершенно произвольное для Алаши, т. е. для четырехъ ордъ; казаки и киргизы были всегда непримиримыми врагами; въ языкѣ тоже есть много различія, такъ что казакъ иногда съ трудомъ понимаетъ киргиза; самъ по себѣ киргизъ-казацкій народъ, по своему соціальному строю, характеру и обычаямъ, рѣзко отличается отъ другихъ тюркскихъ племенъ, исповѣду-

придерживаться общепринятаго названія. Они частью занимаются разными промыслами, живя постоянно въ городѣ, частью проживая въ сосѣднихъ аулахъ, вѣчно снуютъ на базарѣ, наконецъ, масса ихъ пріѣзжаетъ изъ степи, по своимъ дѣламъ, наводняя въ дни выборной агитаціи базаръ и улицы своими верблюдами и лошадьми; количество ихъ поэтому опредѣлить трудно, но киргизъ въ городѣ постоянно находится не менѣе 2—3 тысячъ человѣкъ. Затѣмъ, къ слѣдующей группѣ туземцевъ, надо причислить довольно многочисленныхъ, отъ 1—2 тысячъ, бухарскихъ подданныхъ сартовъ*), поселившихся здѣсь съ торговыми цѣлями, еще со времени устройства фортовъ по Сыръ-Дарьѣ; это все таджики изъ кишлаковъ Вардanзи и Кохатанъ Бухарскаго ханства; они очень сплочены между собою и солидарны въ своихъ религіозныхъ и торговыхъ интересахъ. Къ нимъ же нужно присоединить и небольшое количество сартовъ изъ русскаго Туркестана, узбековъ изъ Хивинскаго ханства и кара-калпаковъ изъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, бухарскихъ евреевъ, говорящихъ по таджикски (персидски) и, наконецъ, небольшую кучку персіянъ (какъ ихъ зовутъ здѣсь «кызылъ-башей»),

ющихъ исламъ Образовался онъ изъ разныхъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, съ преобладаніемъ у казаковъ - монгольской, а у киргизъ—тюркской крови. Напримѣръ, одинъ родъ Большой орды, Найманъ, встрѣчается и у монголовъ. Академикъ Радловъ думаетъ, что часть древнихъ гузовъ сохранилась „онынѣ среди киргизъ-казаковъ и среди узбековъ. Вамбери говоритъ, что казаки упоминаются у Константина Багрянороднаго (въ X вѣкѣ) и у Фирдоуси, въ поэмѣ о богатырѣ Рустемѣ. Киргизы упоминаемые въ сибирской исторіи, именно въ эпоху войнъ русскихъ противъ енисейскихъ татаръ, есть не казаки, а настоящіе такъ называемые дикокаменные киргизы, сородичи которыхъ и нынѣ кочуютъ въ Китаѣ. Любопытно, что самымъ отъявленнымъ врагомъ „казака“ является „калмакъ“, т. е. калмыкъ; во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ это обстоятельство проходитъ красной нитью; оно тоже проливаетъ свѣтъ на судьбу киргизъ-казаковъ, которые, очевидно, вели ожесточенную борьбу съ калмыцкимъ народомъ.

*) Какъ извѣстно, такъ называютъ киргизы городскихъ жителей Туркестана; мы отъ нихъ переняли это названіе; сами же сарты себя называютъ „мусульманъ“ и по имени города, откуда родомъ.

влачившихъ до прихода русскихъ участь рабовъ въ разныхъ киргизскихъ аулахъ, попадая туда изъ Бухары и Хивы, гдѣ ими торговали туркмены, захватывая ихъ въ плѣнъ во время своихъ смѣлыхъ аламановъ (набѣговъ) на сѣверную Персію; освобожденные русскими, многіе изъ нихъ женились на киргизкахъ и обзавелись хозяйствомъ; они имѣютъ особенную склонность къ садоводству. Всѣхъ этихъ русскихъ сартовъ, бухарскихъ евреевъ, хивинцевъ и персіянъ не болѣе 500 человѣкъ. Стало быть, населеніе города состоитъ изъ довольно разнообразныхъ элементовъ, которые, несмотря на это хорошо уживаются другъ съ другомъ; къ сожалѣнію, однако, приходится констатировать тотъ фактъ, что русскій языкъ не является связывающимъ элементомъ; соединяетъ всѣ эти группы между собою киргизскій языкъ, на которомъ одинаково хорошо говорятъ мѣщане, уральцы, татары, сарты, евреи и проч.; благодаря отсутствію школъ и принятой системѣ управленія, русскій языкъ между киргизами дѣлаетъ меньше успѣховъ, чѣмъ между сартовскимъ торговымъ населеніемъ, вслѣдствіе этого иногда трудно бываетъ подыскать хорошаго переводчика изъ мѣстныхъ киргизъ, чисто и бѣгло говорящаго по русски; скорѣе можно встрѣтить русскаго, владѣющаго въ совершенствѣ киргизскимъ языкомъ.

Въ уѣздѣ все населеніе сплошь киргизское, родовъ: Чикты, Тюртъ-Кара, Кара-Сакалъ, Чумекей, Кэтэ и Алтынъ—Малой Орды, съ ихъ отдѣленіями и колѣнами, есть обрывки и другихъ родовъ, но главная масса принадлежитъ къ этимъ пяти; всего кибитокъ считается 26000; среднимъ числомъ на кибитку надо положить 4—6 душъ, такъ что все населеніе составляетъ $^1/_8$ милліона. Перекочевали сюда киргизы, какъ передаютъ ихъ преданія, около 200 лѣтъ тому назадъ, изъ-за Тур-

кестана, священнаго для киргизъ города, у отроговъ Каратаускихъ горъ, гдѣ находится гробница святаго Хазрета Султана Ясови, проповѣдывавшаго, по историческимъ даннымъ, между киргизами исламъ; киргизы, спустившись, должно быть, около конца XVI столѣтія, въ Аральскую низменность, вытѣснили оттуда каракалпаковъ, удалившихся частью въ низовья Аму-Дарьи, частью къ верховьямъ Сыръ-Дарьи, около Ходжента; въ одной ложбинѣ, на мѣстности Акгирекъ, показываютъ родникъ, который будто каракалпаки передъ своимъ уходомъ засыпали, чтобы онъ не достался киргизамъ; на самомъ дѣлѣ, многое указываетъ на существованіе здѣсь въ прежнія времена населенныхъ мѣстъ: развалины древняго города Джангента, разные курганы, мазарки (надгробные памятники), остатки прежнихъ арыковъ, городищь и пр.*). Въ ближайшее историческое время, къ началу движенія русскихъ на Сыръ, киргизы, кочевавшіе по его низовьямъ, находились въ зависимости отъ Хивы, а кочевавшіе по Кувану, Джаманъ-Дарьѣ и Кара-Узяку—отъ Коканда, и имѣли здѣсь крѣпостцы, и опоздай русскіе лѣтъ на 25 занять Раимъ, вся эта мѣстность слилась бы съ Хивою и Кокандомъ, и мусульманская культура совсѣмъ бы овладѣла ею; до сихъ поръ даже замѣтно у здѣшнихъ киргизъ тяготѣніе къ «Ургенчу, какъ они называютъ Хивинское ханство и Аму-Дарьинскій отдѣлъ, не отдѣляя одного отъ другаго. Въ административномъ отношеніи населеніе уѣзда раздѣляется на 18 волостей, сохраняющихъ скорѣе родовое, чѣмъ территоріальное подраздѣленіе; нашего представленія о волости здѣсь пока не можетъ быть, потому что случается такъ: одна часть волости кочуетъ на Сырѣ, другая въ Кизылъ-Кумахъ, третья въ Кара-

*) Мейеръ. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства изд. 1865 г.

Кумахъ, четвертая на Аму-Дарьѣ, наконецъ, въ Перовскомъ и Иргизскомъ уѣздахъ, около Карабутака, сплошь и рядомъ уходя зимовать въ Буканскія горы, въ предѣлахъ Бухарскаго ханства, прикочевывая на лѣто, для хлѣбопашества, на Сыръ, Куванъ и Яны-Дарьи, затѣмъ осенью и зимою снова откочевывая въ Иргизскій уѣздъ или Аму-Дарьинскій отдѣлъ; впрочемъ, большинство волостей уже осѣло, отправляя только на лѣто и весну свой скотъ въ Кара-Кумы и на рѣку Иргизъ; необходимо при этомъ обратить вниманіе на то, что киргизы Казалинскаго уѣзда имѣютъ родовичей въ Иргизскомъ уѣздѣ и Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, а киргизы Перовскаго уѣзда—въ Тургайскомъ уѣздѣ; этимъ устанавливается этнологическая связь населенія этихъ административныхъ единицъ. Всего киргизъ, кочующихъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области и южныхъ уѣздахъ Тургайской области, должно быть $^3/_4$ милліона душъ, связанныхъ между собою родственными узами, такъ какъ они составляютъ вѣтви однихъ и тѣхъ же родовъ; на это обстоятельство необходимо обратить вниманіе, такъ какъ родовыя отношенія у киргизъ, не вышедшихъ еще изъ родоваго быта, имѣютъ въ соціально-экономическомъ отношеніи огромное значеніе.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному обзору мѣстныхъ условій жизни, надо еще упомянуть о мѣстечкѣ Кармакчахъ, бывшемъ фортъ № 2, расположенномъ на полпути между Казалинскомъ и Перовскомъ, отъ котораго онъ отдѣленъ послѣ упраздненія Туркестанскаго уѣзда и присоединенъ къ Казалинскому; въ Кармакчахъ сгруппировано около полусотни домовъ, съ сборнымъ населеніемъ изъ русскихъ, въ томъ числѣ и нѣсколько семей уральцевъ, сартовъ и киргизъ, занимающихся мѣстною и степною торговлей; это

поселеніе лежитъ при сліяніи Джаманъ-Дарьи и Кара-Узяка*) и построено противъ взятой и разрушенной въ 1853 году кокандской крѣпосцы Косъ-Курганъ. Кочующіе въ раіонѣ его киргизы имѣютъ свои родовыя связи, главнымъ образомъ, съ киргизами Перовскаго и Тургайскаго уѣздовъ, куда періодически уходятъ на лѣтовки.

III.

Постараемся познакомиться теперь съ источниками существованія, служащими людямъ въ этомъ краю. Обратимся прежде всего къ коренному населенію, составляющему, такъ сказать, объектъ дѣятельности остальнаго пришлаго элемента.

Большая ошибка представлять себѣ киргизъ исключительно скотоводами и кочевниками; можетъ быть это было бы вѣрно лѣтъ 50 тому назадъ, да и то нѣтъ, потому что уже тогда, т. е. еще до прихода русскихъ, киргизы на Сырѣ занимались земледѣліемъ, частью пользуясь заброшенными каракалпакскими арыками, частью проводя свои; вожделѣнія Хивы отъ того и были направлены на низовья Сыра, что здѣсь можно было поживиться не только зякетомъ**) со скота, но и уссуромъ***) съ хлѣба. Въ настоящее время чистыми кочевниками осталась меньшая часть, и то, главнымъ образомъ, люди состоятельные, а большинство или исключительно занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ же лишь въ видѣ подспорья къ нему, или же, кто кочуетъ на рѣкѣ и у моря, занимается рыболовствомъ.

*) Двухъ рукавовъ Сыръ-Дарьи.

), *) Зякетъ и уссуръ—извѣстная часть сбора съ различнаго имущества установленная по Шаріату.

Въ голодный 1892 годъ (куянъ-джиль, годъ зайца****), въ годъ съ этимъ названіемъ, по киргизскому повѣрью, всегда долженъ быть падежъ скота, что и было на самомъ дѣлѣ. Среди кочевниковъ въ сѣв. Кара-Кумахъ насчитывалось до 7000 кибитокъ, но изъ нихъ надо отдѣлить добрую половину такихъ, которые кочуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, сами, или ихъ бѣдные родственники, занимаются земледѣліемъ на Сырѣ; то же самое можно сказать и относительно кочевниковъ въ Кизылъ-Кумахъ; по Сыру же, Кувану, Джаманъ, Яны-Дарьямъ, Караузяку и пр., повсюду уже настроены зимовки, т. е. дома, съ загонами для скота и запасами сѣна, куда прикочевываютъ ихъ хозяева на зимніе мѣсяцы; однихъ кочевниковъ, исключительно преданныхъ скотоводству, едва ли наберется и 6000 изъ 26000 кибитокъ. У киргизъ, какъ первый признакъ извѣстной степени культуры давно явилась потребность въ растительной пищѣ, въ видѣ разныхъ суррогатовъ изъ зерна; безъ похлебки изъ ячменя или проса едва ли проживетъ киргизская семья, и даже въ кибиткѣ завзятаго кочевника, она составляетъ главную пищу, особенно, когда осенью кончается молоко; вслѣдствіе этого продукты земледѣлія являются главными источниками пропитанія киргизской массы, а продукты скотоводства лишь подспорьемъ, у богачей же роскошью, безъ которой бѣдняки вынуждены обходиться. Приблизительно то же самое можно сказать о Перовскомъ уѣздѣ, который находится въ еще болѣе благопріятныхъ для земледѣлія условіяхъ, нежели Казалинскій; что же касается Иргизскаго и Тургай-

****) Каждый годъ двѣнадцатилѣтняго цикла носитъ у киргизъ названіе животнаго. У киргизъ бассейна Аральскаго моря эти годы съ животной номенклатурой расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) таукъ (курица); 2) итъ (собака); 3) донгузъ (свинья); 4) тышканъ (мышь); 5) сеиръ (корова); 6) барсъ (тигръ); 7) куянъ (заяцъ); 8) улу (рыба); 9) джиланъ (змѣя); 10) джилкэ (лошадь); 11) кой (баранъ) и 12) меминъ (обезьяна).

скаго уѣздовъ, то за отсутствіемъ, искусственнаго орошенія, у киргизъ, тамъ кочующихъ, разумѣется, болѣе развито скотоводство, но и они уже, по силѣ возможности, засѣваютъ низины, гдѣ скопляется зимняя и весенняя влага: пшеницей, ячменемъ, особенно краснымъ просомъ и снимаютъ иногда хорошіе урожаи. Въ настоящее время всѣ роды киргизъ Казалинскаго уѣзда имѣютъ свои распашки, засѣянныя пшеницей, ячменемъ, клеверомъ, дынями, арбузами и тыквами, на Сырѣ и Куванъ-Дарьяхъ, ихъ разливахъ и тѣхъ мѣстахъ, которыя орошаются проведенными изъ нихъ арыками; къ сожалѣнію, количество послѣднихъ, можно сказать, прогрессируетъ не въ соотвѣтствіи съ потребностью въ орошенной землѣ; засѣвается въ настоящее время, по всѣмъ вѣроятіямъ, до 200000 пудовъ разныхъ сортовъ хлѣба: пшеницы, ячменя, проса не считая посѣвовъ клевера и бахчей; но и въ благопріятный годъ, при сносномъ урожаѣ, населеніе нуждается въ привозномъ хлѣбѣ; цѣна на него стоитъ всетаки высокая*).

Въ неурожайные годы поставщикомъ хлѣба для Казалинскаго уѣзда является обыкновенно Ходжентскій уѣздъ, откуда хлѣбъ сплавляется по Сыръ-Дарьѣ на плотахъ и каюкахъ; или Ауліеатинскій, гдѣ засѣвается и родится избытокъ хлѣбовъ и цѣны установились очень низкія.

Послѣ джута, т. е. падежа скота въ 1892 году, скотоводство сократилось болѣе чѣмъ на половину и предметъ его составляютъ главнымъ образомъ, верблюды и стада барановъ и козловъ; коневодство не такъ развито, какъ въ Тургайской области, гдѣ лучше кор-

---

*) На Казалинскомъ базарѣ средняя цифра для пуда пшеницы была зимой, въ 1894 году, восемьдесятъ коп., для ячменя около сорока коп. за пудъ, а для проса около шестидесяти коп. за пудъ.

ма и привольнѣе степи; рогатаго скота сравнительно меньше; держатъ его, главнымъ образомъ, городскіе жители и уже осѣвшіе на землю киргизы, кочующіе вблизи своихъ зимовокъ; рогатый скотъ здѣсь малорослый и мясо получается изъ него невысокаго качества; съ осѣданіемъ киргизъ увеличивается и разведеніе рогатаго скота, такъ что распространеніе его служитъ лучшимъ доказательствомъ перехода киргизъ отъ кочевого образа жизни къ полуосѣдлому. Порода барановъ здѣсь съ курдюками, мясо очень вкусное, шерсть длинная, но не такая теплая, какъ у русскаго барана; въ настоящее время масса барановъ скупается и отсылается въ Россію фирмой извѣстнаго оренбургскаго купца Хусаинова, имѣющаго во всѣхъ степныхъ городахъ обширную торговлю краснымъ товаромъ и сырьемъ. Скупка барановъ практикуется въ большихъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ баранъ и верблюдъ въ хозяйствѣ степняка играютъ огромную роль; онъ прекрасно можетъ обойтись безъ коровы и лошади, но баранъ и верблюдъ—это краеугольные камни благосостоянія киргиза; первый даетъ ему пищу, въ видѣ мяса и молочныхъ продуктовъ, доставляетъ одежду и кровъ, потому что кошмы (войлоки) бьются исключительно изъ бараньей шерсти, составляя выгодный предметъ торговли; верблюдъ же, кромѣ того, какъ перевозочное средство, игралъ и еще играетъ, такую роль въ Средней Азіи, что на немъ слѣдуетъ остановиться. Здѣсь, въ Казалинскомъ уѣздѣ, благодаря необозримымъ пространствамъ Кара-Кумовъ и Кизылъ-Кумовъ, на которыхъ произростаютъ разныя породы горькихъ травъ, и гдѣ повсюду встрѣчаются источники и отстои соленой воды—царство верблюда; ему для пастьбы нужны обширныя пространства; верблюды въ здѣшней степи встрѣчаются двугорбые (тюйя) и одногорбые (наръ);

между послѣдними попадаются экземпляры огромныхъ размѣровъ. За послѣдніе годы закавказскіе татары закупали и угоняли нѣсколько табуновъ, исключительно наровъ, на Кавказъ, а недавно довольно порядочная партія была куплена однимъ скупщикомъ для южной Россіи; предполагается впослѣдствіи закупать еще верблюдовъ для полевыхъ работъ въ степныхъ губерніяхъ. На мѣстѣ же верблюдъ служитъ киргизу и вьючнымъ, и рабочимъ, и верховымъ животнымъ, даетъ шерсть для халатовъ, почти круглый годъ молоко, пашетъ ему землю, а кромѣ того служитъ ему источникомъ дохода при перевозкѣ товаровъ и разной клади. Теперь количество требуемыхъ для этого верблюдовъ уменьшилось болѣе чѣмъ въ 10 разъ, и то ихъ выходитъ съ сырыми продуктами степной торговли: шерстью, шкурами, войлоками, а также рыбою, приблизительно около 10000 головъ*), но, до проведенія Закаспійской желѣзной дороги, всѣ караваны изъ Ташкента, Коканда, Бухары и Хивы, въ Оренбургъ и обратно, проходили черезъ Казалинскъ и здѣсь, обыкновенно, товары перегруживались на свѣжихъ верблюдовъ; потребность въ нихъ была въ то время огромная; теперь же перевозочный промыселъ населенія во всѣхъ четырехъ уѣздахъ: Казалинскомъ, Перовскомъ, Иргизскомъ и Тургайскомъ палъ совсѣмъ, и кромѣ вывоза мѣстныхъ произведеній и ввоза предметовъ, для удовлетворенія потребностей города и киргизскаго населенія уѣзда, а также, передвиженія теперь уже рѣдкихъ переселенческихъ партій, другихъ источниковъ дохода для хозяевъ верблюжьихъ табуновъ почти нѣтъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ даже рискуютъ посылать верблюдовъ въ Ташкентъ, Ауліеата, Самаркандъ

*) Хотя за вѣрность этой цифры поручаться нельзя, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ

и Кокандъ, гдѣ теперь большое караванное движенiе. Скотоводство, какъ и всякiй промыселъ, когда онъ не составляетъ уже потребностей патрiархальнаго быта, требуетъ заботъ и улучшенiй; между тѣмъ, въ этой части степи оно почти предоставлено собственной судьбѣ: запасовъ кормовъ въ большихъ размѣрахъ не дѣлается, хотя вопросъ объ этомъ поднятъ, заботъ объ улучшенiи породъ лошадей и другаго скота, ярмарокъ*), для правильнаго сбыта мѣстныхъ произведенiй—нѣтъ, ветеринарнаго надзора, кромѣ города Иргиза, не огранизовано, колодцевъ въ степи, сравнительно, немного, они плохо расчищаются и постоянно заносятся пескомъ, не имѣя никакихъ прикрытiй, между тѣмъ какъ отъ достаточнаго количества воды въ колодцѣ зависитъ группировка стадъ на тѣхъ или другихъ пастбищахъ; затѣмъ, благодаря огранизацiи переправъ черезъ Сыръ-Дарью, доходъ отъ которыхъ составляетъ оброчную статью казны, киргизы, чтобы избѣгнуть платы, стараются перекочевать со скотомъ по льду, часто не во время, что также тяжело отзывается на скотоводствѣ; на это громадное зло, губящее ежегодно массу скота, необходимо обратить вниманiе, наконецъ, при паденiи прежняго караваннаго способа торговли, вслѣдствiе передвиженiя торговаго пути съ сѣвера на югъ, къ Закаспiйской желѣзной дорогѣ, въ приаральской степи движенiе каравановъ и потребность во вьючномъ скотѣ свелась на удовлетворенiе лишь мѣстныхъ требованiй; всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, имѣютъ, разумѣется, большое значенiе для развитiя скотоводства. Между тѣмъ, безконечныя степныя пространства этого края могли бы служить огромнымъ пастбищемъ для народнаго хозяйства въ Россiи.

---

*) Недавно только открыта въ октябрѣ мѣсяцѣ ярмарка въ г. Иргизѣ.

Помимо земледѣлія и скотоводства, киргизы, кочующіе по берегамъ Аральскаго моря и въ устьѣ Сыръ-Дарьи, а также на ея островахъ, занимаются рыболовствомъ, частью для добыванія пищи, частью съ промышленными цѣлями; научились они рыбачить у уральцевъ, не уступая въ настоящее время въ умѣньи и ловкости своимъ учителямъ; такъ какъ рыбное дѣло нельзя отдѣлить отъ послѣднихъ, то мы будемъ говорить о немъ въ связи съ вопросомъ объ уральцахъ. Около этихъ трехъ промысловъ и группируются, главнымъ образомъ, занятія туземцевъ этой части степи.

Изъ остальныхъ группъ населенія надо прежде всего познакомиться съ русскимъ элементомъ—мѣщанами города; занимаются они большею частью земледѣліемъ на отведенныхъ имъ участкахъ, а также на городской и киргизскихъ земляхъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ земледѣліе идетъ довольно успѣшно, такъ что хлѣба хватаетъ съ избыткомъ; но такъ какъ многіе изъ нихъ, за время процвѣтанія города, привыкли къ болѣе легкимъ заработкамъ, а другіе или вовсе не земледѣльцы, или же отстали отъ земледѣлія за время службы, то такіе занялись ремеслами или другими промыслами. рыболовствомъ, мельничнымъ дѣломъ, службой при разныхъ казенныхъ учрежденіяхъ, наконецъ, работами по почтовому тракту; тѣ же, кто не въ состояніи прочно установить свое хозяйство, или же не находитъ себѣ работы, уѣзжаютъ въ Ташкентъ и другіе города, но главнымъ образомъ, въ Бухару и Чарджуй, куда изъ Казалинска ведетъ прямой караванный путь степью. Всѣ мѣщане имѣютъ въ городѣ дома, сады, участки земли, которые обработываютъ при помощи наемнаго труда; въ общемъ положеніе ихъ довольно сносное; попадаются и между ними бѣдняки, но средняя масса достаточно обезпечена и, настолько приспособилась къ мѣстнымъ

условіямъ, что всегда можетъ найти сь въ нуждѣ и выйти изъ затруднительнаго положенія; всѣ поголовно владѣютъ киргизскимъ языкомъ и хорошо ладятъ съ туземцами.

Слѣдующая группа русскихъ людей настолько отличается отъ предыдущей, что для наблюдателя народной жизни представляетъ много любопытнаго; я хочу сказать о поселенныхъ здѣсь въ 70-хъ годахъ уральскихъ казакахъ, высланныхъ изъ войска въ Туркестанскій край, въ количествѣ около 2000 семей; причинъ и подробностей ихъ высылки мы не будемъ касаться, такъ какъ это прямаго отношенія къ нашему очерку не имѣетъ; словомъ, въ 1875 году, мы застаемъ 1½ тысячи уральскихъ казаковъ въ Казалинскѣ и 500 человѣкъ въ Петро-Александровскѣ. Одною изъ предполагаемыхъ цѣлей ихъ поселенія была начатая еще въ 40-хъ годахъ колонизація края казаками; въ началѣ они оказывали пассивное, но упорное сопротивленіе, особенно, когда изъ нихъ хотѣли сформировать рабочій баталіонъ; но когда рѣшено было предоставить ихъ собственной судьбѣ, съ воспрещеніемъ только отлучки изъ Сыръ-Дарьинской области, они, безъ помощи пособій или вспомоществованій, которыя получаютъ новые переселенцы, сумѣли завоевать себѣ такое положеніе, что пріобрѣли большое значеніе въ сѣверномъ Туркестанѣ. Такъ, въ настоящее время почти все рыбное дѣло въ ихъ рукахъ; принимаются они, когда кончается рыбалка, и за другое: торговлю хлѣбомъ, скотомъ, чернымъ товаромъ; владѣя въ совершенствѣ киргизскимъ языкомъ, они занялись и степной торговлей, конкуррируя съ татарами и сартами. До переселенія уральцевъ на Сыръ, рыболовство было только подспорьемъ для довольствія поселенныхъ оренбургскихъ казаковъ и киргизъ, а въ продажу рыба и ея продукты шли только для удовле-

творенія мѣстныхъ потребностей. Первымъ опытомъ организаціи рыбнаго дѣла въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, было устройство въ 1847 году купцомъ Дѣевымъ такъ называемой компанейской ватаги, но дѣло не пошло, а ватага была въ 1857 году, во время джангужинскаго бунта, сожжена бунтовщиками; затѣмъ, однимъ изъ первыхъ піонеровъ, послѣ неудачи съ компанейской ватагой, выступилъ оренбургскій казакъ Степанъ Кривохижинъ, который, устроивъ въ устьяхъ Сыръ-Дарьи, на Косъ-Аралѣ, ватагу, принялся за дѣло уже съ промысловыми цѣлями; дѣти его до сихъ поръ продолжаютъ дѣло отца. Къ Степану Кривохижину примкнуло впослѣдствіи нѣсколько семей другихъ поселенцевъ, и устроены были ватаги на островѣ Чушка-Аралъ между рукавами Сыра, главнымъ и такъ называемымъ Мордва-Узекомъ. Это рыбачье поселеніе въ 1890 году получило названіе Бутаковской слободки, въ память бывшаго командира Аральской флотиліи, нынѣ покойнаго контръ-адмирала Алексѣя Ивановича Бутакова, весьма просвѣщеннаго дѣятеля, снискавшаго себѣ всеобщее уваженіе и пользовавшагося глубокимъ расположеніемъ всѣхъ знавшихъ его. Теперь эта ватага уничтожена, такъ какъ вошла въ черту запретнаго пространства для рыбной ловли. Тѣмъ не менѣе, до переселенія въ Казалинскъ уральскихъ казаковъ, дѣло не получало широкаго развитія; но съ ихъ приходомъ, оно быстро подвинулось, потому что уральцы, какъ исконные рыболовы у себя на Уралѣ, обратили должное вниманіе на рыбное богатство Аральскаго моря, Аму и Сыръ-Дарьи и, принявшись за рыболовство, постепенно оживили его: появились на рѣкѣ и на морѣ ватаги и садки, настроены были ледники на Косъ-Аралѣ, для сохраненія рыбы, стали приготовляться рыбные продукты: икра, балыки, визига, рыбій жиръ,

клей, вяленая рыба и т. п.; не довольствуясь устьями Сыръ и Аму-Дарьи, уральцы, рыбача по всѣмъ озерамъ и почти по всему протяженію Аральскаго моря, забираясь въ Иргизскій уѣздъ, рисковали даже пытать счастья на островахъ Аральскаго моря, Николаѣ и Барсакельмесѣ. Такимъ образомъ они, найдя себѣ дѣло по вкусу, развили, пріохотили къ нему киргизъ и принесли краю огромную пользу, потому что, благодаря этому, выходятъ изъ Казалинска значительные караваны съ рыбой, красной и черной, въ восточную Россію, главнымъ образомъ, въ Орскъ, Троицкъ и далѣе. Съ развитіемъ дѣла, требующаго много рукъ и привлекшаго къ себѣ небольшіе капиталы, за него взялись и другіе промышленники, такъ что въ настоящее время, въ разгаръ рыбалки, заняты ею до 1000 рукъ, и однихъ билетовъ было, напр. въ 1894 году, выбрано на на сумму около 5000 рублей; весь же оборотъ рыбнаго дѣла, по оффиціальнымъ даннымъ, составляетъ 75000 руб.; но можно предположить, что на самомъ дѣлѣ доходитъ до 100,000, такъ какъ не все поддается регистраціи въ рыбномъ дѣлѣ, на такомъ обширномъ пространствѣ, какъ нижнее теченіе Сыръ-Дарьи, озера уѣзда и юго-западный берегъ Аральскаго моря, почти до полуострова Кугъ-Арала. Теперь рыба съ ея продуктами сдѣлалась однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Казалинскаго уѣзда. Это дѣло имѣетъ будущность, если только будетъ обращено вниманіе на правильную эксплоатацію рыбныхъ богатствъ; въ настоящее время дѣло, усиліями администраціи упорядочено настолько, что хищническому способу ловли положенъ конецъ, организованъ надзоръ, установлены сроки ловли, запретныя мѣста и пр., тѣмъ не менѣе дѣло нуждается въ спеціалистѣ-ихтіологѣ, который бы зналъ рыбное дѣло теоретически, а главное въ

путяхъ сообщенія для сбыта продуктовъ рыбной ловли. Къ сожалѣнію, уральцы до сихъ поръ не живутъ осѣдло, не покупаютъ и не строятъ домовъ въ городѣ, а ютятся по наемнымъ лачугамъ, хотя уже минуло 20 лѣтъ, какъ они здѣсь поселены, пообжились и свыклись съ мѣстными условіями, но подъ вліяніемъ своихъ стариковъ-начетчиковъ, большихъ фанатиковъ, не рѣшаются еще обзаводиться болѣе прочнымъ хозяйствомъ, добиваясь возвращенія себѣ казачьяго званія и не теряя связи съ уральскимъ войскомъ. Впрочемъ, вопросъ объ ихъ прочной осѣдлости есть только вопросъ времени и, съ развитіемъ ихъ, будетъ рѣшенъ самъ собою, безъ внѣшняго принужденія, а такъ какъ всѣ ихъ интересы теперь уже здѣсь, на Сыръ-Дарьѣ, то, конечно, они никогда не покинутъ ея береговъ, особенно молодое поколѣніе, родившееся и выросшее здѣсь и вовсе незнакомое съ Ураломъ.

Въ то время, какъ русскіе поселенцы и уральцы, сталкиваясь съ киргизами, имѣютъ дѣло только съ матеріальной стороной ихъ быта, другія двѣ группы, татары и сарты, опутывая киргиза сѣтью векселей и договоровъ, вторгаются въ его духовный міръ, пріобщаютъ его все болѣе и болѣе къ исламу, этой язвѣ, растлѣвающей азіатскіе народы, которые восприняли эту религію безъ высокихъ идеаловъ, въ которой фатализмъ, лежащій въ ея основѣ, убиваютъ всякіе зародыши критической мысли, или простой любознательности.

Здѣсь къ мѣсту будетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ исламѣ и о той формѣ его, въ которой онъ господствуетъ въ здѣшней окраинѣ. Исламъ, появившись на свѣтъ въ VII столѣтіи, среди семитическаго племени жаркой Аравіи, не могъ отдѣлаться отъ своего мѣстнаго колорита, такъ какъ многія древнія языческія вѣрованія арабовъ, перемѣшавшись съ іудейскими, а

также христіанскими апокрифическими преданіями, не переработались настолько, чтобы утратить особенности того культурнаго періода, въ которомъ находилась Аравія, въ моментъ появленія Мухаммеда; самъ же основатель новой религіи былъ слишкомъ привязанъ къ прелестямъ жизни, чтобы отрѣшиться отъ грѣховнаго міра и создать тотъ высокій религіозный идеалъ, который былъ данъ Азіи буддизмомъ, а въ Европѣ христіанствомъ; вслѣдствіе этого религіозная система арабскаго пророка меньше другихъ этически развита и логически обоснована, не смотря на то, что онъ является ярымъ проповѣдникомъ единобожія. Отпечатокъ того культурнаго періода, въ которомъ жили арабы, когда воинствующій исламъ выдвинулъ ихъ на арену исторической дѣятельности, былъ ими навязанъ покореннымъ странамъ и народамъ и одинаково пагубно отразился на тѣхъ и другихъ. Въ странахъ, имѣвшихъ свою цивилизацію, какъ Египетъ, Сирія, Персія, Харезмъ, исламъ, одержавъ послѣ нѣкоторой борьбы верхъ надъ культурой покоренныхъ странъ, внесъ въ нихъ сначала нѣкоторое оживленіе, но затѣмъ, послѣ побѣды богословія съ его кодексомъ хадисовъ (преданія о жизни и ученіи пророка), погубилъ въ завоеванныхъ имъ культурныхъ народахъ всякое умственное движеніе, внѣ правовѣрныхъ толкованіи корана. Народы, стоявшіе на низшей степени цивилизаціи, какъ, напримѣръ, тюркскіе, исламъ остановилъ на низкой ступени развитія и обрекъ на полный умственный застой, какъ это мы видимъ на племенахъ Средней Азіи. Все нивелируя, все обезличивая и подчиняя одному шаблону, отъ образа мысли до образа жизни, исламъ съ его культурой, основанной на религіозномъ фанатизмѣ, полигаміи, рабствѣ, пантронатствѣ, казуистическомъ толкованій нравственныхъ вопросовъ и внѣшней обрядности, со-

вершенно убилъ въ своихъ адептахъ стремленіе къ прогресу, припечатавъ, ихъ, такъ сказать, къ одной культурной степени развитія, изъ которой мусульманскій міръ до сихъ поръ не можетъ выбиться. Можетъ быть, движеніе бабидовъ въ Персіи, несомнѣнно прогрессивное, вольетъ свѣжую струю въ мусульманство, которое, скованное по рукамъ и ногамъ кораномъ, очевидно клонится къ упадку, лучшимъ примѣромъ чему можетъ служить современная Турція. Изъ всѣхъ народовъ исповѣдующихъ исламъ по моему, одни киргизы являются съ большими задатками для воспріятія общечеловѣческаго развитія,—во-первыхъ, потому, что они мусульмане главнымъ образомъ не съ соціальной, а религіозной стороны, а во-вторыхъ, потому, что женщины ихъ отвоевали себѣ право раздѣлять общесто мужщинъ, послѣднее обстоятельство имѣетъ огромное значеніе. Быстрое усвоеніе киргизами ислама, мнѣ кажется, объясняется тѣмъ, что мусульманство само по себѣ есть религія кочевого быта; возникшая среди кочевыхъ или полукочевыхъ арабовъ, она нашла себѣ благодарную почву у тюркскихъ номадовъ; исторически послѣдними его адептами въ Азіи оказались киргизы, которые еще до XVIII столѣтія были полушаманистами, и, затѣмъ ускользнули отъ христіанства. Съ завоеваніемъ степей и среднеазіатскихъ ханствъ, изъ послѣднихъ, а также изъ Европейской Россіи, въ киргизскія кочевыя степи стали проникать съ безопасностью татары и сарты, главнымъ образомъ, конечно, съ торговыми цѣлями, но при нашемъ благодушномъ отношеніи къ мусульманству, они принялись за ярую пропаганду корана и къ сожалѣнію, не безъ успѣха.

Посмотримъ теперь, какъ эти пропагандисты ислама эксплоатируетъ довѣрчивыхъ киргизъ въ своихъ торговыхъ операціяхъ. Во всѣхъ уголкахъ степи, осо-

бенно въ Казалинскѣ, какъ самомъ большомъ и центральномъ городѣ этой части киргизской степи, небольшая кучка татаръ, сартовъ, являясь посредниками между московскими фабрикантами и потребителями ихъ, киргизами, завладѣла всѣмъ рынкомъ, ведя мѣновую торговлю въ кредитъ, снабжая степь самыми низшими сортами всякаго товара, получая взамѣнъ его сырье: шерсть, шкуры, войлоки, хлѣбъ, за самую низкую цѣну; цѣлые «коши» (караваны) съ товарами, отдаваемыми подъ векселя, отправляются въ степь съ наступленіемъ того времени года, когда стригутъ барановъ, бьютъ войлоки или снимаютъ хлѣбъ; ссужая киргизъ деньгами, навязывая имъ низшаго сорта товары, и получая въ обмѣнъ мѣстныя произведенія, торговцы пожинаютъ при этомъ обильную жатву; выходитъ обыкновенно, что киргизъ, взявъ 50 рублей, вынужденъ отдать 200 рублей, а то и больше, не имѣя возможности выпутаться изъ долга, потому что проценты, которые онъ уплачиваетъ, далеко превышаютъ самую сумму долга; конечно, случается, что киргизъ заберетъ товаръ, а самъ откочуетъ то въ Кара-Кумы, то въ Кизылъ-Кумы, то въ Бухару, то на Иргизъ, то на Илекъ и на Аму-Дарью, и уклоняется отъ уплаты долга; кредиторъ при этомъ, конечно, рискуетъ, но его убытки вдоволь окупятся тѣмъ избыткомъ, который торговецъ получитъ съ другихъ, хотя бы съ поручителей неисправнаго плательщика. Всѣ эти торговые обороты облечены въ законную форму и опутываютъ киргиза, кочевника или земледѣльца, съ ногъ до головы непроницаемою сѣтью векселей, исполнительныхъ листовъ, контрактовъ и т. п. Вотъ характеръ того что называется степною мѣновою торговлей,—скорѣе это можно назвать степнымъ хищничествомъ, которымъ занимаются татары и сарты.

Послѣднимъ однако надо отдать предпочтеніе, потому что они внесли, во всякомъ случаѣ, кое-какую культуру въ среду киргизскаго населенія. Между ними много бѣдняковъ, живущихъ поденнымъ трудомъ, ремеслами, земледѣліемъ и огородничествомъ; тѣ же сарты, при своемъ трудолюбіи, снимаютъ въ аренду городскія земли на извѣстный срокъ, строятъ на ней курганчи (дома), производятъ насажденія, проводятъ арыки, сооружаютъ чигири водочерпательныя сооруженія, словомъ заводятъ хозяйство, которое, по своей интенсивности и тщательности обработки, далеко оставляетъ за собою работу нашихъ русскихъ поселенцевъ, неудобряющихъ свои земельные участки и оттого вынужденныхъ снимать земли у киргизъ. Въ этомъ отношеніи у сартовъ есть чему научиться, и, разумѣется, они имѣли большое значеніе при развитіи земледѣлія у киргизъ, потому что всѣ пріемы обработки почвы заимствованы послѣдними или у хивинскихъ узбековъ или же у здѣшнихъ бухарскихъ сартовъ. Такимъ образомъ, сарты, ведя обширную торговлю въ степи и городѣ, гдѣ имъ принадлежитъ большинство лавокъ на базарѣ, который они всецѣло захватили въ свои руки, торгуя краснымъ товаромъ, коврами, халатами, мясомъ, хлѣбомъ, содержа туземныя харчевни, могутъ быть все-таки отнесены къ болѣе или менѣе производительному элементу, потому что, эксплоатируя киргизское населеніе, они его кое-чему научили, внеся въ его среду свѣдѣнія и опытъ азіатской земледѣльческой культуры. При этомъ они, крѣпко придерживаясь своего традиціоннаго мусульманскаго образа жизни, стоятъ гораздо ближе къ киргизамъ, чѣмъ другія народности, часто женятся на киргизкахъ и оказываютъ на нихъ въ своемъ жизненномъ обиходѣ большое вліяніе, пріобщая его этимъ къ мусульманскому міросозерцанію. Всѣ эти бухарскіе сарты и евреи,

только номинально подданные эмира, потому что многіе изъ нихъ поселились здѣсь уже болѣе 30 лѣтъ, имѣютъ дома, сады и земли, въ Бухару почти не ѣздятъ; между тѣмъ, это подданство представляетъ то неудобство, что они не имѣютъ здѣсь казія для разбора своихъ дѣлъ, требующихъ разъясненій шаріата, и имъ приходится или обращаться къ русскому суду, или же вовсе не возбуждать вопросовъ, въ которыхъ онъ не компетентенъ, какъ-то: семейные раздѣлы, брачныя и разводныя дѣла и т. д., съ другой стороны, это хорошо тѣмъ, что сближаетъ ихъ съ русской жизнью и, повидимому, не безъ результатовъ, потому что между этими сартами встрѣчаются люди довольно развитые; у нихъ и замѣтно меньше фанатизма, чѣмъ у сартовъ русскихъ подданныхъ, въ среду которыхъ, благодаря суду казіевъ, происходящему по шаріату, почти вовсе не проникаютъ русскія правовыя понятія.

Что же касается татарскаго элемента, то физіономія этого типа извѣстна каждому русскому; она нигдѣ не мѣняется: эта сѣрая масса, живущая только интересами лавки и мечети, составляетъ солидную общину, крѣпко сплоченную, солидарную, группирующуюся около фирмы извѣстнаго оренбургскаго купца Хусаинова, ведущаго въ степи милліонное дѣло; агенты этой фирмы и прочихъ торговцевъ изъ татаръ, вмѣстѣ съ разнымъ товаромъ, развозятъ и распространяютъ по степи хефтеки (седьмая часть корана) и разныя казанскія изданія, имѣющія цѣлью укрѣпить и развить среди киргизъ начало мусульманской грамоты и вѣры. Эти ловкіе стяжатели, особенно облюбовавшіе степную торговлю, ближе всего стоятъ къ русскимъ по развитію и образу жизни, еще со времени занятія края пріобрѣли себѣ извѣстное положеніе, сначала служебное,

въ бывшихъ тогда башкирскихъ командахъ, въ роли переводчиковъ, а потомъ торговцевъ, подрядчиковъ; теперь же они забрали въ свои руки почти всю степь и, еслибы у нихъ не было конкуррентовъ въ лицѣ сартовъ и отчасти уральцевъ, они закабали ли бы себѣ всѣхъ киргизъ.

Можно сказать, что всѣ киргизскія степи, отъ Урала до Туркестана и дальше до Семипалатинска, опутаны долгами и всякими суевѣрными нелѣпостями, результатомъ мусульманской пропаганды, которая изъ живаго, воспріимчиваго киргиза, дѣлаетъ недоступнаго для русскаго вліянія мусульманина. Помимо фанатизма, пропаганда ислама имѣетъ особенно антикультурное значеніе, такъ какъ она, собственно говоря, религія мужчинъ, наиболѣе способствующая развитію эгоизма и раздѣляющая общество рѣзко на двѣ половины: повелителя—мужчину, и рабыню—женщину, недостойную даже посѣщать общественныя молитвы и показываться открыто въ обществѣ мужчинъ. Къ сожалѣнію, эта религія ритуализма и эгоизма, которую можно назвать чахоткой, разъѣдающей отъ Урала до Иртыша, отъ Каспія до Памира умственныя и нравственныя силы почти пятимилліоннаго народа, до сихъ поръ не встрѣчаетъ противодѣйствія и, проникая все глубже, губитъ всякіе зародыши общественныхъ инстинктовъ у киргизъ. Лучшимъ подтвержденіемъ пагубнаго вліянія мусульманства на умственное развитіе его адептовъ можетъ служить то обстоятельство, что татары, башкиры, киргизы и черкесы, давно уже находясь подъ русскимъ владычествомъ и подъ воздѣйствіемъ русской жизни, до сихъ поръ не имѣютъ своей печати; нельзя же считать одну газету, издаваемую въ Крыму, при самыхъ лучшихъ ея намѣреніяхъ за органъ русскихъ мусульманъ, между тѣмъ какъ ихъ много обучалось и

обучается въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; нѣтъ, стало быть, той потребности, какъ у другихъ инородцевъ Россіи: евреевъ, армянъ, грузинъ, латышей, эстовъ и др., къ умственному движенію и интереса къ общественнымъ вопросамъ. Объясняется это, мнѣ кажется, тѣмъ, что собственно говоря, мусульманскаго общества, а иногда и семьи—нѣтъ, такъ какъ вся женская половина, составляющая такой же факторъ въ жизни, какъ и мужская, исключена изъ общественной жизни, участія въ ней не принимаетъ и обречена на замкнутую жизнь, всѣ интересы которой ограничены домашними хлопотами и поглощены личностью мужа; послѣдній для своей жены, большею частью, не другъ, а господинъ, любовь котораго ей подчасъ случается дѣлить съ другими женами; приходится, констатировать тотъ фактъ, что иногда даже среди развитыхъ мусульманъ наблюдается неуваженіе къ личности жены и женщины выражающееся въ томъ что нѣкоторые до сихъ поръ не стыдятся имѣть нѣсколько женъ и держать ихъ, какъ наложницъ, взаперти. Можетъ быть, сказанное здѣсь слишкомъ рѣзко, но кто знакомъ съ исторіей ислама и видѣлъ воочію воздѣйствіе его на жизнь, особенно киргизъ, у которыхъ адатъ уступаетъ постепенно мѣсто шаріату, замыкающему первымъ дѣломъ женщину и закутывающемъ ее въ чарду, тому будетъ понятно все здѣсь сказанное. Необходимо, наконецъ, призадуматься надъ дальнѣйшей судьбой этого позорнаго въ цивилизованномъ государствѣ явленія и, въ этомъ отношеніи, мусульманству слѣдовало бы объявить открытую войну.

Именно путемъ торговли и происходитъ порабощеніе киргиза такому образу мысли и взглядамъ, противнымъ понятіямъ европейской культуры и прямо враждебнымъ русскому правительству; благодаря этому,

киргизъ вполнѣ попадаетъ подъ вліяніе алчнаго фанатика-татарина или сарта, часто скрывающаго подъ личиной лицемѣрія ненависть ко всему русскому и «кяфирамъ», какъ они насъ втайнѣ величаютъ; такое порабощеніе степи происходитъ на нашихъ глазахъ, какъ-будто въ отмщеніе за побѣду европейскаго начала и христіанской цивилизаціи, въ лицѣ русскаго оружія, надъ мусульманствомъ, въ восточной Россіи и Средней Азіи. Все сказанное здѣсь одинаково относится ко всѣмъ киргизскимъ степямъ, отъ Волги до Китайской границы, и пора бы ему вылиться въ отдѣльный киргизскій вопросъ.

IV.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о городѣ Казалинскѣ, наиболѣе крупномъ и типичномъ изъ всѣхъ степныхъ укрѣпленій, обращенныхъ въ небольшіе города и представляющихъ собою все-таки культурные центры того обширнаго степнаго пространства, которое мы позволили себѣ назвать приаральскимъ краемъ; по Казалинску можно судить и объ остальныхъ: Перовскѣ, Иргизѣ, Тургаѣ, Карабутакѣ и Кармакчахъ, отличающихся отъ него только по величинѣ. О расположеніи города на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ и о числѣ жителей было уже сказано. Посмотримъ теперь, находится ли въ немъ все необходимое для удовлетворенія потребностей его обывателей и кочеваго населенія уѣзда. Городъ имѣетъ до 550 домовъ, всѣ постройки изъ сырцоваго или жженаго кирпича; онъ дѣлится на русско-татарскую и сартовскую части; имѣетъ одну изъ лучшихъ въ Туркестанскомъ краѣ православную церковь, военнаго вѣдомства, во имя Казанской Божьей Матери, построенную и освященную въ 1874 году, при участіи піонера

русской промышленности въ Средней Азіи, извѣстнаго въ Ташкентѣ своей благотворительностью, Н. И. Иванова; при церкви имѣется церковно-приходское попечительство, съ основнымъ небольшимъ капиталомъ, пожертвованнымъ генералами Черняевымъ и Романовскимъ, первыми губернаторами Туркестанской области; кромѣ того, въ городѣ есть часовня, въ память избавленія Государя Александра Николаевича отъ покушенія Каракозова, реставрированная въ память событія 17-го октября. Уральцы имѣютъ для совершенія своихъ требъ 2—3 молельни, которые помѣщаются въ частныхъ домахъ. У мусульманъ въ городѣ двѣ мечети—татарская и сартовская; первая носитъ казарменный характеръ и по своему безобразію можетъ удовлетворять только вкусамъ безцвѣтной татарской массы; вторая же, какъ всѣ сартовскія постройки, особенно мечети, имѣетъ мѣстный калоритъ и не лишена оригинальности. Евреи тоже имѣютъ молитвенный домъ. Въ городѣ есть нѣсколько казенныхъ зданій, вновь отстроенный базаръ, съ 250 лавками, около 10 магазиновъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ недавно открывшему свою дѣятельность обществу потребителей. Въ самомъ городѣ два казенныхъ сквера и питомникъ за городомъ, на берегу рѣки городской садъ. Орошеніе въ городѣ и его окрестностяхъ производится при помощи 3 казенныхъ и нѣсколькихъ частныхъ чигирей—водочерпательныхъ машинъ, выбрасывающихъ до 20000 ведеръ въ день. Кругомъ города разбросаны сады, огороды и бахчи. Для размола хлѣба есть около 20 вѣтряныхъ и 2 водяныя мельницы. Имѣются пивоваренный заводъ Н. И. Иванова; затѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ свѣчныхъ и мыловаренныхъ мелкихъ заводовъ, носящихъ скорѣе характеръ кустарнаго производства, другихъ какихъ-либо промышленныхъ заведеній —нѣтъ.

Городъ раскинутъ на пространствѣ около 3 верстъ и имѣетъ, до 16000 десятинъ городской земли, которая сдается въ аренду съ торговъ по 4 р. 20 к. за удобную для хлѣбопашества и по 1 р. 20 к. за неудобную десятину; она далеко не вся годна для земледѣлія, а потому не вся орошена. Бюджетъ города составляетъ около 15000 р. Сумма эта получается, главнымъ образомъ, изъ арендной платы за городскія земли, городскіе вѣсы и бойню, а затѣмъ изъ другихъ обыкновенныхъ городскихъ доходовъ. Для нуждъ населенія имѣются двѣ ссудныя кассы, одна городская съ оборотнымъ капиталомъ въ 18657 рублей и уѣздная, для киргизъ, съ капиталомъ въ 23444 р., учрежденная послѣ хивинской экспедиціи изъ разныхъ источниковъ, при генералъ-губернаторѣ генералъ-адъютантѣ К. П. фонъ-Кауфманѣ. Больницы нѣтъ, есть только пріемный покой съ аптекой и военный лазаретъ. Общественнаго собранія въ городѣ нѣтъ, а потому и общедоступной библіотеки тоже не имѣется, между тѣмъ, какъ даже въ маленькомъ Иргизѣ есть то и другое, не смотря на то, что въ Казалинскѣ интеллигенціи въ городѣ и уѣздѣ наберется до 50 человѣкъ,—больше, чѣмъ въ Иргизѣ. Образовательныя средства надо раздѣлить на двѣ категоріи: оффиціальныя и неофиціальныя. Для нуждъ города и уѣзда имѣется трехклассное городское училище, основанное 21 января 1860 года, при фортѣ № 1, трудами священника Побѣдоносцева, первое въ Туркестанскомъ краѣ, съ ремесленными классами сапожнаго и столярнаго мастерства; въ 1865 году при немъ открытъ интернатъ, для 20 мальчиковъ, изъ которыхъ $^2/_3$ должны быть киргизы; лучшіе изъ оканчивающихъ курсъ поступаютъ въ ташкентскую учительскую семинарію. Затѣмъ, есть женское двухклассное приходское училище, основанное въ въ 1861 году, съ курсомъ рукодѣлія; при этомъ нельзя

не упомянуть, что при такомъ же женскомъ училищѣ въ сосѣднемъ городѣ Иргизѣ, по иниціативѣ и при просвѣщенномъ участіи бывшаго уѣзднаго судьи, Султана Сейдалина и инспектора народ. уч. г. Алтынсарина устроенъ интернатъ для киргизскихъ дѣвочекъ*); наконецъ, въ Казалинскѣ есть русско-туземное училище, недавно переведенное въ городъ изъ степи, гдѣ оно прозябало и было только предметомъ эксплоатаціи со стороны одного вліятельнаго киргиза заинтересованнаго въ томъ, чтобы школа была въ его аулѣ, который только одинъ со своей родней и могъ ею пользоваться. Эта школа, единственная въ уѣздѣ, назначеніе которой служить разсадникомъ русской грамотности среди киргизъ, совсѣмъ было затихла; но послѣ перевода въ городъ, она вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, такъ какъ въ ней теперь обучаются живущіе въ городѣ и его окрестностяхъ киргизскія дѣти, и самое учебное дѣло въ школѣ на которую уѣздъ тратитъ до 1326 рублей, можетъ находиться въ постоянномъ общеніи съ преподаваніемъ въ городскомъ училищѣ и только выиграло отъ такого перехода, удовлетворяя большему числу лицъ; такъ, до перехода въ городъ, количество учениковъ колебалось между 10—15, а теперь увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, доходитъ до 40, постоянно возростая, такъ что приходится многимъ отказывать въ пріемѣ. Если мы къ этому прибавимъ еще мужское одноклассное училище въ Кармакчахъ, недавно преобразованное въ русско-туземное, то этимъ исчерпываются оффиціальныя проводники грамотности и образованія. Прежде были при городскомъ училищѣ

*) Въ настоящее время, какъ извѣстно, во всѣхъ городахъ Тургайской обл. имѣются киргизскія женскія первоначальныя училища, а въ гор. Кустанаѣ и русско-киргизская женская прогимназія. Примѣръ, достойный подраженія.

вечерніе курсы для желающихъ, но они по чему-то прекратили свое существованіе; въ настоящее время уѣзднымъ начальникомъ возбуждено ходатайство объ ихъ возобновленіи; это необходимо, потому что зимою, въ виду прекращенія вечернихъ курсовъ, многіе татары и сарты вынуждены были нанимать учителя, какого-нибудь изъ знающихъ по-русски киргизъ, который и преподавалъ въ частномъ домѣ, получая по 2 р. въ мѣсяцъ съ каждаго учащагося; желающихъ, говорятъ, набиралось 20—30 человѣкъ.

Обратимся теперь къ неоффиціальнымъ органамъ образованія, на которыхъ стоитъ нѣсколько остановиться. Въ городѣ имѣются при мечетяхъ татарской и сартовской школы для обученія грамотности, причемъ у татаръ оно происходитъ по новому звуковому способому, у сартовъ же—по старинному; затѣмъ, у уральцевъ есть тоже нѣсколько школокъ грамотности, гдѣ дѣти обучаются чтенію и письму, конечно, по старопечатнымъ книгамъ; учатъ женщины, по церковно-славянски, нараспѣвъ; наконецъ, въ городѣ есть и еврейская школа, гдѣ обучаютъ грамотѣ еврейской и русской; надо отдать справедливость бухарскимъ евреямъ: они выучиваются по-русски гораздо скорѣе и охотнѣе, чѣмъ прочіе туземцы. Всего интереснѣе, однако, познакомиться съ положеніемъ учебнаго дѣла въ степи, гдѣ характеръ его безусловно антикультурный и вліяніе его даже зловредно, потому что, не давая никакихъ положительныхъ знаній и не воспитывая въ учащихся интереса къ нимъ, оно наполняетъ головы ихъ скудными свѣдѣніями, по традиціонному, мусульманскому методу обученія. Въ разбросанныхъ по всей территоріи уѣзда аулахъ, въ которыхъ найдется отъ 3—5 кибитокъ, ставится юламейка, т. е. юрта съ конусообразнымъ верхомъ и въ ней какой нибудь по-

луграмотный мулла, по большой части изъ каракалпаковъ, долбитъ съ дѣтьми хефтекъ (7-ю часть корана), обучая первоначальной грамотѣ и молитвамъ; довольствуются такіе муллы очень небольшимъ вознагражденіемъ: пищей, нѣсколькими рублями и халатомъ. Эти школки грамотности разбросаны по всей степи; численность ихъ опредѣлить очень трудно, такъ какъ нѣтъ аула, болѣе или менѣе значительнаго, гдѣ бы не производилось обученіе по этому старому азіатскому способу. Доказывая потребность киргизъ въ грамотѣ, эти аульныя школки имѣютъ то значеніе, что знакомятъ ихъ съ основаніями мусульманской грамоты и вѣры; благодаря имъ, грамотность среди киргизъ достигаетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, 3—4%, женщины же поголовно неграмотны. Кромѣ этихъ низшихъ школъ, для первоначальнаго обученія есть настоящіе разсадники мусульманскаго невѣженства и фанатизма,—это медрессе, при мечетяхъ, разбросанныхъ по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, ниже города, начиная отъ развалинъ хивинской крѣпостцы Джанъ-Калы, взятой 21 августа 1847 года, почти до Косъ-Арала; наиболѣе значительныхъ имѣются отъ 5—8, въ каждой обучаются отъ 20—50, а иногда и до 100 учениковъ разнаго возраста, отъ дѣтей до взрослыхъ; носятъ названія эти медрессе, по имени ахуна (въ родѣ настоятеля) и содержатся на добровольныя пожертвованія, главнымъ образомъ, того рода киргизъ, къ которому принадлежитъ ахунъ, а также на приношенія учениковъ и постороннихъ жертвователей по разнымъ случаямъ: рожденію сына, смерти родича, радостнаго событія или несчастья, и т. п.; пожертвованія эти принимаются ахуномъ и его учениками, въ разныхъ видахъ, начиная отъ халатовъ, хлѣба, кончая дѣвицами, отдаваемыми «святымъ» людямъ, безъ калыма; кромѣ учебнаго, эти медрессе имѣютъ и религіозное значеніе, такъ

какъ находятся всегда при мечетяхъ, гдѣ ахуны совершаютъ общественные намазы и читаютъ коранъ. Здѣсь киргизскіе мальчики получаютъ сначала первоначальное образованіе, а потомъ, когда подрастутъ, переходятъ къ высшему, надѣвая при этомъ, конечно, чалму, и знакомясь съ основаніями шаріата, по книгамъ, получаемымъ изъ Бухары, но печатаннымъ въ Индіи; изучая коранъ по разнымъ комментаріямъ, ученики пріобрѣтаютъ богословскія, юридическія, ритуальныя и др. свѣдѣнія; усовершенствовавшись здѣсь, желающіе и имѣющіе возможность ѣдутъ доканчивать свое образованіе въ Бухару и Хиву, откуда уже возвращаются исполненными всякой мусульманской учености и фанатизма; такого рода ученіе продолжается иногда *20 лѣтъ* и развиваетъ человѣка въ чисто софистическомъ направленіи, вызывая въ немъ глубокое равнодушіе и презрѣніе ко всему, чего нѣтъ въ коранѣ, самодовольное сознаніе обладанія истиной и, конечно, ненависть къ христіанству. Эти мечети, ускользающія отъ наблюденія русской власти, съ ихъ ахунами, учениками и поклонниками первыхъ, живущими на счетъ общественной благотворительности, имѣютъ огромное вліяніе на окрестныхъ киргизъ; содѣйствуя укрѣпленію ислама среди послѣднихъ, онѣ, благодаря чуть не боготворенію, которымъ пользуются ихъ ахуны, составляютъ духовную силу, съ которой нельзя не считаться. Эти мечети дѣятельно поддерживаютъ сношенія съ разными ишанами въ Бухарѣ и Хивѣ, вслѣдствіе чего замѣтно у киргизъ на Сырѣ сильное развитіе святошества, въ лицѣ множества такъ называемыхъ «суфэ»; послѣдними обыкновенно дѣлаются старики, получивъ «пату» (благословеніе) отъ какого-нибудь ишана и надѣвъ чалму; но есть люди и нестарые, просто ханжи и дармоѣды, пользующіеся легковѣріемъ и невѣжествомъ

киргизской массы и разыгрывающіе изъ себя святошей; они поддерживаютъ въ окружающихъ ханжество и недовѣріе ко всему русскому. Это явленіе безусловно враждебно русскому владычеству, и мы обязаны имъ, главнымъ образомъ, фанатичной Хивѣ, духовная связь которой съ низовьями Сыра беретъ свое начало еще до занятія русскими Раима, и продолжается до настоящаго времени. Самая большая мечеть расположена недалеко отъ развалинъ стариннаго города Джанкента *), разрушеннаго, по всей вѣроятности, при нападеніи монголовъ на Харезмъ, въ XIII вѣкѣ; ея ахунъ, Рамберды, сравнительно съ другими, представляетъ собою болѣе благоразумную и развитую личность, не злоупотребляющую вліяніемъ на сородичей и менѣе фанатично настроенную относительно русскихъ, которыхъ онъ принимаетъ у себя во всякое время, показывая охотно интересующимся свою мечеть; онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Бороться русскому просвѣщенію съ распространяемымъ этими мечетями невѣжествомъ и фанатизмомъ почти нѣтъ возможности, потому что русско-туземная школа въ уѣздѣ только одна; а такихъ мечетей почти въ десять разъ больше; борьба съ ними можетъ быть, конечно, только культурная, посредствомъ развитія школьнаго дѣла и образованія, для чего слѣдовало бы организовать цѣлую систему подвижныхъ школокъ грамотности, а также устроить въ наиболѣе заселенныхъ мѣстахъ русско-туземныя школы, съ обученіемъ какимъ-нибудь ремесламъ и непремѣнно для обоихъ половъ. Мнѣ кажется, что другого способа борьбы съ ними нѣтъ, потому что установленіе одного толь-

*) О немъ можно прочесть: 1) у П. Н. Лерхе — Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край, лѣтомъ 1867. СПБ. 1871 г.; 2) Матеріалы для статистики Туркестанскаго края (вып. III, СПБ. 1874 г.; 3) газета «Москва» 1867 г. № 46 — Григорьева и 4) «Туркестанскія вѣдомости» 1886 годъ «Легенда о Джанкентѣ», записана Евг. Александровымъ.

ко контроля ни къ чему не приведетъ, такъ какъ мечети, а тѣмъ болѣе аульныя школы всегда имѣютъ возможность ускользнуть изъ подъ русскаго вліянія и возбудить противъ него враждебное настроеніе, что едва ли желательно. Въ одинаковомъ положеніи, въ смыслѣ народнаго образованія находится Перовскій уѣздъ, а еще въ худшемъ, конечно, благодаря близости къ Хивѣ—Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Что же касается Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, то тамъ же создана цѣлая система распространенія русской грамотности среди киргизъ, путемъ, распространенія аульныхъ школъ для первоначальнаго обученія и развитія женскаго образованія*).

V.

Въ историческомъ прошломъ приаральской степи можно найти основанія тому, что она имѣетъ право на вниманіе и заботу наравнѣ съ другими окраинами. Во первыхъ, здѣсь были основаны первыя русскія поселенія въ Средней Азіи, во-вторыхъ, здѣшніе кочевники, все болѣе и болѣе осѣдающіе и имѣющіе потребность пріобщиться къ культурной жизни,—это тѣ «ордынцы», какъ ихъ оффиціально прежде называли, которые шли рука объ руку съ русскими войсками при нашемъ наступательномъ движеніи въ Среднюю Аію, служа, верблюдовожатыми, проводниками, лазутчиками, милиціонерами, переносили лишенія, нужды, походные труды вмѣстѣ съ солдатомъ и казакомъ, участвовали съ ними въ сраженіяхъ, доставляли свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Кокандскомъ, Бухарскомъ и Хивинскомъ ханствахъ;

---

*) Васильевъ, Очеркъ развитія образованія въ Тургайской области. Оренбургъ 1896 года.

черезъ ихъ посредничество происходили всѣ торговыя караванныя сношенія съ Средней Азіей, до постройки Закаспійской желѣзной дороги, положившей конецъ ихъ благосостоянію, но благопріятно отразившейся на торговлѣ и промышленности Хорасана, Бухары, Туркменіи и Закавказья; если дана была возможность развиться этой части Азіатской Россіи, то и киргизская степь вправѣ ожидать одинаковыхъ заботъ о ней Россіи, тѣмъ болѣе, что она уже 150 лѣтъ тому назадъ отдалась подъ покровительство Бѣлаго Царя, которому оставалась всегда вѣрною; такіе бунты, какъ въ 1857 году Джанходжи Нурмухамедова, на Сырѣ, и въ 1871 году Исета Кутебарова въ Оренбургской степи*), нельзя считать за серьезныя волненія, послѣдній вызванъ былъ, собственно говоря, неосмотрительнымъ введеніемъ административнаго дѣленія, вмѣсто родоваго, и происками Хивы, со взятіемъ которой, въ 1873 году, степь окончательно умиротворилась. Къ этому надо еще прибавить, что киргизы, изъ всѣхъ мусульманскихъ народовъ, наименѣе затронуты религіознымъ шовинизмомъ и наиболѣе склонны къ образованію и развитію, но, предоставленные собственнымъ силамъ, они подпадаютъ подъ вліяніе мусульманской пропаганды и, по своей воспріимчивости, усваиваютъ себѣ обликъ той народности, съ которой сталкиваются: сарта, узбека или татарина, отдаляясь вслѣдствіе этого отъ цивилизаціи; бороться съ этимъ есть еще время, если, конечно, будетъ обращено вниманіе на развитіе, бытъ и благосостояніе киргиза, въ жизни котораго наступилъ кризисъ въ духовномъ отношеніи, переходъ отъ религіознаго индифферентизма

---

*) 1) Мейеръ, Киргизская степь Оренбургскгаго вѣдомства, изд. 1865 г.;
2) «Русская Мысль» 1892 годъ: «Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ»; 3) Макшаевъ. Историческое движеніе въ Турк. кр. 1890; 4) Изв. Общ. Арх., Ист., этн. при И. Каз. Ун. 1894. Т. XII, вып. 3.

и шаманскихъ суевѣрій*), къ мусульманству, въ экономическомъ отношеніи, отъ кочеваго быта къ осѣдлому, отъ скотоводства къ земледѣлію. Необходимо въ этотъ-то моментъ прійти на помощь киргизу, чтобы послѣ не пожалѣть объ упущенномъ времени. Въ 1897 году минуло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря дальновидности извѣстнаго оренбургскаго дѣятеля, генерала Обручева, былъ занятъ Раимъ и низовья Сыръ-Дарьи отторгнуты отъ фанатичной Хивы, и хотя многое уже сдѣлано въ теченіе почти полувѣковаго нашего господства, но рѣшительный и политичный шагъ генерала Обручева былъ бы вполнѣ увѣнчанъ, еслибы, наконецъ, въ виду обособленности и отдаленности этого края, въ городъ Казалинскъ, въ 60 верстахъ отъ Раима, нашего перваго форпоста въ Туркестанѣ, было перенесено центральное управленіе этой части степи; потому, во-первыхъ, что онъ находится въ самомъ центрѣ, а во-вторыхъ, при развитіи и увеличеніи потребностей ея населенія, для удовлетворенія ихъ нуженъ болѣе сложный, компетентный и ближе стоящій къ населенію механизмъ, чѣмъ дѣйствующіе здѣсь, на всемъ пространствѣ этой степи, отъ Иргиза до Перовска, уѣздные органы. Благодаря отдаленности отъ большихъ центровъ, Оренбурга и Ташкента, при отсутствіи желѣзной дороги, приаральская степь, какъ мы ее назвали, находится, конечно, въ полномъ забвеніи и упадкѣ; если бы здѣсь была образована степная область изъ Казалинскаго, Перовскаго, Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ и, можетъ быть, Аму-Дарьинскаго, благодаря сходству природныхъ

*) Въ важныхъ случаяхъ болѣзней, родовъ и т. п., всегда приглашается «баксы»; это заклинатель духовъ, которыхъ онъ вызываетъ посредствомъ игры на «кобызѣ», родъ скрипки и дикими выкриками; при этомъ онъ истязаетъ себя и впадаетъ въ полусознательное состояніе, словомъ, у него тѣ же почти пріемы, какъ у шамановъ. Эти баксы играютъ еще большую роль у всѣхъ степныхъ киргизъ.

условій и историческому тяготѣнію низовій Сыра къ Хивѣ, то такого рода мѣра благопріятно отразилась бы на благоустройствѣ этой части степи и благостояніи киргизскаго населенія; тогда можно было бы выдвинуть и разрѣшить много вопросовъ, которые по настоящее время остаются открытыми и неразрѣшимыми. Объ устройствѣ здѣсь области уже возбуждался вопросъ но, къ сожалѣнію, почему-то былъ оставленъ; можетъ быть, онъ находился, какъ объ этомъ писали, въ связи съ образованіемъ Екатеринбургской губерніи къ которой должны были отойти нѣкоторые уѣзды Оренбургской губерніи; тогда центръ управленія степью, съ огромной пользой для всего Аральскаго бассейна, перенесся бы въ Казалинскъ, который географически и этнографически являются центральнымъ пунктомъ для этой огромной степной площади*). Это не потребовало бы непосильныхъ для казны расходовъ**), которые скоро бы окупились тою пользою, какая получилась бы отъ оживленія этой части степи и, разумѣется, ихъ нельзя было бы назвать непроизводительными. Для болѣе нагляднаго поясненія своей мысли, я позволю себѣ указать на нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ мѣстное значеніе, но представляютъ интересъ и для всей киргизской степи.

По всей вѣроятности, было бы поддержано ходатайство, недавно возбужденное въ г. Оренбургѣ, о продолженіи оренбургской желѣзной дороги къ Ташкенту ***).

---

*) Уже раньше было сказано что въ Казалинскомъ, Перовскомъ, Иргизскомъ и Тургайскомъ уѣздахъ и Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ кочуютъ родственные между собою киргизскіе роды

**) Въ Казалинскѣ можно даже найти подходящія помѣщенія, такъ какъ городъ былъ прежде гораздо больше, многія зданія совершенно пустуютъ и разрушаются отъ времени.

***) Туркест. Вѣдом., 1896 г. №№ 18, 24 и др. (Зап. Оренб. гор. гол. о жел. дор. Оренб.-Ташк. 1896 г.).

При осуществленіи этого проекта, оренбургско-ташкентская линія значительно оживила бы мѣстную торговлю и непосредственно соединила бы Туркестанъ съ московскимъ фабричнымъ раіономъ: московскія фабрики получали бы хлопокъ скорѣе и онъ не подвергался бы случайностямъ морской перевозки и нѣсколькимъ перегрузкамъ, хлѣбъ изъ Семирѣчья, сырье изъ Киргизской степи, рыбные продукты изъ бассейна Аральскаго моря, двинулись бы въ Европейскую Россію скорѣйшимъ и кратчайшимъ путемъ, помимо того, что внутренняя Россія была бы соединена непосредственно съ Туркестаномъ; надо сказать, что закаспійская желѣзнаядорога не удовлетворяетъ всему ввозу и вызову, ежегодно увеличивающемуся, и товары залеживаются на ней массами, не говоря уже о перегрузкахъ, которыя обходятся торговцамъ довольно дорого. При существованіи этой линіи, обѣ дороги, оренбургско-ташкентская и закаспійская, раздѣлили бы между собою трудъ, имѣли бы достаточно работы, а польза, ими приносимая, была бы распредѣлена равномѣрнѣе, не составляя достоянія одной части Россіи, въ ущербъ интересамъ другой. Вѣтвь отъ Самары на Оренбургъ находится въ очень печальномъ положеніи, между тѣмъ какъ вопросъ объ ея продолженіи былъ уже на очереди, даже сдѣланы были изысканія и намѣчены пути слѣдованія этой линіи, но, къ сожалѣнію, вопросъ остался безъ разрѣшенія. Потребность въ кратчайшемъ пути въ Россію и оживленіи Аральскаго бассейна сознается и въ Туркестанѣ. Такъ, въ 1894 году, въ № 2 «Туркестанскихъ Вѣдомостей», было высказано мнѣніе объ утилизированіи съ этой цѣлью Аральскаго моря и рѣкъ Аму и Сыръ-Дарьи, т. е. о продолженіи уральской желѣзной дороги до полуострова Куланды, на сѣверномъ берегу Аральскаго моря, откуда сообщеніе производилось

бы на пароходахъ; хотя съ этимъ мнѣніемъ нельзя по моему, согласиться, на томъ основаніи, что Аральское море замѣтно мелѣетъ, а задача обѣихъ водныхъ артерій Средней Азіи—быть источникомъ питанія обширной ирригаціонной системы, имѣющей въ будущемъ оживить и отвоевать отъ степи какъ можно больше земли, для чего потребуется такое количество воды, что едва ли рѣки эти въ состояніи будутъ удовлетворять одновременно и потребностямъ орошенія, и движенія по нимъ; но, тѣмъ не менѣе можно привѣтствовать этотъ проектъ, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ, вызоветъ къ жизни забытый уголокъ Средней Азіи и сблизитъ его съ внутренней Россіей, если не суждено осуществиться наиболѣе цѣлеобразному пути—черезъ Оренбургъ; проектъ продолженія уральской дороги къ Аральскому морю имѣетъ болѣе мѣстное значеніе, такъ какъ движеніе по немъ не можетъ продолжаться круглый годъ, въ виду замерзанія береговъ Аральскаго моря, устьевъ Аму-Дарьи и всего средняго и нижняго теченія Сыръ-Дарьи. Есть еще одно соображеніе, на которомъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы остановиться*). Задача закаспійской желѣзной дороги при ея возникновеніи была исключительно стратегическая; въ настоящее же время она пріобрѣла большое торговое значеніе, а въ будущемъ ей, можетъ быть, суждено имѣть международное значеніе, если она войдетъ въ связь съ индійскими желѣзными дорогами, но теперь, находясь на самой границѣ, она, при политическихъ усложненіяхъ въ Средней Азіи, подвергается всякимъ случайностямъ, и Туркестанскій край, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, рискуетъ быть отрѣзаннымъ отъ Европейской Россіи; не слѣдовало бы этого забывать, осо-

*) „Новости“ 1895 г. статья покойнаго Н. Маева о жел. дор. на Оренбургъ.

бенно теперь, при близости нашей границы съ англо-индійскими и афганскими владѣніями*). Наконецъ, если закаспійская желѣзная дорога обогатила Бухару, Хоросанъ, Туркменію и Закавказье, то пора бы подумать и о Киргизскихъ степяхъ, гораздо раньше вошедшихъ въ составъ русскаго государства и тоже имѣющихъ право на заботу объ ихъ благосостояніи.

Болѣе близкое ознакомленіе центральной власти съ такъ называемымъ киргизкимъ адатомъ, возведеннымъ въ законъ для всѣхъ ордъ—Внутренней (Золотой) Большой, Средней, Малой, Черной и Дикокаменной, дало бы возможность увидѣть, что при измѣнившихся условіяхъ жизни и извѣстной степени цивилизаціи, уже проникшей въ среду кочеваго населенія, «адатъ» во многихъ случаяхъ является аномаліей, а иногда развращаетъ и приводитъ только къ разоренію; на это обстоятельство необходимо указать, такъ какъ въ послѣднее время адатъ, подъ вліяніемъ мусульманства, теряетъ свой характеръ народнаго обычая, и, какъ всегда бываетъ, воспринимаетъ воззрѣнія и взгляды писаннаго закона, въ данномъ случаѣ шаріата, постепенно уступая ему мѣсто; послѣднее обстоятельство болѣе всего содѣйствуетъ укрѣпленію ислама въ народныхъ массахъ, что, конечно не въ интересахъ правительства, а потому теорія «laissez faire laisez aller», по отношенію къ такъ называемому народному обычаю (адату), едва ли въ настоящее время удобна. Не касаясь многихъ его сторонъ, я, въ этомъ очеркѣ остановлюсь на одномъ самомъ крупномъ явленіи, около котораго вращаются всѣ интересы киргиза, опутаннаго имъ съ ногъ до головы,—это вопросъ о калымѣ, т. е. выкупѣ

*) Настоящій очеркъ печатался до безпорядковъ въ Ферганѣ, но послѣ нихъ не можетъ быть сомнѣнія въ необходимости болѣе прямого и кратчайшаго соединенія Европейской Россіи съ Туркестаномъ.

за невѣсту. Калымъ въ настоящее время, при разложеніи патріархальнаго образа жизни, принялъ форму спекуляціи и сталъ орудіемъ рабства женщины*); а такъ какъ, по дѣйствующему положенію, только въ случаѣ насильственной смерти допускается вмѣшательство русской власти, то киргизская женщина отъ рожденія до могилы не только раба, но домашнее животное, котораго нельзя только убить; она составляетъ предметъ самого безтыднаго и позорнаго для глазъ европейца торга, вызывающаго безконечныя ссоры, тяжбы, баранты и кляузы. Внося за собою развратъ въ семью, этотъ порядокъ вещей разстраиваетъ экономическій бытъ киргизъ, порождая вѣчное колебаніе и неустойчивость состояній и, наконецъ, болѣе всего способствуетъ развитію многоженства, парализующаго производительность половъ. Косвеннымъ образомъ, онъ содѣйствуетъ тоже распространенію мусульманства, которое вполнѣ узаконяетъ рабскую зависимость женщины отъ мужчины, безсловесной рабой котораго она родится, прозябаетъ и умираетъ, не внося въ семью и общество ничего, кромѣ интересовъ замкнутой гаремной жизни, ничего не можетъ быть мертвѣе и скучнѣе общественнаго времяпрепровожденія мусульманина, у котораго отнято право пользоваться обществомъ женщины вносящей оживленіе и разнообразіе въ жизнь всякаго общества; этимъ, можетъ быть, объясняется отсутствіе художественнаго вкуса и развитіе противоестественныхъ пороковъ въ мусульманскомъ обществѣ. При существованіи такого института, какъ калымъ, и при развивающейся мусульманской пропагандѣ, киргизская женщина, пока еще не чуждающаяся мужскаго общества, вскорѣ запрется мужчиной и будетъ пря-

*) Средняя Азія, Сборникъ 1896 г., О калымѣ, Аничкова. Средн. Аз. Вѣстникъ 1896 г. Полож. кирг. женщ., Шкапскаго.

таться подъ покрывало, если русскій законъ не вырветъ ее изъ цѣпей калыма и освящающаго его шаріата. Большимъ прогрессомъ было бы востановленіе ст. 203 проекта полож. объ упр. Турк. краемъ 1867 г., по которой начальники уѣздовъ имѣли право выдавать открытые виды на проживаніе киргизскамъ, не пожелавшимъ выйти замужъ по адату; къ этому женщины и дѣвицы прибѣгали въ широкихъ размѣрахъ, пользуясь такимъ правомъ, предоставленнымъ въ 1867 году уѣзднымъ начальникамъ и отнятымъ у нихъ въ 1887 году, въ ущербъ положенію женщинъ, привыкшихъ видѣть въ лицѣ русскаго начальника единственный выходъ изъ своего невозможнаго положенія; возстановленіе дѣйствія этого закона, безусловное воспрещеніе мужьямъ вынуждать женъ закрываться, особенно въ случаяхъ смѣшанныхъ браковъ, а также предоставленіе женщинѣ права, когда она пожелаетъ, обращаться въ брачныхъ дѣлахъ къ русскому суду, внесло бы лучь свѣта въ эту тьму и было бы лучшимъ средствомъ культурной борьбы съ невѣжествомъ и мусульманской точкой зрѣнія на женщину; безъ устраненія этого господства мужчинъ надъ женщиной, никакія школы и другія мѣропріятія не внесутъ цивилизаціи въ киргизскія степи.

Разумѣется, были бы замѣчены слабыя стороны положенія объ управл. Туркестанскимъ краемъ 1887 года, распространеннымъ въ 1893 году и на Тургайскую область, въ примѣненіи къ киргизскому быту. Прежнее родовое дѣленіе и управленіе ордою замѣнено уже около 30 лѣтъ тому назадъ административнымъ дѣленіемъ, въ основаніе котораго легла выборная система лицъ туземной администраціи. Главная цѣль этой организаціи была уничтожить родовое начало, которое считалось опаснымъ съ политической точки зрѣнія. Результаты вышли, однако, довольно печальные. Родового

начала разбить не удалось, оно выдержало довольно стойко предпринятую противъ него компанію, но за то введеніе въ жизнь народа, живущаго до сихъ поръ въ родовомъ бытѣ, выборной системы, отразилось очень печально на его общественной нравственности*). Самой лучшей характеристикой результатовъ выборной системы у такого некультурнаго народа, является то, что мѣстныя судебныя учрежденія завалены дѣлами о взысканіяхъ по кредиту, періодически открываемому татарами и сартами передъ выборами, такъ какъ киргизъ, желающій быть выбраннымъ на должность, напримѣръ, волостнаго управителя на три года, долженъ затратить единовременно отъ 2 до 5 тысячъ рублей,—эти деньги, конечно, онъ надѣется вернуть себѣ сторицей; затѣмъ администрація и суды вѣчно заняты безконечными дѣлами о подкупкѣ избирателей (пятидесятниковъ), лжедоносахъ, интригахъ, дутыхъ грабежахъ и часто убійствахъ изъ-за выборовъ. Создался даже у киргизъ особый типъ „аткамнаровъ"**), людей, занимающихся спеціально выборной агитаціей, живущихъ на счетъ разныхъ претендентовъ на должность управителей и біевъ, создавшихъ себѣ изъ выборовъ особое ремесло—проводить однихъ и проваливать другихъ, когда страсти у разныхъ партій разгораются до такой степени, что дѣло доходитъ иногда до настоящаго побоища. До и послѣ каждыхъ выборовъ высшія власти завалены прошеніями, жалобами, кляузами, доносами и телеграммами

*) Интересующійся этимъ вопросомъ можетъ познакомиться съ нимъ въ брошюрѣ, изданной товариществомъ „Общественная польза", СПБ. 1891 г. „Итоги нашего 27-лѣтнаго управленія Туркестанскимъ краемъ". Ю. Южакова. Съ нѣкоторыми выводами автора трудно согласиться, но фактическая сторона совершенно вѣрна и даетъ ясную картину того, какъ отразилась на киргизахъ наша система управленія, перенесенная изъ русскаго быта въ среду кочевого населенія.

**) Буквальный переводъ слова „аткамнаръ"—сядетъ на лошадь, такъ какъ эти господа вѣчно снуютъ верхомъ по базарамъ, ауламъ и сборищамъ, разжигая страсти и апетиты; многіе изъ нихъ этимъ только и кормятся. (Газ. „Окраина" 1894 годъ)

разныхъ алчныхъ и честолюбивыхъ проходимцевъ, изъ числа кандидатовъ на выборный пирогъ. Всѣ эти происки, подкупы и интриги очень развратили киргизскую массу, среди которой создались даже пѣсни о продажности ихъ туземныхъ заправилъ, волостныхъ и біевъ; на рукахъ первыхъ лежитъ масса обязанностей и отвѣтственныхъ должностей: наблюденіе за народнымъ судомъ, которымъ рѣшаются дѣла на какую угодно сумму между туземцами одной національности и имѣющимъ право заключать въ тюрьму на полтора года, приведеніе въ исполненіе рѣшеній и приговоровъ біевъ, раскладки и сборъ податей, дорожная повинность, розыскъ и надзоръ за преступниками, наблюденіе за оспопрививаніемъ и пр., словомъ, вся полиція благосостоянія и безопасности въ степи находится въ рукахъ лицъ туземной администраціи, которая, благодаря такой разносторонней дѣятельности, имѣетъ массу источниковъ дохода,—ими она и покрываетъ произведенныя при выборахъ затраты. Вслѣдствіе этого всѣ эти біи, управители, аксакалы и пр. низведены до положенія прикащиковъ, не имѣющихъ хорошаго вліянія на населеніе и не пользующихся никакимъ авторитетомъ въ глазахъ ихъ непосредственнаго начальства. Продажность, угодливость, алчность и испорченность всѣхъ этихъ туземныхъ заправилъ сдѣлалась общимъ мѣстомъ и тщетно борется съ нею администрація и суды. Вообще это избраніе туземцевъ не удовлетворяетъ ни населенія, ни власти, потому что, завися вполнѣ отъ своихъ избирателей, 2—3 десятковъ человѣкъ, избираемыхъ по одному отъ 50 юртовладѣльцевъ, эти лица не могутъ ни содѣйствовать администраціи, ни быть истинными представителями своего народа, интересы котораго ввѣрены ихъ попеченію; это видно изъ того, что всѣ туземныя власти совершенно безсильны, напр., въ такомъ бичѣ

степной жизни, какъ конокрадство и угонъ скота,—имъ приходится даже быть по неволѣ укрывателями воровъ и грабителей; затѣмъ сплошь и рядомъ бываетъ, что они растрачиваютъ собранные ими съ населенія податныя деньги ими же на собственныя и своихъ вліятельныхъ родственниковъ потребности, или же на выборы, такъ что послѣ съ населенія приходится сбирать подать вторично, объ излишнихъ поборахъ нечего уже и говорить. Въ концѣ концовъ эта система не встрѣчаетъ сочувствія ни на верху, ни внизу, такъ какъ начальство, благодаря такому подбору служащихъ ничего не можетъ предпринять; довѣрить какое-нибудь дѣло рѣшительно никому изъ туземцевъ нельзя, въ результатѣ всегда будетъ растрата, или присвоеніе, или лихоимство или подлогъ; а населеніе, котораго интересы они должны соблюдать, обирается и обманывается ими самымъ беззастѣнчивымъ образомъ; въ результатѣ система эта, развратившая киргизъ до невозможности, не встрѣчаетъ ни въ комъ сочувствія и положительно всѣми была бы встрѣчена съ радостью замѣна выборныхъ лицъ назначенными, а народнаго суда*)—русскимъ судомъ; выигрываютъ отъ этого только одни татары и сарты, потому что, во время выборовъ ссужаютъ разнымъ «претендантамъ» деньги подъ огромные проценты; долгъ послѣ раскладывается на всю родню должника, такъ какъ киргизъ всегда выступаетъ, имѣя за собою родственниковъ до нѣсколкихъ колѣнъ, которые его на выборахъ поддерживаютъ, а если ему удается попасть на службу, эксплуатируютъ и безнаказанно обкрадываютъ враждебную партію, оставшуюся не у дѣлъ. Такъ какъ русской власти въ степи приходится еще проводить нѣкоторую политику и разныя мѣропріятія, которыя идутъ

---

*) Народный судъ является въ большинствѣ орудіемъ партійныхъ борьбы и счетовъ; передъ родовитыми заправилами онъ не имѣетъ самостоятельности.

въ разрѣзъ съ обычаями и взглядами населенія, какъ напр. оспопрививаніе, образованіе, борьба съ эпидеміями, съ конокрадствомъ, съ мусульманской пропагандой и пр., то, не имѣя подъ руками вліятельныхъ исполнителей изъ туземцевъ, она совершенно безсильна, и никакія самыя благодѣтельныя мѣры не могутъ быть проведены въ жизнь при такомъ порядкѣ вещей. Словомъ у русской власти нѣтъ преданныхъ людей, у населенія честныхъ представителей.

Ближе ознакомившись съ экономическимъ бытомъ киргизъ, можно было бы урегулирорать способъ и время взиманія податей съ имущественнымъ положеніемъ кочевника; настоящій порядокъ представляетъ только благодарную почву для постоянныхъ растратъ и излишнихъ поборовъ, не всегда согласуясь съ платежными силами населенія. Явилась бы возможность и средство обратить вниманіе на двѣ главныя отрасли мѣстнаго народнаго хозяйства, а именно на скотоводство,—устройствомъ запасовъ корма, страхованіемъ скота, организацiей ветеринарнаго надзора, развитіемъ коневодства, которому безконечныя степныя пространства этого края могли бы послужить огромною площадью для разведенія казенныхъ табуновъ, для ремонта арміи и сбыта въ Европейскую Россію, въ случаяхъ падежа, какъ это было въ голодный 1891 годъ; на земледѣліе—развитіемъ системы орошенія, а также изученіемъ зарождающейся у киргизъ формы владѣнія землей, въ связи съ искусственной системой орошенія, чтобы современемъ, когда урегулированіе земельныхъ отношеній явится необходимымъ, не впасть въ какую нибудь непоправимую со временемъ ошибку. Обращено было бы вниманіе на обработку сырыхъ продуктовъ, напр. шкуръ, шерсти и пр., устройствомъ кожевенныхъ заводовъ и проч.*). Организована бы-

*) Хотя бы по примѣру устройства въ г. Иргизѣ образцоваго гончарнаго производства, при содѣйствіи тург. администраціи.

ла бы, по всей вѣроятности, медицинская помощь и санитарный надзоръ, котораго на разстояніи 2000 верстъ почти не существуетъ, больницъ нѣтъ, врачей 1—2 на уѣздъ, между тѣмъ, среди населенія, постоянно свирѣпствуютъ разныя эпидемическія и заразительныя болѣзни, уносящія въ могилу массу людей, особенно дѣтей, киргизы весьма охотно обращаются къ медицинской помощи, но ее такъ мало и средства ея такъ ограничены, что сдѣлать для народнаго здравія ничего нельзя. Явилась бы возможность поставить на надлежащую высоту народное образованіе, во-первыхъ, какъ единственный способъ борьбы съ мусульманствомъ, а во-вторыхъ, чтобы дать возможность киргизамъ и киргизкамъ получать дальнѣйшее образованіе, способствуя этимъ созданію киргизской интеллигенціи; лучшимъ средствомъ для этого было бы устройство въ центрѣ учительской семинаріи и хотя бы женской прогимназіи съ интернатомъ для киргизскихъ дѣвочекъ*); по примѣру почтенной дѣятельности на этомъ поприщѣ тургайской администраціи и учебнаго вѣдомства, благодаря которымъ мы видимъ многихъ уроженцевъ изъ киргизъ Тургайской области, получившихъ высшее образованіе и работающихъ на разныхъ поприщахъ. Можетъ быть, явилась бы возможность при-

*) Дѣло въ томъ, что киргизская женщина, несмотря на все свое подчиненное положеніе, все-таки стоитъ въ аулѣ во главѣ хозяйства, такъ какъ мужчины въ степи ничего ни дѣлаютъ и часто бываютъ въ отсутствіи, а байбишэ (старшая жена) остается во главѣ аула; когда нѣтъ хозяина, она самостоятельно перекочавываетъ, распоряжается скотомъ и пастухами, принимаетъ гостей и пр.; кромѣ того, киргизы чужды фанатизма, всегда au courant того, что происходитъ въ степи, часто даже случается, что жены вліятельныхъ киргизъ, если обладаютъ силой воли, дѣлаются настоящими главарями, напр. Курбанъ-Датха у алайскихъ киргизъ, такъ называемая алайская царица, которая передалась со своими киргизами генералу Скобелеву послѣ завоеванія Ферганы въ 1875—76 г.г. Вслѣдствіе этого киргизки неизмѣримо умнѣе, развитѣе, любознательнѣе и энергичнѣе другихъ мусульманскихъ женщинъ, напр. татарокъ, а тѣмъ болѣе сартянокъ, и вполнѣ способны къ развитію и образованію, чѣмъ и заслуживаютъ право, чтобы на нихъ было обращено вниманіе и дана возможность отвоевать себѣ тоже положеніе въ обществѣ, какимъ пользуются европейскія женщины; достигнуть этого можно только путемъ образованія, въ которомъ никому не должно быть отказано.

влечь киргизъ къ отбыванію воинской повинности, хотя бы въ казачьихъ войскахъ, и это тоже послужило бы къ сближенію ихъ съ русскими, или же на подобіе сформированнаго въ Закаспійской области туркменскаго дивизіона. Нашлись бы, конечно, средства и способы вести борьбу съ такимъ бичемъ, какъ саранча, гнѣздящаяся въ сыръ-дарьинскихъ камышахъ и поѣдающая ежегодно массу хлѣбовъ; уѣздныя средства для этого слишкомъ недостаточны, а потому безсильны. Судъ находясь въ центрѣ, сталъ бы ближе къ населенію и этимъ содѣйствовалъ бы развитію и распространенію среди киргизъ нашихъ правовыхъ понятій; въ настоящее время суды высшей инстанціи находятся въ Оренбургѣ и Ташкентѣ,—на разстояніи 2000 верстъ одинъ отъ другаго, между тѣмъ, киргизы всегда охотно и съ довѣріемъ обращаются въ русскій судъ. Рыбное дѣло, разбросанное по берегамъ Аральскаго моря, по устьямъ Сыра и Аму-Дарьи, требуетъ, какъ въ интересахъ казны такъ и потребителей, объединенія, не только въ смыслѣ надзора за нимъ, но и правильной организаціи, чтобы сохранить рыбныя богатства Аральскаго бассейна и бороться съ ихъ хищнической эксплуатаціей.

Наконецъ, масса вопросовъ имѣющихъ чисто мѣстное значеніе, но очень важныхъ для населенія, получали бы скорое и своевременное разрѣшеніе, сообразно съ мѣстными потребностями и условіями. Останавливаться на нихъ незачѣмъ, потому что и сказаннаго, мнѣ кажется, должно быть достаточно. Необходимо обратить вниманіе еще на одну задачу, начало которой уже положено въ Оренбургской и Тобольской епархіяхъ: это проповѣдь христіанства въ Киргизской степи; для этого нужны, во-первыхъ, средства, а во вторыхъ, глубокое изученіе духовнаго склада киргиза, для развѣнчанія въ его глазахъ ислама; задача эта очень

трудная и щекотливая, особенно въ виду того, что русская власть до сихъ поръ воздерживалась отъ иниціативы въ этомъ дѣлѣ; между тѣмъ, это хотя трудный и медленный, но наиболѣе вѣрный путь къ пріобщенію киргизъ къ цивилизаціи. Для достиженія какихъ-либо результатовъ въ этомъ направленіи, нужны миссіонерскія школы и подготовка преданныхъ дѣлу людей, опирающихся не на принудительную, а на нравственную силу; организація и успѣшное выполненіе этого дѣла могутъ быть созданы только на мѣстѣ, въ самомъ сердцѣ степи, куда бы и направлялась дѣятельность миссіонеровъ въ видѣ проповѣди, помощи нуждающимся, распространенія популярныхъ книгъ и собесѣдованій съ мѣстными муллами. Такое дѣло нуждается, конечно, въ сочувствіи достаточно компетентной и авторитетной мѣстной власти, которая и заботилась бы о благосостояніи новообращенныхъ. Однимъ изъ путей распространенія христіанства среди киргизъ было бы разрѣшеніе выхода киргизкамъ замужъ за русскаго, безъ перемѣны вѣры, съ обязательствомъ, конечно, воспитывать дѣтей въ христіанствѣ; вопросъ этотъ уже былъ въ предположеніи еще при незабвенной памяти для всякаго туркестанца генералъ-губернаторѣ Кауфманѣ, но движенія къ сожалѣнію не получилъ; христіанство чрезъ женщинъ проникло бы скорѣе и успѣшнѣе, особенно, если бы оно принесло съ собою свободу и независимость прозелиткамъ.

Всѣмъ сказаннымъ, конечно, далеко не исчерпываются всѣ запросы жизни въ этой части киргизской степи, вызывающіе необходимость имѣть здѣсь отдѣльный административный органъ, обладающій достаточнымъ авторитетомъ и средствами, чтобы способствовать развитію края и благосостоянію его населенія, въ

чемъ совершенно безсильны и часто безпомощны уѣздныя власти.

Между тѣмъ Туркестанскій край такъ быстро развивается и требуетъ столько заботъ и вниманія со стороны центральной администраціи, что нѣтъ возможности управленію краемъ отдаваться всецѣло интересамъ совершенно изолированнаго и обособленнаго сѣверн. Туркестана, отдѣленнаго отъ центра огромными разстояніями и составляющаго по своему рельефу, этнографическому составу, историческому прошлому и экономическимъ задачамъ отдѣльный міръ и для этого отвлекается отъ болѣе важныхъ вопросовъ, которые сосредоточены на югѣ. Довольно назвать главнѣйшіе изъ нихъ, чтобы убѣдиться въ трудности управлять огромными Казалинскимъ и Перовскимъ уѣздами изъ Ташкента, а именно: памирскій, ирригаціонной, переселенческій, хлопковый, поземельно-податной, таможенный, связывающій южный Туркестанъ съ Закаспійскою областью и Бухарскимъ ханствомъ.

Мнѣ кажется, что и управленіе Иргизскимъ и Тургайскимъ уѣздами изъ Оренбурга едва ли можетъ представлять удобства, тѣмъ болѣе, что Иргизскій уѣздъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, но, раскинутый на огромномъ разстояніи, требуетъ особеннаго вниманія и заботъ, а отдаленность его отъ центра дала себя знать въ голодный 1892 годъ.

Все сказанное даетъ право, прійти къ тому заключенію, что для благосостоянія населенія приаральской степи, управленіе его должно быть объединено съ культурнымъ центромъ по серединѣ, потому что существованіе области безъ города, гдѣ сосредоточивается умственная жизнь извѣстнаго уголка, не можетъ быть названо нормальнымъ. При расширеніи этой программы, къ этой степной области могъ бы примкнуть и Аму-

Дарьинскій отдѣлъ, если не имѣется въ виду покончить съ Хивинскимъ ханствомъ, съ полнымъ умиротвореніемъ котораго и завоеваніемъ Туркменіи, военное значеніе Аму-Дарьинской линіи прекратилось; между тѣмъ по историческому и географическому положенію, отдѣлъ болѣе тяготѣетъ къ Аральстому морю, чѣмъ къ Ташкенту и Самарканду; если бы осуществилось предположеніе объ устройствѣ каторжныхъ колоній на островахъ Аральскаго моря, Николаѣ и Барсакельмесѣ, какъ объ этомъ писали въ туркестанскомъ оффиціальномъ органѣ, то съ устройствомъ для этой цѣли параходнаго движенія по морю, со временемъ и Эмбенскій, нынѣ Темирскій уѣздъ, прилегающій къ его западному берегу, могъ бы быть тоже присоединенъ къ этой обширной степной области, расположенной вокругъ Аральскаго моря, съ центромъ въ г. Казалинскѣ, имѣющемъ всѣ задатки, благодаря положенію на Сыръ-Дарьѣ, на которой онъ стоитъ, сдѣлаться значительнымъ городомъ.

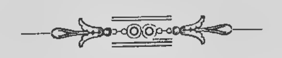
Утомивъ вниманіе читателя знакомствомъ съ этимъ захолустьемъ, бывшимъ прежде оживленнымъ форпостомъ Россіи въ Средней Азіи, гдѣ оставили слѣды своей дѣятельности такіе люди какъ Обручёвъ, Перовскій, Бутаковъ, Черняевъ, Шевченко и Сѣверцовъ, я позволилъ себѣ назвать этотъ очеркъ «забытымъ краемъ», такъ какъ во всѣхъ концахъ Россіи кипитъ жизнь, начиная съ Амура до Омска, куда уже проникла желѣзная дорога, обращено даже вниманіе на Мурманъ и Усть-Уртъ, а эта окраина, вовсе не такая бѣдная и безплодная, какъ это принято считать, при почти милліонномъ населеніи, откуда Россія, построивъ рядъ фортовъ, стала твердою ногою на Сыръ-Дарьѣ и Аральскомъ морѣ и нанесла первые удары Хивѣ и Коканду, находится въ полномъ упадкѣ и незаслуженномъ забвеніи;

между тѣмъ какъ и здѣсь есть надъ чѣмъ поработать, была бы только охота и возможность.

Цѣль настоящаго очерка возбудить интересъ къ киргизской степи, который нѣсколько ослабъ, послѣ нашихъ послѣднихъ успѣховъ въ Средней Азіи, и обратить вниманіе правящихъ сферъ и общества на этотъ край, гдѣ столько силъ положили русскіе солдатъ и казакъ, въ роляхъ воина, земледѣльца, рыболова и промышленника, закрѣпивъ за Россіей степи, занятые кочевьями киргизъ Средней и Малой орды, бытъ которой, предоставленный, почти на произволъ судьбы, можетъ дойти до полнаго упадка послѣ чего, разумѣется, трудно будетъ его поднятъ; это конечно, не можетъ, входить въ намѣренія правительства, тѣмъ болѣе, что весьма симпатичный и мирный киргизскій народъ, отдавшійся подъ верховенство Россіи, ничемъ не заслужилъ такого забвенія о своей судьбѣ, разбросившей его въ безотрадныя и безграничныя степи Арало-Каспійской низменности.

Будемъ надѣяться, что новое царствованіе завершитъ мирнымъ путемъ начатое при императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II дѣло военнаго занятія приаральской степи и принесетъ ся туземному населенію счастье быть вырваннымъ изъ мрака азіатскаго варварства и пріобщеннымъ къ европейской цивилизаціи, а стало быть и къ русской жизни.

Сборн. мат. для стат. Сыръ-Дар. обл. Т. V 1896 г.

Печальныя явленія на Сыръ-Дарьинскихъ переправахъ.

Въ мѣстномъ обозрѣніи Ноябрьской книжки «Средне-Азіатскаго Вѣстника» затронутъ весьма важный вопросъ о переправахъ на Сыръ-Дарьѣ. Вопросъ этотъ хорошо знакомъ пишущему эти строки, если не со стороны экономической, то съ бытовой, такъ какъ въ теченіи четырехлѣтней судебной дѣятельности на Сыръ-Дарьѣ, приходилось сталкиваться съ нѣкоторыми явленіями, прямо указывающими на ненормальность принятаго порядка пользованія переправами, вызывающаго временами явный протестъ со стороны киргизъ.

Оговариваюсь, что буду говорить о Казалинскомъ уѣздѣ, но думаю, что въ Перовскомъ, Чимкентскомъ уѣздахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ киргизамъ приходится перебираться со скотомъ съ одного берега Дарьи на другой, положеніе вещей одинаковое.

Вопросъ объ экономическомъ вліяніи казенной эксплоатаціи переправъ, путемъ сдачи ихъ въ аренду достаточно разработанъ авторомъ «обозрѣнія», а потому

прибавлять къ нарисованной имъ тяжелой картинѣ почти нечего. Можно, однако, замѣтить, что въ Казалинскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарья становится въ ноябрѣ и вскрывается въ февралѣ; стало быть киргизы, перегоняющіе скотъ изъ Кара-Кумовъ въ Кизилъ-Кумы должны переправляться чрезъ нее со скотомъ въ теченіи ноября, декабря, января и февраля, дабы имѣть возможность перейти рѣку безплатно по льду. Между тѣмъ, это время въ Кара-Кумахъ и Тургайскихъ степяхъ самое опасное, вслѣдствіе свирѣпствующихъ булановъ, стужи и иногда гололедицы; въ Кизилъ-Кумахъ-же, февраль и мартъ вполнѣ благопріятны для скотоводства: повсюду есть снѣговая или дождевая вода, трава только что начинаетъ оживать и для скота наступаетъ возможность быстро оправиться отъ зимней голодовки. Зимованіе въ Кара-Кумахъ до ранней весны имѣетъ еще ту дурную сторону, что скотомъ выѣдается и вытаптывается много корму, такъ что при ранней перекочевкѣ туда же на лѣтовку, трава, сильно объѣденная, не вызрѣваетъ и не имѣетъ возможности своевременно подняться и дать достаточно питательный кормъ для истощеннаго зимованіемъ скота. Такимъ образомъ, происходитъ постепенно истощеніе кормовыхъ запасовъ въ Кара-Кумахъ, на что давно жалуются киргизы, вынужденные чуть не круглый годъ оставаться въ этой степи, искони предназначенной лишь для лѣтовокъ и играющей весьма важную роль въ скотоводствѣ сѣвернаго Туркестана. Послѣдствіемъ позднихъ перекочевокъ является то, что киргизы не могутъ воспользоваться весенними всходами травъ въ Кизилъ-Кумахъ, а также зарослями саксаула и площадями камыша и куги по Кувану и Яны-Дарьямъ, служащими лучшимъ прикрытіемъ скота, отъ зимняго холода въ пескахъ. Въ концѣ-концовъ нарушается то равновѣсіе въ пользованіи Кизилъ-Кумами для

зимованія, а Кара-Кумами для лѣтованія, которое издавна установилось у киргизъ-скотоводовъ. Благодаря существующему порядку создаются, такимъ образомъ, для кочевниковъ самыя неблагопріятныя условія, въ силу которыхъ истощаются кормовыя средства кара-кумскихъ песковъ и отнимается возможность извлекать достаточную пользу изъ кизиль-кумской пустыни.

Въ настоящей замѣткѣ мнѣ хотѣлось, кромѣ того указать на тѣ послѣдствія, которыя этотъ порядокъ вещей вызываетъ въ бытовомъ отношеніи, изобразивъ нѣсколько случаевъ, сохранившихся въ моей памяти.

Въ Казалинскомъ уѣздѣ имѣется около 18 переправъ, у которыхъ, при перекочевкахъ, скучивается масса киргизъ со скотомъ, не считая проѣзжающихъ верховыхъ, а также кошей и каравановъ торговцевъ. Послѣдніе, какъ болѣе аккуратные плательщики, имѣютъ конечно преимущество, а потому несчастные кочевники бываютъ вынуждены стоять со скотомъ и ждать очереди на совершенно выѣденномъ берегу рѣки, гдѣ все, что можно съѣсть и обглодать, уничтожено скотомъ. Представьте себѣ душевное состояніе киргиза - хозяина табуна и его женской половины, еще болѣе чувствительной къ судьбѣ своихъ питомцевъ, поставленныхъ въ необходимость равнодушно слушать ревъ верблюдовъ, ржаніе лошадей и блеяніе голодныхъ барановъ; терпѣть все это, въ ожиданіи перспективы промучиться надъ загономъ ихъ въ утлые, полугнилые и тѣсные каюки и досчаники паромщика, являющагося для хозяина скота въ эту минуту личнымъ врагомъ. Какое озлобленіе вызываетъ въ душѣ кочевника этотъ порядокъ и какъ невольно онъ вспоминаетъ о томъ привольномъ времени, когда еще не было «уруса» и онъ свободно переправлялся когда и гдѣ хотѣлъ, имѣя свои лодки, или отдѣлываясь какимъ нибудь бараномъ, а то

и халатомъ, въ уплату за услугу постороннихъ киргизъ (родовичей, конечно, перевозили даромъ). Ничего нѣтъ несноснѣе для киргизъ, у которыхъ на самомъ дѣлѣ иногда не бываетъ въ карманѣ денегъ, особенно во время сбора податей, какъ расплачиваться денежными знаками. Конечно, паромщики и другіе агенты арендатора переправъ иногда замѣняютъ денежную плату скотомъ; но въ этомъ случаѣ интересы киргиза все-таки страдаютъ, такъ какъ онъ волей-неволей долженъ переплачивать, изъ боязни задержки при переправѣ черезъ рѣку. Установленная и утвержденная контрактомъ такса остается почти всегда мертвою буквой. Подобнаго рода неудобства, сопряженныя съ несвоевременной перекочевкой, недостаткомъ и неустройствомъ перевозочныхъ средствъ, обременительной для кочевника таксой, и вызываютъ тѣ безобразныя явленія, которыя по словамъ автора обозрѣнія, «топятъ и калѣчатъ скотъ» и вслѣдствіе которыхъ «нерѣдки рукопашныя схватки». Къ сожалѣнію, послѣднее явленіе сдѣлалось обычнымъ на переправахъ; на нѣкоторыхъ фактахъ этого рода мнѣ и хотѣлось-бы остановиться.

Въ Казалинскомъ уѣздѣ—у судьи и слѣдователя существуетъ особой разрядъ дѣлъ, соединенныхъ съ безпорядками на переправахъ; они выражаются въ дракахъ, барантахъ, насиліяхъ надъ перевозчиками и даже убійствахъ. Нѣсколько случаевъ я приведу здѣсь; изъ нихъ болѣе всего меня поразилъ и остался въ памяти, фактъ убійства одного перевозчика-уральца въ 1894 году лѣтомъ, на переправѣ Иляныды, верстахъ въ 30-ти отъ города.

Помню, кромѣ того, обвиненіе въ разбоѣ одного киргиза Джамансырской волости, кажется, по имени Данбая Буркутова, кочевавшаго недалеко отъ почтовой станціи Ильчибай. Онъ обвинялся какимъ-то сар-

томъ, котораго держалъ нѣсколько времени у себя въ аулѣ въ конскихъ путахъ, намѣреваясь обрѣзать ему носъ и уши, какъ послѣ выяснилось, за любовныя похожденія. Во время производства по этому дѣлу слѣдствія, случайно обнаружилось, что Буркутовъ занимается тайнымъ перевозомъ, имѣя на Дарьѣ лодку; паромщики подрядчика однажды отправились къ нему въ аулъ, требуя выдачи лодки и установленной платы; это обстоятельство и послужило исходнымъ фактомъ, повлекшимъ за собою обвиненіе Буркутова въ разбоѣ, такъ какъ онъ произвелъ насиліе надъ пріѣхавшими въ аулъ паромщиками, заставшими тамъ скованнаго сарта; очевидно хозяину лодки не хотѣлось уступать своему конкурренту. На той-же переправѣ Цурликъ*), было произведено нападеніе на перевозчиковъ, уральца и киргизъ, которые угнали изъ табуна переправлявшихся нѣсколько лошадей, въ возмѣщеніе платы за перевозъ; драка обратилась въ грабежъ, потому что у уральца при этомъ исчезло, будто бы 200 руб., разнесли балаганъ уральца и джуламейку киргизъ, ихъ всѣхъ избили, отогнали лошадей и, переправившись безвозмездно, удрали; дѣло тянулось долго, потому что въ него была замѣшена масса людей, которыхъ очень трудно было розыскать; это было настоящее побоище.

На слѣдующій годъ, переѣзжавшіе черезъ переправу Альсеитъ киргизы избили перевозчика мѣщанина Нечькина; около этой переправы, на лѣвомъ берегу, расположены аулы и распашки киргизъ Костамской волости, которые болѣе не кочуютъ, а потому населеніе въ этомъ мѣстѣ довольно скученное и черезъ Альсеитъ проходитъ большая косъ-аральская дорога. Жал-

---

*) Переправа Цурликъ, около поч. тракта весьма бойкое мѣсто, потому что черезъ нее переправляются коши перекочевывающихъ изъ южныхъ Кара-Кумовъ на Куванъ богатыхъ чумекейскихъ киргизъ.

кій досчаникъ, послужившій причиной ссоры и который я хорошо помню, имѣлъ течь, а потому безусловно не удовлетворялъ своему назначенію. Эти случаи достаточно характеризуютъ положеніе вещей на переправахъ.

Наиболѣе характернымъ является, однако упомянутое въ началѣ моего перечня дѣло объ убійствѣ на переправѣ Илянды уральца-перевозчика Сармина, про котораго уральца говорили, что это былъ замѣчательный пловецъ и богатырь; съ ними могли справиться только нѣсколько человѣкъ. Дѣло въ томъ, что переправа Илянды расположена ниже Казалинска, по рѣчному пути, на Косъ-Аралъ, не доѣзжая Раима и какъ всѣ переправы въ этой сторонѣ, можетъ считаться довольно бойкимъ мѣстомъ; выше и ниже есть рыбные садки, по обоимъ берегамъ тянутся насажденія и много ауловъ киргизъ отдѣленій Айдарбекъ и Джакаимъ, поколѣнія Чикты (рода Алимъ), Чебендинской и Раимской волостей. Прежній арендаторъ, купецъ Степановъ, почему то не держалъ здѣсь переправы, хотя Илянды, включены въ контрактъ; когда-же аренда переправъ перешла къ сарту Арифъ-Ходжѣ, то согласно контракту съ казной, здѣсь была установлена переправа, на которой и служилъ уралецъ Сарминъ съ сыномъ.

Около самой переправы строилась довольно большая мечеть, мударрисомъ одной изъ Бухарскихъ мечетей, изъ киргизъ же отд. Айдарбекъ, Чебендинской вол. Въ годъ убійства онъ пріѣхалъ нарочно изъ Бухары, чтобы сдѣлать сборъ и окончить постройку мечети*). Какъ его звали я не помню, но это былъ мо-

*) Это яркій примѣръ того, какимъ путемъ проникаетъ въ степь вліяніе Бухары; этотъ мулла изъ «священной Бухары», мѣстный киргизъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ здѣсь пожертвованія и имѣлъ здѣсь учениковъ и послѣдователей, которые учили дѣтей, строили мечеть и содѣйствовали сбору пожертвованій на сооруженіе ея вблизи Иляндовъ, упрочивъ въ этомъ мѣстѣ мусульманство, среди своихъ сородичей.

лодой еще человѣкъ, довольно симпатичной наружности. Мечеть строилась на лѣвомъ берегу и около нея сгруппированы были аулы ближайшихъ родственниковъ мударриса; здѣсь у нихъ были насажденія, бахчи, распашки и лодки; противъ ихъ ауловъ, на правомъ берегу, нѣсколько выше мечети находился ихъ рыбный садокъ, гдѣ проживалъ рыбачившій съ ними молодой уралецъ съ женой. Сарминъ съ семьей жилъ на лѣвомъ берегу, рядомъ съ мечетью.

Въ одинъ прекрасный день, рано утромъ уралецъ Сарминъ—отецъ отправился выше переправы, по лѣвому берегу, прослѣдить за тайнымъ перевозомъ рыбачившихъ тамъ киргизъ; его будто даже видѣли съ садка, съ другого берега; затѣмъ онъ исчезаетъ и его трупъ съ признаками насильственной смерти находятъ ниже, верстъ за 20 на Ханутку́льской переправѣ. Дальнѣйшихъ перепетій дѣла я описывать не буду; онѣ послужили матеріаломъ для слѣдственнаго производства и подробности уже ускользнули изъ моей памяти. Конечно были произведены обыски, осмотры; подозрѣніе пало, на рыбачившихъ тутъ киргизъ, имѣвшихъ каюки, на которыхъ они тайкомъ перевозили людей и скотъ. Изъ нихъ 4 человѣка были привлечены къ слѣдствію по обвиненію въ убійствѣ и арестованы. Чѣмъ кончилось дѣло, я не знаю, потому что до окончанія дѣла мнѣ пришлось покинуть берега Сыръ-Дарьи. Интересно это дѣло въ томъ отношеніи, что изъ него вполнѣ ясно видно то озлобленіе, которое вызываетъ въ киргизахъ, самомъ смирномъ и благодушномъ народѣ, подобное положеніе вещей. Надо полагать, что уралецъ Сарминъ былъ убитъ въ то время, когда онъ поймалъ каюкъ съ перевозившими киргизами. Вѣроятно онъ затѣялъ съ ними драку, его одолѣли (одинъ изъ предполагаемыхъ убійцъ Кусанъ Чебековъ былъ рѣдкій силачъ),

связали, вѣроятно задушили и затѣмъ спустили въ Дарью. При разслѣдованіи дѣла власти натолкнулись, на признаки нѣкоторой религіозн›й нафантазированности киргизъ, разумѣется не безъ вліянія мударриса и его сторонниковъ. Въ дѣло попали указанія на то, будто около мечети состоялось собраніе вліятельныхъ родственниковъ, заподозрѣнныхъ лицъ, съ обычной «патой», подъ предлогомъ дѣлежа сѣнокосовъ, для того, чтобы выгородить какимъ нибудь образомъ родственниковъ, убившихъ «капира». Мударрисъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ въ Бухару, надо полагать, съ хорошимъ сборомъ....

Если бы въ Туркестанѣ существовали гласные суды, то приведенный случай, разумѣется, обратилъ бы на себя вниманіе общественнаго мнѣнія.

Такимъ образомъ, попытка, быть можетъ лично заинтересованнаго въ выгодахъ перевозки, уральца Сармина, бороться съ тайнымъ способомъ переправы, кончилась для него трагически. Сынъ убитаго разсказывалъ, что окрестные киргизы были крайне недовольны устройствомъ на Иляндахъ переправы и часто имъ угрозили; между прочимъ они разъ хотѣли и его утопить, но онъ былъ спасенъ случайно проходившимъ старикомъ киргизомъ; суевѣрный уралецъ описывалъ, что старикъ уговорившій напавшихъ оставить его какъ изъ земли выросъ и исчезъ, такъ, что онъ не успѣлъ даже узнать, кто онъ.

Повтореніе такихъ случаевъ, при частыхъ дракахъ и схваткахъ, на переправахъ, совершенно неудовлетворяющихъ своему назначенію, едва ли желательно, между тѣмъ оно возможно. Не принося особеннаго дохода казнѣ (какъ сказано въ «обозрѣніи» не болѣе 15—20 тысячъ рублей), этотъ порядокъ гибельно отражается на благосостояніи киргизъ, между тѣмъ они, зани-

маясь перевозкой, могли бы этимъ поддержать свое существованіе—особенно киргизы рыболовы, черныя кибитки которыхъ пестрѣютъ по обоимъ берегамъ рѣки, начиная отъ Казалинска, до Аральскаго моря; бѣдность ихъ производитъ удручающее впечатлѣніе. Такая-же переправа, какъ напр. Каратюбинская, около города Казалинска, гдѣ переправляются караваны изъ Бухары и Хивы, могла бы служить источникомъ дохода для самаго города, при обездоленности послѣдняго эта прибавка къ его бюджету, была бы весьма замѣтна; тоже самое могло бы быть сдѣлано и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходятъ караванные пути, напр. Перовскѣ и Туркестанѣ; но для киргизъ, съ ихъ скотомъ и кошами, необходимо предоставить право безвозмездно переправляться, гдѣ имъ угодно. За содержаніе лодки можно было-бы взимать небольшой сборъ въ пользу земскихъ суммъ края.

Принятый же порядокъ аренды переправъ крайне обременителенъ для населенія и на него вполнѣ своевременно и справедливо указало мѣстное обозрѣніе уважаемаго журнала; необходимо какъ можно скорѣе подумать и избавить киргизъ отъ такого тяжелаго и несправедливаго налога.

«Окраина» № 5, 1897 года.

L лѣтъ.

(1847—1897).

30 Іюня 1897 года, исполнилось ровно 50 лѣтъ съ того времени, какъ Оренбургскій военный губернаторъ и командиръ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, генералъ отъ инфантеріи Обручевъ занялъ на берегу Сыра возвышенность Раимъ и построилъ на ней фортъ, переименованный впослѣдствіи въ Аральское укрѣпленіе и затѣмъ упраздненный въ 1855 году. По всей вѣроятности, немного очевидцевъ этого событія осталось въ живыхъ, почти не осталось и слѣдовъ перваго русскаго укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ.

Занятіе Раима произошло безъ боя, но 21 Августа 1847 г. было дѣло подъ Джанъ-калой и затѣмъ нѣсколько стычекъ въ Кара-кумахъ и въ окрестностяхъ Раима съ хивинскими скопищами. Занявъ Раимъ, мы стали твердою ногою на Сыръ-Дарьѣ и этимъ было положено прочное основаніе русскому господству въ Киргизской степи и покончено съ притязаніями Хивы и Коканда, на низовья Сыра. Важность этого движенія,

на которомъ настаивалъ генералъ Обручевъ, была оцѣнена по достоинству Императоромъ Николаемъ I и именно съ этого момента надо считать начало нашего поступательнаго движенія въ средней Азіи, такъ какъ рѣшительныя дѣйствія противъ кокандцевъ со стороны Сибирской линіи начались только въ 1860 году, когда полковникъ Циммерманъ взялъ Токмакъ и Пишпекъ. Послѣ занятія нами Раима, Хива, почувствовавъ грозившую ей опасность, старалась всячески волновать киргизъ, вошедшихъ въ сферу нашего вліянія, желая вынудить русскій гарнизонъ уйти изъ Раима. О послѣдствіяхъ этого движенія распространяться нечего: они общеизвѣстны. Хотѣлось бы только этою историческою справкою напомнить, что день 30 Іюня имѣетъ немаловажное значеніе и не долженъ быть забытъ.

Фортъ, гдѣ горсти русскихъ людей пришлось влачить невеселое существованіе, вдали отъ родины, среди всякихъ лишеній, бѣдной природы, полудикаго народа и подъ постояннымъ опасеніемъ нападенія хивинскихъ шаекъ, былъ построенъ на возвышенности, съ которой видны были Сыръ-Дарья, озера Раимское, Джалангачъ, Камышлыбасъ и далеко растилавшійся горизонтъ; наблюдательный постъ былъ выбранъ какъ нельзя лучше. Теперь отъ него остались только груды мусора и камней и даже отъ прежней церкви не сохранилось слѣдовъ, указывающихъ на мѣсто перваго православнаго храма въ Средней Азіи. Между тѣмъ Раимская гора связана съ именами Обручева, Бутакова, Шевченки, которымъ пришлось быть здѣсь первыми піонерами русскаго дѣла. Думается, что черезъ 50 лѣтъ не мѣшало бы увѣковѣчить чѣмъ-нибудь то мѣсто, гдѣ положено было начало русскому движенію въ Туркестанъ и откуда мы стали роковой грозой для Хивы, поднявшей было голову послѣ несчастнаго похода Пе-

ровскаго въ 1839 г. Водруженіе креста или небольшаго памятника на вершинѣ горы или на томъ мѣстѣ, гдѣ была церковь, напоминало бы окрестному киргизскому населенію, что просвѣщенный народъ почитаетъ своего Бога и незабываетъ своихъ дѣятелей; все это, конечно не потребуетъ большихъ расходовъ. Но помимо такого матеріальнаго знака воспоминанія, желательно было бы, связать первый шагъ нашего господства въ Туркестанѣ съ какимъ нибудь дѣломъ, имѣющимъ для края цивилизующее значеніе; наиболѣе подходящимъ было бы положить начало въ Казалинскѣ женскому образованію среди киргизскаго населенія, слѣдуя просвѣщенному примѣру въ Тургайской области. Недавно киргизы Казалинскаго уѣзда пожертвовали 18,000 руб. на открытіе интернатовъ при русско-туземныхъ школахъ; они удостоились Высочайшаго одобренія, какъ сказано въ телеграммѣ военнаго министра, *„за крупное пожертвованіе съ патріотической цѣлью объединенія съ Имперіей"*. До сихъ поръ въ Туркестанѣ для образованія туземной женщины ничего не сдѣлано, конечно, не отъ отсутствія на то добраго желанія, а вѣроятно, за неимѣніемъ необходимыхъ для этого средствъ. Въ настоящее время пожертвованіе, сдѣланное киргизами на русско-туземныя школы, даетъ возможность придти на помощь этому благому дѣлу. Пожертвованіе не обусловлено исключительно мужскими школами, тѣмъ болѣе, что, насколько мнѣ извѣстно, средства на постройку интерната при городскомъ училищѣ уже имѣются и, по всей вѣроятности, зданіе будетъ скоро построено. Правда, русско-туземная школа не имѣетъ своего зданія и желательно было бы въ уѣздѣ развить этотъ типъ школы, но можетъ быть для настоящаго времени достаточно было бы городскаго училища съ интернатомъ и двухъ русско-тузем-

мныхъ школъ (одна въ Кармакчахъ) для мальчиковъ. Употребленіе же части средствъ на русско-туземную женскую школу послужило бы началомъ развитія у насъ, въ Туркестанѣ, первоначальнаго образованія для киргизскихъ дѣвочекъ, тѣмъ болѣе, что Казалинскъ сравнительно съ Иргизомъ и другими тургайскими городами, гдѣ училища существуютъ, можетъ дать большій контигентъ учащихся.

Посылая настоящую замѣтку, я надѣюсь, что встрѣчу со стороны уважаемой газеты сочувствіе, которое было ею высказано въ прошломъ году при извѣстіи объ открытіи въ г. Кустанаѣ русско-киргизской женской прогимназіи и ряда школъ для первоначальнаго женскаго образованія во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Тургайской области.

Положить начало образованію сырдарьинской киргизки, для которой это единственный выходъ изъ того тяжелаго положенія, въ какомъ она находится, было бы самымъ лучшимъ средствомъ помянуть нашъ приходъ на берега Сыра 50 лѣтъ тому назадъ.

«Туркестанскія Вѣдомости» № 49, 1896 года.

Русскія поселенія и образованіе киргизъ.

Русская колонизація въ трехъ уѣздахъ нашего края: Ташкентскомъ, Чимкентскомъ и Ауліеатинскомъ*) достигла въ настоящее время солидныхъ размѣровъ, насчитывая до 50-ти поселковъ съ населеніемъ около 20,000 душъ. Экономическое положеніе поселянъ, за немногими исключеніями, вполнѣ обезпечиваетъ ихъ главную массу отъ тѣхъ бѣдствій и нужды, которыя заставили ихъ покинуть насиженныя мѣста на родинѣ и искать счастья въ Туркестанѣ. Благосостояніе нашихъ деревень замѣтно ростетъ и, благодаря удачному подбору переселенцевъ (изъ малороссовъ, главнымъ образомъ Астраханской и Воронежской губерній, привыкшихъ къ условіямъ степнаго хозяйства), дальнѣйшее развитіе поселковъ можетъ считаться обезпеченнымъ и вполнѣ зависящимъ отъ самихъ поселянъ; если въ нѣкоторыхъ случаяхъ

*) А въ настоящее время и въ Перовскомъ, по всей вѣроятности она подвинется дальше и въ Казалинскій уѣздъ.

поселки терпятъ нужду въ водѣ или недостатокъ въ землѣ, то первое происходитъ иногда отъ неумѣнія экономизировать воду, а второе отъ хищническаго хозяйства, съ которымъ пересeленцы еще немогутъ разстаться, попавъ съ истощенной почвы Европейской Россіи на дѣвственныя земли Средней Азіи. Современемъ они сознаютъ неудобство и разорительность такого хозяйничанья и, конечно, перейдутъ къ болѣе раціональному пользованію предоставленными имъ угодьями. Помимо исключительно земледѣльческаго труда, поселенцы имѣютъ средства поддерживать свое хозяйство извозомъ, скотоводствомъ, садоводствомъ, мельничнымъ дѣломъ и пр. Такимъ образомъ условія, въ которыхъ они теперь находятся, даютъ имъ возможность безъ страха смотрѣть на будущее. Интересно при этомъ отмѣтить, что тогда, какъ старшіе представители поселенцевъ имѣютъ мало выдержки и часто отличаются непосѣдливостью, что выражается постоянными жалобами на неудобныя условія жизни, у молодежи видно сознательное желаніе осѣсть на мѣстѣ, бросивъ бродяжническую жизнь. Очевидно, она уже вполнѣ приспособилась къ мѣстнымъ условіямъ и дорожитъ пріобрѣтеннымъ на новой родинѣ благосостояніемъ. Броженіе, охватившее въ минувшемъ году нѣсколько поселковъ Чимкентскаго и Аулієатинскаго уѣздовъ, выразившееся въ стремленіи къ выселенію на Амуръ и окончившееся довольно печально для агитаторовъ, нашло себѣ сочувствіе главнымъ образомъ въ представителяхъ старшаго поколѣнія, которые по старой привычкѣ, увлеклись заманчивыми, рисовавшимися въ ихъ воображеніи, перспективами жизни на какой-то «Японской границѣ», гдѣ будетъ полное приволье, но больше всего ихъ прельстило обѣщаніе пособія въ 1000 руб., которые яко бы выдается каждому записывающемуся на Амуръ. Однако, когда дѣлу былъ

данъ надлежащій ходъ и продѣлки главныхъ агитаторовъ выплыли наружу, движеніе заглохло само собой. Это доказываетъ, что причиною его было вовсе не неудовольствіе своимъ существованіемъ, а переселенческая горячка, которая еще не у всѣхъ улеглась. Придавать большое значеніе этому движенію нѣтъ никакого основанія, такъ какъ спекулировалъ этимъ и поддался ему тотъ элементъ, который не отвыкъ еще отъ бродяжничества и никогда не будетъ доволенъ своимъ положеніемъ, постоянно мечтая о какомъ-нибудь изобилующемъ млекомъ и кисельными берегами краѣ, гдѣ, по его словамъ, «нѣтъ никакого начальства». Молодое же поколѣніе вполнѣ дорожитъ своимъ настоящимъ положеніемъ, особенно въ такихъ поселкахъ какъ Михайловка, Чалдоваръ и др. насчитывающія второй десятокъ лѣтъ существованія и уже организованные въ волости*). Здѣсь необходимо замѣтить, что, какъ ни неудовлетворительно крестьянское самоуправленіе, желательно всетаки дальнѣйшее его развитіе въ Туркестанѣ, такъ какъ оно до нѣкоторой степени сплачиваетъ интересы поселковъ, сближая переселенцевъ другъ съ другомъ.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ, впрочемъ, описаніе поселковъ, а потому, отмѣтивъ утѣшительное теченіе въ молодомъ поколѣніи, перейдемъ къ интересующему насъ вопросу—къ постановкѣ дѣла первоначальнаго образованія.

Всѣ поселки снабжены приходскими училищами, которыхъ въ 1895 г. было 39 съ 1466 учащимися, такъ что дѣтямъ обоего пола дана возможность учиться грамотѣ у себя дома. Подобной роскоши переселенцы въ

---

*) Въ Ауіеатинскомъ уѣздѣ есть уже пять русскихъ волостей. Михайловская, Александровская, Дмитріевская, Меркенская, Карабалтинская; такимъ образомъ только поселки Головачевка и Бурное (Терсъ) остаются не зарегистрованными въ волости.

Евр. Россіи не имѣли, чѣмъ и объясняется довольно значительный процентъ неграмотныхъ между ними. Такимъ образомъ существованіе въ каждомъ поселкѣ школы, гдѣ преподаютъ учителя, вышедшіе изъ Туркестанской учительской семинаріи, должно удовлетворять потребности первоначальнаго образованія поселянъ. Конечно, желательно устройство при школахъ библіотекъ, читаленъ народныхъ чтеній, распространеніе сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и вообще дальнѣйшее развитіе народнаго образованія, но это уже дѣло будущаго. Надо отдать справедливость просвѣщеннымъ заботамъ администраціи и учебнаго вѣдомства, снабдившихъ почти всѣ поселки училищами, и пожелать продолженія ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи. Но, удовлетворяя своей ближайшей задачѣ—образованію дѣтей переселенцевъ, русская школа, мнѣ кажется, не должна забывать и нуждъ окрестнаго киргизскаго населенія въ томъ же отношеніи.

Мы часто сѣтуемъ, какъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ, такъ и въ печати, на тлетворное вліяніе сартовъ и татаръ на киргизъ, и поражаемся той изумительной быстротой, съ которою это вліяніе пускаетъ корни, растетъ и развивается среди киргизскаго народа, особенно у насъ въ Туркестанѣ. Причину этого явленія далеко искать не приходится, оно объясняется прежде всего постоянными торговыми сношеніями татаръ и сартовъ съ киргизами и затѣмъ общностью культуры и, главное, религіи. Пора, наконецъ, оставить мысль, что киргизы плохіе мусульмане; нѣтъ, они такіе же глубоковѣрующіе мусульмане, какъ татары и сарты, но если намъ кажется иначе, то это происходитъ отъ того, что они, исповѣдуя исламъ, въ соціальномъ отношеніи ускользнули изъ-подъ его вліянія: они мусульмане въ томъ же смыслѣ, какъ мы христіане, въ противоположность,

напримѣръ, сартамъ, татарамъ, персамъ и др., которые не только исповѣдуютъ мусульманскую религію, но и живутъ такъ, какъ она предписываетъ. Вдвинуть соціальную жизнь киргизъ въ рамки ислама мусульманство еще не успѣло, но оно постоянно къ этому стремится, вслѣдствіе чего задача русской цивилизаціи должна заключаться въ томъ, чтобы, не вторгаясь въ религіозную область, особенно путемъ насилія, вести борьбу съ соціальной стороной ислама, дабы отнять у него возможность переходить ту границу, которая отдѣляетъ религіозную область отъ соціальной и составляетъ самую слабую сторону этой религіи. Борьба съ этой антикультурной стороной ислама, т. е. съ его пагубнымъ вліяніемъ на соціальный быть мусульманъ, можетъ вестись не только путемъ соотвѣтственной организаціи мусульманскихъ массъ, пропагандой христіанства, надзоромъ за муллами и ишанствомъ, но и, главное, путемъ просвѣщенія въ европейскомъ смыслѣ, которое необходимо сдѣлать болѣе доступнымъ, чѣмъ въ настоящее время.

Огромные успѣхи сдѣлало распространеніе образованія среди киргизъ оренбургскихъ степей. Правда, учрежденіе школъ и устройство тамъ стипендій насчитываетъ за собой около полустолѣтія*). Это дѣло имѣетъ такимъ образомъ уже свою исторію и въ результатѣ въ значительныхъ городахъ киргизской степи (Оренбургѣ, Троицкѣ, Кустанаѣ) народилась киргизская интеллигенція. Нѣтъ сомнѣнія, что это движеніе крѣпнетъ и имѣетъ будущность, особенно, въ виду просвѣщенной дѣятельности тургайской администраціи и оренбургскаго учебнаго вѣдомства, идущимъ въ этомъ направленіи рука объ руку. Благодаря этому, мы видимъ

*) Первая школа для киргизскихъ дѣтей была открыта въ 1850 г. при Оренбургской пограничной комиссіи.

въ Тургайской области 6 русско-киргизскихъ училищъ для мальчиковъ, русско-киргизскую женскую прогимназію въ Кустанаѣ, 5 женскихъ русско-киргизскихъ школъ (во всѣхъ уѣздныхъ городахъ), цѣлую систему аульныхъ школъ (въ прошломъ году ихъ открыто 10 и число ихъ постоянно растетъ), возбуждено ходатайство о сельско-хозяйственной школѣ и объ открытіи акушерскихъ курсовъ въ Кустанаѣ (со стороны самыхъ киргизъ), учрежденіе стипендій имени генерала Барабаша, въ Петербургскомъ университетѣ, для киргизъ Актюбинскаго уѣзда и для тѣхъ же киргизъ въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, для чего при Оренбургскомъ реальномъ училищѣ представлено 6 степендій для киргизъ. Благодаря этому дѣло народнаго образованія киргизъ въ Тургайской области поставлено на прочную ногу и число обучающихся въ разныхъ училищахъ киргизскихъ дѣтей составляетъ 46.,4% всѣхъ учащихся (*Тургайская Газета*, № 63 за 1896 г.). Въ Тургайской области явилась даже возможность требовать отъ лицъ туземной администраціи знанія русскаго языка, вслѣдствіе чего военный губернаторъ возбудилъ ходатайство о предоставленіи должностей волостныхъ управителей только лицамъ, получившимъ образованіе хотя бы въ начальныхъ школахъ и знающимъ русскую грамоту, тѣмъ болѣе, что дѣлопроизводство въ волостяхъ уже ведется на русскомъ языкѣ (*Тург. Газ.*, № 54 1896 г.), такъ какъ—совершенно вѣрно замѣчено въ уважаемой газетѣ, «образованіе—вотъ то доступное каждому, честно добываемое и цѣнное преимущество, которое должно открывать путь къ службѣ и общественной дѣятельности среди киргизскаго народа»; далѣе глубоко правдивы слова той же статьи, что «знаніе русскаго языка въ то же время означаетъ и болѣе широкое знакомство съ русскою жизнью» и т. д. Затѣмъ извѣстно, что въ

Кустанайскомъ уѣздѣ есть уже цѣлыя волости, сплошь владѣющія русскимъ языкомъ, между тѣмъ, движеніе туда переселенцевъ началось лишь въ 70-хъ годахъ. Весьма важно и то, что тамъ за послѣднее время явилась уже потребность въ образованіи для киргизской женщины.

Самой лучшей иллюстраціей, къ вышесказанному можетъ служить то, что въ Тургайской области въ 1895 году было учащихся киргизъ свыше 2000 человѣкъ; такимъ образомъ цыфра эта за послѣдніе 10 лѣтъ увеличилась въ 10 разъ*).

Туркестану не слѣдовало бы отставать по возможности, отъ этого просвѣтительнаго движенія, тѣмъ болѣе, что образованіе—могучее средство для борьбы съ мусульманствомъ, которое въ Туркестанѣ гораздо сильнѣе чѣмъ въ сѣверной части киргизской степи. Тамъ близость къ Евр. Россіи, постоянное общеніе съ русскими и отдаленность Бухары, Хивы и бывшаго Кокандскаго ханства даютъ возможность киргизу, помимо образованія, непосредственно видѣть нравственную силу европейской культуры и понимать ея превосходство и пользу; наконецъ, вліяніе татаръ, выходцевъ изъ Евр. Россіи, безусловно не такъ вредно, какъ сартовъ, потому что татары—казанскіе, касимовскіе и каргалинскіе—сами уже находятся подъ воздѣйствіемъ русской жизни и незамѣтно для нихъ самихъ христіанскія идеи проникли въ ихъ среду, хотя бы въ видѣ отрицательнаго отношенія къ многоженству. Поэтому, не говоря уже о тургайскихъ и уральскихъ киргизахъ, нельзя сравнивать киргизъ Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ съ киргизами и каракиргизами уѣздовъ Чимкентскаго, Ауліе-

*) Интересныя свѣдѣнія о постановкѣ народнаго образованія въ Тургайской области, гдѣ столько сдѣлано для киргизъ въ этомъ отношеніи, можно почерпнуть изъ книги А. В. Васильева „Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и его современное состояніе“. Изд. Тург. Обл. Ст. Ком. Оренбургъ 1896 г.

атинскаго и Ташкентскаго. Здѣсь нравы и обычаи сартовъ, брачные союзы и постоянное общеніе съ ними выработали особый типъ киргизовъ, такъ называемыхъ чалаказаковъ, мало отличающихся отъ сартовъ.

Въ Туркестанѣ поэтому тѣмъ болѣе цѣнно должно быть культурное воздѣйствіе на туземца. Могущественнымъ орудіемъ такого воздѣйствія является русская школа. Не зачѣмъ приводить примѣры и цыфры для доказательства ея огромной пользы; это было бы повтореніемъ общихъ мѣстъ, несомнѣнно, что это самое вѣрное средство парализировать пагубное вліяніе сартовъ и татаръ на киргизъ и знакомить народную массу съ нашими воззрѣніями.

О состояніи образованія туземцевъ въ Туркестанѣ почти единственныя, но зато весьма обстоятельныя свѣдѣнія заключаются въ почтенномъ трудѣ г. Граменицкаго „Очеркъ развитія народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ"*). Изъ него видно, что въ нашей окраинѣ для просвѣщенія туземцевъ, главнымъ образомъ киргизъ, сдѣлано не много, но дѣло это идетъ впередъ; такъ, таблица № 1 показываетъ, что къ 1 января 1885 г. обучалось въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ всего 39 туземцевъ, а къ 1 января 1896 года уже 701. Эта послѣдняя цыфра достаточно краснорѣчиво указываетъ на существующую у туземцевъ потребность обучаться русской грамотѣ; то же самое замѣчается и въ графѣ вечернихъ при городскихъ училищахъ курсовъ, въ которыхъ со времени ихъ открытія въ 1885 году число обучающихся съ 75 поднялось къ 1 января 1896 года до 323. Какъ всетаки ничтожны эти числа, въ сравненіи съ трехмилліоннымъ туземнымъ населеніемъ Туркестанскаго края! Общее число обучающихся въ нашихъ учи-

*) Сборн. мат. для статистики Сыръ-Дарьинской Обл. Т. V.—1896 г.

лищахъ туземцевъ составило въ 1893 году 588 человѣкъ**), тогда какъ въ томъ же году въ одной Сырь-дарьинской области изъ 15-ти тысячнаго русскаго населенія училось 1103 человѣка. Нельзя однако не согласиться съ г. Граменицкимъ, который на стр. 25 своего «Очерка» замѣчаетъ: «Если при всемъ этомъ дѣло образованія инородцевъ въ Туркестанскомъ краѣ не стоитъ на должной высотѣ и число учащихся изъ нихъ ничтожно въ сравненіи съ общей массой инородческаго населенія въ краѣ, то причины этому необходимо искать скорѣе въ косности и неподготовленности самихъ туземцевъ, а не въ распоряженіяхъ администраціи края, которая съ самаго занятія страны не оставляла заботъ объ образованіи туземцевъ». Вслѣдствіе этого необходимо найти болѣе доступное и дѣйствительное средство для привлеченія киргизъ въ школу; наиболѣе практичнымъ было бы утилизировать русскія поселковыя школы для просвѣщенія киргизъ, группирующихся около этихъ поселковъ.

Насаждая русскія поселенія, правительство преслѣдовало не одну только задачу обезпечить бытъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній, но и воспользоваться ими для внесенія въ темную туземную массу русской культуры. Однако пока русскіе поселки не окрѣпли, населеніе въ нихъ окончательно не осѣло, не освоилось съ мѣстными условіями хозяйства и не достигло значительной степени благосостоянія, трудно ожидать да и нельзя требовать отъ поселенцевъ большаго культурнаго воздѣйствія на туземное населеніе, тѣмъ болѣе, что многіе переселенцы,—къ сожалѣнію, приходится въ этомъ сознаться,—сами стоятъ на невысокой степени развитія и потому не могутъ оказывать

**) Въ томъ же году въ мусульманскихъ школахъ края, мадрассахъ и мактабахъ, обучалось 77,711 человѣкъ!

значительнаго вліянія на туземцевъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого факта можетъ служить то, что живущіе около менонитскихъ селеній каракиргизы рѣзко отдѣляютъ «хохла» отъ «нѣмца», съ большимъ уваженіемъ относясь къ послѣднему и считая себя на вполнѣ равной ногѣ съ первымъ; есть каракиргизы, хорошо говорящіе по-нѣмецки и ознакомившіеся у своихъ сосѣдей-менонитовъ съ употребленіемъ плуга*). Нѣтъ сомнѣнія, что и русскіе поселки достигнутъ со временемъ такого же вліянія на киргизъ, но теперь, особенно отъ новоселовъ, еще недавно покинувшихъ насиженныя мѣста на родинѣ, гдѣ ихъ тѣснило малоземелье, неурожаи, недоимки и другія неблагопріятныя условія, нельзя требовать, чтобы они были культурной силой. Имъ еще нужно приспособиться къ совершенно новому для нихъ способу хозяйства и создать себѣ благосостояніе, ибо еще многіе изъ нихъ нуждаются въ поддержкѣ и помощи. Въ старыхъ поселкахъ уже замѣтна нѣкоторая солидарность между поселенцами и киргизами; многіе изъ нихъ владѣютъ киргизскимъ языкомъ и имѣютъ между киргизами тамырей (друзей), которые помогаютъ имъ въ розыскахъ пропавшаго скота; въ этихъ случаяхъ наблюдается иногда обращеніе поселянъ къ посредничеству біевъ и другихъ почетныхъ лицъ изъ туземцевъ и вслѣдствіе этого достигается полюбовное окончаніе дѣла, а частое засвидѣтельствованіе договоровъ между киргизами и русскими въ русскихъ волостныхъ правленіяхъ прямо

*) Западно-европейскую культуру менонитовъ интересно сопоставить въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ съ восточно-азіатской, представителемъ которой служатъ мѣстные дунгане. Послѣдніе, какъ и киргизы, по религіи мусульмане, но въ соціально-экономическомъ отношеніи развились и находятся подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи. Хозяйство какъ дунганъ, такъ и нѣмцевъ отличается интенсивностью, разными промыслами, въ видѣ подспорій къ нему, прекрасной обработкой почвы, большой солидарностью интересовъ ихъ небольшихъ общественныхъ группъ и, вслѣдствіе этого, замѣтнымъ благосостояніемъ.

указываетъ на нѣкоторое довѣріе и сближеніе, возникающія между поселенцами и туземцами. Вообще тѣмъ, кому знакома сельская жизнь въ Евр. Россіи, гдѣ отношенія между отдѣльными хозяйственными группами довольно обострены, нельзя не признать, что по крайней мѣрѣ въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, взаимныя отношенія поселенцевъ и туземцевъ довольно сносны. Любопытно что въ теченіе лѣта минувшаго года до суда доходило весьма незначительное число дѣлъ о потравахъ, тогда какъ прежде ихъ было много.

Итакъ ожидать въ настоящее время отъ переселенца значительнаго культурнаго воздѣйствія на киргизъ еще преждевременно. Но мы всетаки должны найти средство извлечь для киргизскаго населенія возможно большую пользу изъ развитія въ Туркестанѣ переселенческаго дѣла. Необходимо придти на помощь киргизской массѣ, хотя бы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она ближе сталкивается съ русскимъ элементомъ, дабы ускорить воздѣйствіе послѣдняго на первый и сблизить ихъ между собой. Единственное и самое вѣрное средство для этого—школа и совмѣстное обученіе русскихъ и киргизскихъ дѣтей; послѣднія, благодаря этому, скорѣе научатся русскому языку и, познакомившись на школьной скамьѣ, лучше поймутъ другъ друга, когда подростутъ. Устроитель Туркестанскаго края К. П. Кауфманъ, еще въ 1868 году высказалъ по этому поводу слѣдующее мнѣніе, «Для устройства народнаго образованія въ краѣ въ будущемъ онъ полагаетъ необходимымъ воспитывать дѣтей русскихъ и туземцевъ вмѣстѣ и, для устраненія вреднаго въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ обособленіяхъ школъ мусульманскихъ отъ русскихъ, принять въ основаніе воспитанія не религіозное различіе, а одни и тѣ же правила, при помощи кото-

рыхъ можно какъ православныхъ, такъ и мусульманъ сдѣлать одинаково полезными гражданами Россіи»*).

Средства и полная возможность для этого имѣются. Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроены поселки, сосредоточивается довольно густое киргизское населеніе; перечислять тѣ волостныя и аульныя общества, которыя имѣютъ зимовки около русскихъ селеній въ Ауліеатинскомъ, Чимкентскомъ и въ Перовскомъ уѣздахъ, было бы слишкомъ утомительно и неинтересно, но тѣ, которымъ приходилось ѣздить по почтовой дорогѣ отъ Чимкента до границъ Семирѣчья, могли убѣдиться воочію, какая масса курганчей, ауловъ, зимовокъ, сараевъ, садовъ и т. п. разбросана по той линіи, по которой вытянулись русскія селенія; почти то же самое можно сказать про поселки, лежащія въ сторонѣ отъ этой линіи. Было бы, повидимому вполнѣ возможно, безъ особеннаго ущерба для поселянъ, обратить ихъ школы въ русско-туземныя, такъ какъ онѣ содержатся на земскія средства и всѣ учителя въ нихъ изъ Туркестанской учительской семинаріи, люди знакомые съ туземнымъ языкомъ и грамотой. Конечно, дѣло преподаванія въ нихъ осложнилось бы, но средства для приспособленія и содержанія ихъ могли бы быть почерпнуты изъ тѣхъ же земскихъ средствъ и такимъ образомъ школа явилась бы не только разсадникомъ грамоты, но и культурной силой, вполнѣ отвѣчающей своему назначенію. Существуетъ мнѣніе, будто типъ русско-туземной школы не особенно удаченъ: «Открытыя въ 1886 году въ городахъ и кишлакахъ съ исключительно мусульманскимъ населеніемъ русско-туземныя школы грамотности, хорошо обставленныя съ матеріальной стороны и имѣвшія значительно лучше подготовленныхъ учителей, чѣмъ проектировала комиссія,

*) «Очеркъ» Граменицкаго, стр. 3.

а также учителей туземной грамоты, не имѣли успѣха и по необходимости всѣ почти были перенесены въ города, въ которыхъ туземное населеніе живетъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ русскимъ»*). Но пока практика не выработала другаго типа, принятый вполнѣ пригоденъ въ тѣхъ случаяхъ, когда киргизское населеніе находится въ близскомъ соприкосновеніи съ русскимъ. Изъ русско-туземныхъ школъ лучшіе ученики могли быть принимаемы въ интернаты при городскихъ училищахъ, «такъ какъ опытъ показалъ, что киргизы въ значительно большемъ количествѣ поступаютъ въ учебныя заведенія съ болѣе продолжительнымъ курсомъ и болѣе обширною программою, какъ, напр., въ городскія училища, семинарію и гимназію, чѣмъ сарты»**). Всего русско-туземныхъ школъ теперь въ Туркестанскомъ краѣ 28, при 6-ти изъ нихъ имѣются интернаты которые способствуютъ увеличенію числа учащихся въ нихъ туземцевъ***). Какое значеніе при этомъ имѣютъ интернаты видно изъ того, «что съ 1888 года число учащихся дѣтей туземцевъ измѣнялось незначительно и только въ 1895 году, съ открытіемъ нѣсколькихъ русско-туземныхъ школъ съ интернатами, число ихъ значительно увеличилось»****). Можно надѣяться, что преобразованіе приходскихъ сельскихъ школъ въ русско-туземныя привлечетъ къ нимъ киргизъ, такъ какъ, по словамъ г. Граменицкаго, «въ настоящее время положеніе русско-туземныхъ училищъ болѣе упрочилось: если въ первое время являлась необходимость въ содѣйствіи администраціи или въ какихъ-либо приманкахъ для привлеченія въ школы дѣтей туземцевъ, то въ

*) Тамъ же, стр. 8.
**) Тамъ же, стр. 9.
***) Тамъ же, стр. 20.
****) Тамъ же, стр. 21.

настоящее время средства эти оказываются излишними»*), а устройство при нихъ интернатовъ обезпечитъ извѣстное количество учениковъ, потому что тотъ же авторъ указываетъ: «для правильнаго хода занятій и успѣшности обученія въ русско-туземныхъ школахъ встрѣчаются трудно устранимыя препятствія. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что при существующихъ условіяхъ, когда всѣ ученики являются приходящими, продолжительность обученія ихъ въ русскомъ классѣ слишкомъ незначительна: дѣти остаются въ вѣдѣніи русскаго учителя и изучаютъ русскую грамоту только по два часа ежедневно, а все остальное время дня проводятъ въ средѣ, въ которой не могутъ слышать ни одного русскаго слова»; авторъ заключаетъ, что залогъ успѣха русско-туземной школы состоитъ въ устройствѣ интернатовъ, какъ это сдѣлано для Кармакчинской, Сауранской и Джулекской школъ, такъ какъ они «обезпечиваютъ правильность посѣщенія учениками уроковъ»**).

Устройство русско-туземныхъ школъ, взамѣнъ приходскихъ, не должно вредно отразится на религіозно-нравственномъ развитіи поселянъ: во всѣхъ главныхъ поселкахъ есть или строятся церкви, въ прочихъ—церкви-школы, или же богослуженія происходятъ просто въ школахъ, хотя послѣднему не симпатизируютъ поселенцы; они охотно согласились бы построить часовни, гдѣ бы могла совершаться служба, во время пріѣзда священника.

Нельзя забывать нашу культурную миссію въ Туркестанѣ и необходимо воспользоваться тѣми удобствами, которыя въ этомъ отношеніи представляютъ русскіе поселки съ ихъ школами; какъ бы ни было

*) Тамъ же, стр. 45.

**) Тамъ же. стр. 46.

незначительно число поступающихъ киргизъ, этимъ смущаться не слѣдуетъ, потому что русская школа несомнѣнно окажетъ свое вліяніе на окрестныхъ киргизъ, расширивъ у молодаго поколѣнія его умственный и нравственный кругозоръ, и будетъ самымъ лучшимъ средствомъ борьбы съ тѣмъ образованіемъ въ мусульманско-клерикальномъ духѣ, къ которому вынуждены обращаться киргизы за неимѣніемъ другого. Подобнаго рода постановка образованія скоро дала бы ощутительные результаты, распространивъ знаніе русскаго языка и грамотности среди киргизской массы и оградивъ ее отъ поглощенія мусульманской культурой; она была бы очень важна и въ политическомъ отношеніи, такъ какъ небольшая горсть русскихъ людей среди многочисленнаго туземнаго населенія пріобрѣла бы болѣе вліянія и устойчивости на далекой окраинѣ.

Надо, наконецъ, рѣшиться сдѣлать что-нибудь основательное для киргизскаго населенія тѣхъ уѣздовъ, гдѣ основаны русскія поселенія, чтобы, съ одной стороны, киргизы сознали ихъ пользу, а съ другой стороны, чтобы утилизировать поселенія, какъ средство подвинуть впередъ развитіе туземца.

Русско-туземная школа съ интернатомъ, руководимая учителемъ, знающимъ туземные языкъ и письменность, большею частью изъ мѣстныхъ туркестанскихъ уроженцевъ, не можетъ не привлечь къ себѣ киргизъ; мы видимъ изъ примѣра городскихъ училищъ, гдѣ имѣются пансіоны для киргизскихъ мальчиковъ (въ Казалинскѣ, Перовскѣ, Туркестанѣ, Чимкентѣ и Аулієата), что не бываетъ недостатка въ желающихъ учиться; по свидѣтельству всѣхъ учителей приходскихъ школъ къ нимъ постоянно обращаются окрестные киргизы съ просьбой допустить въ школу и ихъ дѣтей; но эти просьбы не могутъ быть удовлетворяемы, такъ

какъ школы устроены исключительно для русскихъ дѣтей; стало быть мы вправѣ ожидать отъ киргизъ сочувствія къ русской школѣ, а отъ нея хорошихъ результатовъ. Помимо чисто утилитарныхъ цѣлей въ ближайшее время, русская школа современемъ приведетъ къ тому, что путемъ усвоенія русскаго языка и европейскихъ взглядовъ киргизскій народъ приметъ сознательное участіе, въ русской жизни и пріобщится къ нашей цивилизаціи, и подобно другимъ болѣе культурнымъ инородцамъ, выработаетъ свое міровоззрѣніе, создастъ свою литературу, разовьетъ свой языкъ и станетъ наряду съ ними*).

Мысль киргизскаго народа уже пробуждается въ степяхъ около Оренбурга и Омска, а потому русскимъ дѣятелямъ въ Туркестанѣ слѣдовало бы способствовать такому же умственному движенію, которое можетъ дать замѣтные результаты только въ томъ случаѣ, если вглубь темной народной массы проникнетъ знаніе русскаго языка. Народная школа одна только можетъ выполнить эту задачу, тѣмъ болѣе, что пока, по словамъ нашего извѣстнаго путешественника Потанина, въ его интересной статьѣ «Въ юртѣ послѣдняго киргизскаго царевича», русская наука, русская исторія, русская литература и вообще русское умственное движеніе мало трогаютъ сердце киргиза. Торжествующимъ средствомъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ клерикализмомъ можетъ быть только свое киргизское свѣтское направленіе; чтобы оно появилось, нужно возбудить въ верхнихъ слояхъ киргизскаго народа интересъ къ своей народности, интересъ къ изученію своего народ-

*) Нельзя не вспомнить при этомъ возбужденнаго еще въ 1876 году вопроса о примѣненіи къ киргизскому языку русской транскрипціи, которая предохранила бы его отъ вторженія татарскихъ и сартовскихъ формъ. Интересующіеся вопросомъ могутъ прочесть любопытную статью объ этомъ въ №№ 55 и 56 «Тургайской Газеты» за 1896 годъ.

наго языка, своей исторіи, своихъ обычаевъ, своихъ устныхъ памятниковъ старины. Пока интересъ киргизской народности пробужденъ только у оріенталистовъ, этнографовъ, фольклористовъ, но они занимаются изученіемъ киргизской народности только для пополненія европейскаго знанія, а вовсе не въ цѣляхъ пробужденія самосознанія киргизскаго народа. («Русское Богатство», № 8 за 1890 г. стр. 81).

Чтобы пробудить это самосознаніе и вызвать къ жизни хорошія стороны киргизскаго народа, особенно у насъ въ Туркестанѣ, гдѣ масса болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ коснѣетъ во мракѣ «мусульманскаго клерикализма», необходимо самымъ энергичнымъ образомъ не только знакомить его съ русскимъ языкомъ и грамотой, но и требовать знанія послѣднихъ, а это возможно лишь при развитіи народнаго образованія и при приспособленіи его къ пользованію возможно большимъ числомъ индивидуумовъ, изъ той среды киргизскаго населенія, которая столкнулась въ своей общественной и экономической жизни съ русскимъ элементомъ, въ разбросанныхъ, по Сыръ-дарьинской области поселкахъ.

„Туркестан. Вѣдомости“, №№ 64, 65, 66, 1898 г.

Казалинскъ въ голодный 1891-й годъ.

I.

Бѣдствіе, поразившее центральныя и восточныя губерніи Европейской Россіи, а также часть Тургайской области, въ этомъ году, заставило насъ вспомнить то тяжелое время въ 1891 г., когда голодъ въ Россіи отразился на сѣверѣ Туркестана, благодаря наплыву, бѣжавшихъ отъ нужды крестьянъ, губерній восточной Россіи и Оренбургскаго края. Къ довершенію несчастья, и въ сѣверномъ Туркестанѣ, куда скопилось наибольшее количество бѣдствующихъ, случился недородъ хлѣбовъ, а затѣмъ и джутъ, т. е. огромный падежъ скота у киргизъ, то же явленіе, которое повторилось въ настоящее время въ Иргизскомъ уѣздѣ; при сравненіи обоихъ несчастныхъ годовъ, быть можетъ удастся сдѣлать какіе нибудь поучительные выводы, для болѣе успѣшной борьбы съ подобнаго рода повторяющимися бѣдствіями.

Городу Казалинску пришлось вынести на своихъ плечахъ это двойное бѣдствіе; разумѣется, собственными средствами, онъ не могъ бы справиться съ надвинувшеюся на него бѣдою, но благодаря своевременно при-

нятымъ мѣрамъ и широкой благотворительности, притекавшей изъ другихъ городовъ и мѣстъ, Туркестанскаго края, казалинская голодовка была встрѣчена, съ болѣе или менѣе подготовленными средствами борьбы; тоже самое мы видимъ и теперь въ Тургайской области, гдѣ Иргизская голодовка встрѣтила энергичный отпоръ, въ принятыхъ администраціей мѣрахъ и сочувствіи (мѣстнаго) общества, къ пострадавшимъ. Хотя помощь пришла нѣсколько поздно, разумѣется благодаря отдаленности Иргизскаго уѣзда отъ Оренбурга*).

Уже лѣтомъ 1891 года былъ обнаруженъ въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области неурожай хлѣбовъ и травъ, вслѣдствіе чего была испрошена правительственная ссуда для обсѣмененія полей и продовольствія населенія въ 75 т. рублей. Въ приказѣ отъ 28 августа 1892 г. бывшаго военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области ген.-лейт. Гродекова, говорится**): «уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ земледѣльческая часть насеое«нія уѣзда начала ощущать недостатокъ въ хлѣбѣ, а «въ декабрѣ множество семей, живущихъ по нижнему «теченію Сыръ-Дарьи, прокармливалось одною рыбою «съ добавкой самаго ничтожнаго количества пшеницы, «ячменя или проса. Въ окрестныхъ степяхъ начались «жестокіе холода и снѣжные бураны, къ концу зимы «погубившіе у кочевниковъ въ среднемъ 45%, а въ «частности по нѣкоторымъ волостямъ до 90% всего «ихъ скота. Къ довершенію всего въ Казалинскъ по«дошли партіи русскихъ переселенцевъ, изъ пострадав«шихъ отъ неурожая губерній Европейской Россіи, въ «самомъ бѣдственномъ положеніи. По невозможности дви«женія въ суровое время года, въ богатые хлѣбомъ юго«восточные уѣзды области, по пустыннымъ степямъ Каза-

*) «Недѣля» № 43 э. г.

**) «Туркест. Вѣд.» 1892 г. № 35.

«линскаго, Перовскаго и Чимкентскаго уѣздовъ, имъ «пришлось задержаться въ городѣ Казалинскѣ, увеличивъ «собою число нуждающихся въ пропитаніи на 1500 «человѣкъ». Такимъ образомъ, когда переселенческія партіи начали прибывать въ Казалинскій уѣздъ, его населеніе стало уже само терпѣть нужду; переселенцамъ изъ голодавшей Россіи нельзя было ожидать помощи на мѣстѣ, такъ какъ и въ урожайные годы киргизское населеніе уѣзда, не обходится собственнымъ хлѣбомъ, а въ тотъ годъ ему пришлось раздѣлить участь со всей Россіей. Самъ городъ насчитывающій не болѣе 7—8 тыс. смѣшаннаго населенія, изъ котораго большинство живетъ покупнымъ хлѣбомъ, не могъ самостоятельно прійти на помощь къ пришельцамъ.

Авторъ статьи «экономическія бѣдствія 1892 года»*) говоритъ «необходимо замѣтить, что ирригаціонная си«стема Казалинскаго уѣзда находится въ самыхъ пе«чальныхъ условіяхъ. Дѣйствія водоносныхъ каналовъ «стоятъ въ полной зависимости отъ высоты уровня ве«сеннихъ водъ Сыра; арыки обречены на бездѣйствіе, «если вода не поднимается выше уровня дна канала; «большею частью казалинцу приходится поить свое «поле живительной влагой, съ помощью чигиря, при«водимаго въ движеніе животной силой, или же, что «еще труднѣе, всходы приходится поливать черпаками. «Совокупность подобныхъ условій, съ одной стороны «и низкій уровень развитія земледѣльца киргиза, съ «другой стороны, сдѣлали заурядным явленіемъ, въ «Казалинскомъ уѣздѣ, ежегодный недоборъ хлѣба. Пре«красныя мѣстныя условія для скотоводства и хоро«шіе урожаи, въ сосѣднемъ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, «помогали кочевнику справляться съ бѣдою путемъ по«купки недостающаго хлѣба у сосѣда, но въ 1891 году

*) «Туркест. Вѣд.» 1893 г. № 1.

«оба эти союзники измѣнили номаду и онъ принуженъ «былъ пережить трудный голодный годъ. Большой «спросъ на хлопокъ сократилъ площадь культуры зла-«ковъ въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ и онъ не былъ въ «состояніи удовлетворить спросу на хлѣбъ, предъявлен-«ному не только Казалинскимъ уѣздомъ, но и Тургай-«ской областью, постигнутой тоже неурожаемъ». Тотъ же авторъ, касаясь печальныхъ условій скотоводства въ томъ году, указываетъ, что сухая весна и жаркое лѣто задержали ростъ травы и скотъ кочевниковъ не могъ «прокормиться какъ слѣдуетъ даже и въ теченіи лѣта, «не помогли и откочевки осенью въ Иргизскій уѣздъ, «гдѣ снѣжные бураны погубили во множествѣ его богат-«ство и онъ поспѣшилъ домой, надѣясь съ остатками «скота, отсидѣться въ Кара-Кумахъ; однако и хорошія «пастбища этой мѣстности не могли прокормить той «массы скота, которая скопилась сюда со всѣхъ кир-«гизскихъ лѣтовокъ. Къ довершенію несчастья, осен-«ній разливъ Куванъ-Дарьи болѣе чѣмъ на половину «уничтожилъ и безъ того скудные киргизскіе запасы «сѣна». Влѣдствіе этого ослабленный лѣтней безкор-мицей, скотъ въ Кара-Кумахъ, не могъ выдержать силь-ныхъ922 бурановъ и снѣжныхъ мятелей и повалился мас-сами. Приведенные въ приказѣ воен. губернатора цыфры даютъ представленіе о размѣрахъ, постигшаго киргизъ бѣдствія.

Въ такомъ-то положеніи находился Казалинскій уѣздъ, когда осенью 1891 г. стали понемногу прибывать переселенческія партіи, съ сѣвера. Тотъ же авторъ, котораго слова объ этомъ движеніи мы сейчасъ при-водили, говоритъ, что «бѣдствія неурожая во внутрен-«нихъ губерніяхъ оторвали отъ отцовскихъ могилъ «сотни крестьянскихъ семействъ и потянулись они не-«скончаемымъ обозомъ въ Туркестанскій край. Болѣе

«состоятельные шли съ юга, пробираясь въ Ташкентъ, «по Зикаспійской жел. дор. Бѣднота же шла на Каза-«линскъ и, прибывъ въ этотъ городъ, должна была ос-«таться на зиму».

Бѣдствіе, постигшее мѣстное киргизское населеніе повлекло за собою сильное поднятіе цѣнъ на хлѣбъ, а приливъ переселенцевъ понизилъ цѣны на рабочія руки, потому что самъ городъ Казалинскъ не былъ въ состояніи обезпечить работою столько народа; мѣстные жители, изъ мѣщанъ, хотя и имѣли кое-какіе запасы хлѣба, но лишились заработковъ и должны были сберегать свои небольшіе запасы для обсѣмененія полей, такъ какъ весной ожидалось еще большее поднятіе цѣнъ на хлѣбъ и сѣмена. Такого рода положеніе вещей вынудило администрацію воспретить вывозъ хлѣба изъ Казалинскаго уѣзда, откуда несмотря на неурожай и требованіе мѣстнаго рынка, татарскіе и уральскіе скупщики хлѣба начали вывозить его, въ Тургайскую область, гдѣ населеніе Иргизскаго уѣзда тоже терпѣло большую нужду, въ продовольствіи; это распоряженіе нѣсколько остановило возвышеніе цѣнъ на базарѣ, такъ что цѣна хлѣба не поднималась выше 2 руб. за пудъ*), но всего этого, конечно было еще недостаточно, такъ какъ 75 тысячная правительственая ссуда, затѣмъ подвозъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ Ауліеатинскаго уѣзда, предназначались въ ссуду бѣдствовавшему киргизскому населенію уѣзда; прибывавшія же переселенческія партіи не могли разсчитывать на помощь, съ этой стороны.

Великую услугу оказали общественные запасные магазины Ауліеатинскаго уѣзда, изъ которыхъ хлѣбъ былъ взятъ заимообразно и на сотняхъ верблюдовъ двинутъ въ Казалинскъ. На это обстоятельство необходимо обратить особое вниманіе, потому что хлѣбные запасные

*) Въ 1880 г. въ такой же тяжелый годъ цѣны доходили до 6 руб. за пудъ.

магазины одного уѣзда, несмотря на огромное разстояніе, раздѣляющее Казалинскій отъ Auліеатинскаго уѣзда, свыше тысячи верстъ оказали огромную услугу дѣлу народнаго продовольствія другого уѣзда; разумѣется, возможна была такая операція, съ точки зрѣнія административнаго механизма, лишь потому, что оба уѣзда входятъ въ составъ одной области. Хотя каравану съ хлѣбомъ пришлось сдѣлать осенью болѣе 1000 верстъ, несмотря на это, помощь пришла своевременно.—По опредѣленію администраціи 22163 души требовали прокормленія; для нихъ необходимо было minimum 27706 пуд. 20 ф. хлѣба, а на обсѣмененіе полей 6190 юртовладѣльцамъ нужна была ссуда въ 37000 пудовъ зерна.

Сначала въ самомъ тяжеломъ положеніи оказалось киргизское населеніе на Сыръ-Дарьѣ, занимающееся земледѣліемъ и рыболовствомъ, а затѣмъ уже зимою выяснилось и печальное положеніе скотоводовъ въ Кара-Кумахъ; сравнительно лучше перенесли бѣдствіе киргизы, зимовавшіе въ Кизилъ-Кумахъ, потому что тамъ снѣга бываютъ неглубокіе и кочевья встрѣчаются рѣже, вслѣдствіе чего площадь кормовъ для скота обширнѣе.

II.

Для переселенцевъ, оставшихся зимовать въ Казалинскѣ, пришла на помощь общественная благотворительность; былъ разрѣшенъ сборъ пожертвованій по Туркестанскому краю, который далъ возможность переселенцамъ провести зиму и добраться до выбранныхъ для нихъ мѣстъ. Для распоряженія пожертвованіями былъ образованъ комитетъ помощи голодающимъ, открывшій свои дѣйствія съ 21 октября 1891 г.; въ составъ его вошло, не считая предсѣдателя—начальника уѣзда, семь человѣкъ мѣстной служащей интеллигенціи и одинъ

купецъ (татаринъ)*). Комитетъ проработалъ до 2 іюня 1892 г. и имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ теченіи этого времени 32397 р. 12 к. денегъ, 3919 пуд. пшеницы, 28 пуд. печенаго хлѣба, 4110 пуд. муки, 3188 пуд. ячменя, 4413 пуд. проса и платья съ обувью на 317 р. 96 к. Съ этими средствами комитету пришлось довольствовать 8986 человѣкъ переселенцевъ, мѣщанъ и киргизъ; кромѣ прокормленія, пришлось снарядить не имущихъ переселенцевъ, для дальнѣйшаго движенія къ югу, во вновь образуемые поселки.

Всего комитетомъ израсходовано деньгами 28266 р. 43 к., 3919 пуд. пшеницы, 28 пуд. хлѣба, 4110 пуд. муки, 2708 пуд. ячменя, 3620 пуд. проса и на 317 р. 96 к. платья и обуви; оставшіеся 4120 р. 69 к., 480 п. ячменя и 793 п. проса были переданы въ распоряженіе администраціи.

Слѣдующая таблица даетъ самое лучшее представленіе о наплывѣ обращавшихся за помощью комитета людей.

	Къ 5-му февраля.	Къ 1-му марту.	Къ 1-му апрѣлю.	Къ 4-му апрѣлю.	Къ 1-му маю.	Къ 1-му іюню.
Переселен.	1022	1046	1305	1306	1083	—
Мѣщане.	177	202	202	202	201	211
Киргизы.	425	802	1777	2107	7702	5279

Со дня открытія комитета (21 октября) зачислено 298 чел., къ 1 декабрю скопилось уже до 90 семействъ переселенцевъ, около 500 душъ; затѣмъ число ихъ постепенно прибывало, достигнувъ въ апрѣлѣ съ приходомъ Кустанайской партіи наибольшаго предѣла; въ

*) Отчетъ о дѣятельности комитета печатался въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ за 1892 г. №№ 9, 15, 19, 26, 34 и 35 (подлинное дѣло находится въ Сыръ-Дарьинскомъ Областномъ Правленіи).

теченіи же мая переселенческія партіи были снаряжены и отправлены въ путь, такъ что къ іюню оставались на довольствіи одни мѣщане и киргизы.

Переселенцы были изъ различныхъ мѣстностей, наиболѣе всего изъ восточныхъ губерній Евр. Россіи, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Тургайской области, но попадались и изъ Симбирской, Пензенской, Воронежской, Саратовской, Вятской, Пермской губерній и земли войска Донскаго; этнографическій составъ былъ крайне разнообразный; великоруссы, малороссы, нѣмцы, (т. н. колонисты), татары, тептяри и мордва; по состоянію главный контигентъ составляли крестьяне, но были мѣщане (Орскіе) и казаки (Оренб. войска).

Для категоріи бѣднѣйшихъ переселенцевъ пришлось озаботиться не только довольствіемъ, но и помѣщеніемъ, такъ, 205 человѣкъ были помѣщены въ одномъ изъ свободныхъ зданій военно-инженернаго вѣдомства, а съ прибытіемъ большой партіи Кустанайскихъ переселенцевъ, для нея было очищено зданіе Уѣзднаго Управленія; независимо отъ этого всѣ дома и лачуги въ городѣ были переполнены переселенцами. Несмотря на неудовлетворительное помѣщеніе и скученность людей, въ санитарномъ отношеніи положеніе ихъ было почти удовлетворительно, благодаря здоровому климату Казалинска, гдѣ постоянные вѣтра служатъ лучшимъ дезинфекторомъ. Нравственность переселенцевъ была болѣе чѣмъ удовлетворительна, между ними почти не было случаевъ привлеченія къ судебной отвѣтственности.

Матеріальное положеніе прибывшихъ переселенцевъ, въ смыслѣ запасы одежды, обуви, способа передвиженія, домашняго инвентаря и проч. было неодинаково; у всѣхъ былъ кое-какой скарбъ, особенно у нѣмцевъ, имѣвшихъ большой запасъ одежды и вещей, боль-

шинство имѣло свои подводы, кое-кто имѣлъ и лошадей но иные прибыли пѣшкомъ*). Какихъ нибудь продовольственныхъ запасовъ почти не было у прибывшихъ, одной партіи, слѣдовавшей изъ Иргиза, въ числѣ 52 душъ, которую вожаки киргизы, вслѣдствіе изнуренія верблюдовъ отказались везти дальше пришлось посылать хлѣбъ, снарядивъ для того особый караванъ, въ Кара-Кумы, за 215 верстъ отъ города. Что касается денежныхъ сбереженій переселенцевъ, то комитетъ не входилъ въ изслѣдованіе этого вопроса, предоставляя его совѣсти переселенцевъ, были случаи нарушенія довѣрія комитета и нѣкоторыхъ приходилось отчислять съ довольствія. Способъ провѣрки комитетомъ практиковался слѣдующій: когда заявлялась просьба о зачисленіи на довольствіе, то одинъ изъ членовъ комитета бралъ на себя трудъ лично провѣрить состояніе переселенческой семьи, ея здоровье, способы передвиженія, количество инвентаря, число ѣдоковъ и проч., добытыя свѣдѣнія и свое впечатлѣніе онъ передавалъ комитету, отъ котораго уже зависѣло удовлетвореніе или отказъ въ просьбѣ; комитетъ обсуждалъ все это въ присутствіи самихъ просителей, дабы имъ дать возможность представить свои объясненія и поддержать ходатайство, если осматривавшій членъ комитета не считалъ его заслуживающимъ удовлетворенія. Комитетъ находилъ, что публичное обсужденіе этого вопроса лучшая гарантія противъ неправильныхъ претензій. Довольствіе состояло изъ хлѣба и муки, которая выдавалась по 1 ф. въ день, на ѣдока, съ наступленіемъ весны и ухудше-

*) Былъ напр. такой случай: одинъ крестьянинъ пришелъ изъ Кустаная, черезъ Тургай пѣшкомъ, въ одномъ аулѣ онъ нашелъ дѣвочку, оставленную переселенческой партіей у киргизъ, которые пріютили ребенка у себя и кормили; крестьянинъ выпросилъ ее у нихъ, принесъ съ собою, объясняя, что хотя дѣвочкѣ у киргизъ было хорошо и они не хотѣли ее отдать, но такъ какъ она уже была крещена, то онъ счелъ своимъ долгомъ взять ее къ себѣ.

ніемъ санитарнаго состоянія переселенцевъ, дача была увеличена до $1^1/_2$ фунта, тѣмъ болѣе, что переселенцамъ предстоялъ трудный путь до Чимкента. Слабосильные люди были на улучшенной пищѣ. Были сдѣланы опыты приготовленія кровяной колбасы, для чего съ городской бойни все необходимое отпускалось даромъ. Въ казармѣ, гдѣ находилось общежитіе переселенцевъ, довольствіе и варка пищи происходили изъ общаго котла. Организація довольствія была самая простая: одинъ изъ членовъ комитета взялъ на себя трудъ завѣдывать роздачей пищи, а въ помощь ему, самими переселенцами были выбраны старосты, въ числѣ трехъ отъ русскихъ, нѣмцевъ и татаръ, исполнявшіе свои обязаности безвозмездно.

Въ маѣ мѣсяцѣ началось снаряженіе переселенцевъ въ путь, убыль и слабость верблюдовъ сильно задержали отправку переселенческихъ партій на югъ; въ тоже время поднялись и цѣны, на наемъ верблюдовъ, прежде цѣна ихъ была до Чимкента 8 руб. а въ тотъ годъ поднялась до 12 руб. за верблюда. Такъ или иначе, но при помощи средствъ комитета въ маѣ были снаряжены все переселенческія партіи, такъ что къ іюню на довольствіи остались одни мѣщане и киргизы.

Изъ постоянныхъ жителей Казалинска его коренные обитатели, часть которыхъ находилась на довольствіи комитета, пострадали, отъ неурожая хлѣбовъ, повышенія цѣны на нихъ, а также уменьшенія заработковъ и паденія цѣнъ на трудъ, потому что наполнившіе городъ переселенцы, сбивъ цѣны на него, отняли у жителей почти все заработки. Такъ какъ на помощь (мѣщанамъ) пришла церковная благотворительность, въ видѣ особаго комитета при церковно-приходскомъ попечительствѣ, въ которомъ мѣстная интеллигенція участія не принимала, то на довольствіи благотворительнаго

комитета осталось немного, около 200 человѣкъ, число ихъ почти не измѣнялось колеблясь между 177, зачисленными съ сначала, и 211, которые были на довольствіи къ 2 іюня, къ закрытію комитета. При повѣркѣ членами комитета, особенной нужды у мѣщанъ, принимая въ соображеніе главнымъ образомъ запасы хлѣба, какіе у нихъ были, не было обнаружено, но имъ надо было сохранить извѣстное количество зерна для обсѣмененія полей весною. Церковно-приходское попечительство поняло свою задачу шире и задалось цѣлью устроить хлѣбный магазинъ, для мѣщанъ; насколько оно было вправѣ, судить весьма трудно, потому что интеллигенція въ трудахъ церковнаго комитета не участвовала, а результаты его дѣятельности опубликованы не были.

Другіе коренные обитатели Казалинска весьма многочисленные, бухарскіе сарты и уральцы, къ благотворительности не прибѣгали, точно также и мѣстные татары; это объясняется тѣмъ, что татары и сарты, въ большинствѣ торговцы имѣли запасы еще съ осени, отъ киргизъ, а уральцы, занимающіяся рыболовствомъ и живущіе покупнымъ хлѣбомъ запасли его заблаговременно, пригнавъ на каюкахъ изъ Ходжента и Чиназа; кромѣ того у тѣхъ и другихъ сильно развита самопомощь, такъ что комитету не пришлось оказывать имъ пособія.

III.

Въ самомъ затруднительномъ положеніи оказался комитетъ, когда усиливавшаяся нужда въ степи пригнала въ Казалинскъ голодныхъ и плохо прикрытыхъ изъ числа игинчей*), печальное экономическое состояніе которыхъ было еще констатировано въ ноябрѣ въ пріѣздъ ген.-лейт. Гродекова, отправившаго для опредѣленія ихъ нужды особое лицо, съ представи-

*) Земледѣльцы—киргизы.

телемъ мѣстной администраціи; тогда же было выяснено количество необходимой для киргизъ ссуды, по ауламъ, расположеннымъ вдоль Сыръ-Дарьи; но въ то время не предполагалось, что нужда зимою можетъ возрасти до такихъ размѣровъ, что отпущенной ссуды окажется недостаточно, хотя въ концѣ лѣта можно было предвидѣть, что едвали годъ пройдетъ для киргизъ благополучно. Сами киргизы были вполнѣ увѣрены въ грядущемъ бѣдствіи, такъ какъ годъ былъ «куяна» (зайца) и подобное бѣдствіе, по ихъ наблюденію, должно было повториться черезъ 12 лѣтъ. Въ 1880 г. былъ тоже силный «джутъ» и цѣны на хлѣбъ стояли непомѣрно высокія.

Прежде всего начался наплывъ киргизъ изъ ближайшихъ къ городу ауловъ, главнымъ образомъ, со стороны Дарьи; такъ въ отчетѣ, комитета (Т. В. № 9) значится, что сразу поступило 425 чел. киргизъ. Комитету пришлось призадуматься надъ изысканіемъ средствъ къ удовлетворенію просившихъ вспомоществованія; помимо общественной благотворительности на помощь пришла и частная, такъ, купецъ Г. Хусаиновъ, съ декабря довольствовалъ изъ своихъ средствъ 300 человѣкъ голодавшихъ киргизъ. Въ февралѣ цыфра требовавшихъ пособія киргизъ поднялась уже до 802 чел. Въ отчетѣ комитета за этотъ мѣсяцъ (Т. В. № 15) говорится, что «всѣ городскіе киргизы въ полномъ «смыслѣ слова нищіе; о какомъ бы то ни было иму«ществѣ не можетъ быть и рѣчи; многіе ютятся на 10°/₀ «мороза въ окрестныхъ садахъ, подъ открытомъ небомъ, «Отъ безкормицы въ уѣздѣ недавно начался падежъ «скота, что даетъ поводъ засвидѣтельствовать, что «нужда между киргизами будутъ все болѣе и болѣе «возрастать, такъ какъ скотоводы, справедливо счи«таются между ними болѣе зажиточными».

Высказанныя комитетомъ предположенія, что нужда между киргизами возрастетъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, оправдались. До сего времени къ помощи прибѣгали бѣдняки, живущіе хлѣбопашествомъ, но въ этомъ мѣсяцѣ начался падежъ скота у кочевниковъ въ Кара-Кумахъ и Кизилъ-Кумахъ, который принялъ такіе размѣры, что кочевавшіе тамъ киргизы тоже потребовали помощи; сначала появились единичные слухи, (напр. отъ проѣзжавшихъ по почтовому тракту, изъ Иргиза въ Казалинскъ), а затѣмъ представители волостей обратились, съ прямымъ ходатайствомъ о помощи киргизамъ, оставшимся зимовать въ Кара-Кумахъ, въ числѣ 2350 кибитокъ. Для повѣрки справедливости этихъ свѣдѣній былъ командированъ одинъ изъ членовъ комитета, совмѣстно съ представителемъ администраціи, которыми и выяснено, что падежъ достигъ огромныхъ размѣровъ. Состояніе кочевниковъ оказалось близкимъ къ разоренію; выяснилось, что верблюдовъ пало около 60%, барановъ около 80%, а лошадей до 90%. Въ мартѣ вьюги и снѣжные бураны не прекращались, такъ что падежъ скота продолжался. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ отправилъ караванъ верблюдовъ, доставленныхъ волостными управителями, съ запасами зерноваго хлѣба, чтобы чѣмъ нибудь прійти на помощь населенію въ Кара-Кумахъ; другой караванъ былъ впослѣдствіи снаряженъ въ Кизилъ-Кумы; но главное бѣдствіе разразилось, въ Кара-Кумахъ, гдѣ требовали помощи 1384 кибитки въ числѣ 6920 душъ киргизъ Каратюбинской, Актугайской, Сарытугайской, Каракульской, Колымбасовской и Чебендинской волостей. Разумѣется, комитетъ не имѣлъ возможности по тѣмъ средствамъ, которыми располагалъ, по недостатку и слабости верблюдовъ, оказать помощь всѣмъ нуждающимся, между тѣмъ, число киргизъ, бывшихъ на довольствіи комитета достигло къ 4 апрѣля

2107 чел., а къ 1 маю числилось уже 7702 чел., мартъ мѣсяцъ былъ самый тяжелый для кочевниковъ, позднее наступленіе весны задерживало ростъ травъ, что, въ свою очередь, удлинняло періодъ безкормицы до мая мѣсяца. Снаряженный въ мартѣ комитетомъ караванъ состоялъ изъ 50 верблюдовъ, съ 500 пудовъ ячменя, для оказанія первоначальной помощи киргизамъ въ сѣв. Кара-Кумахъ, оставшимся безъ средствъ къ существованію; комитетъ предоставилъ усмотрѣнію командированнаго члена его, кому и какъ должно было быть оказано пособіе, такъ какъ не было возможности предугадать заранѣе, какъ должно быть ведено дѣло.

Изъ отчета члена комитета*), отправленнаго съ караваномъ видно, что уже по дорогѣ можно было убѣдиться въ размѣрахъ падежа: чѣмъ болѣе подвигались на сѣверъ, тѣмъ болѣе встрѣчалось труповъ, больше всего лошадей и барановъ. Молока еще не было, кое-гдѣ можно было достать только верблюжье, въ небольшемъ количествѣ; киргизы питались обыденной пищей, жидкимъ белламыкомъ изъ скудныхъ запасовъ, которые уже истощались, а также мясомъ падавшихъ животныхъ, которыхъ прирѣзывали, но мясо это представляло собою на видъ какіе то лохмотья. До молока надо было прожить еще около полумѣсяца. Чтобы держаться какой нибудь нормы, рѣшено было отказывать тѣмъ, у кого оставалось 3—5 верблюдовъ и 15—30 барановъ, такимъ по крайней мѣрѣ не угрожала голодная смерть; нужда оказалась настолько значительной, что за скуднымъ пособіемъ, приходили съ капами (мѣшками), чуть не за десятокъ верстъ, пѣшкомъ, такъ какъ кочевья въ Кара-Кумахъ разбросаны рѣдко. Но самымъ главнымъ затрудненіемъ явилось установленіе размѣра выдачи. Принятый въ городѣ

*) Отчетъ находится при дѣлѣ комитета.

способъ оказался не примѣнимымъ здѣсь. По совѣту управителей рѣшено, было лучше распредѣлить помощь не по душамъ, но по юртамъ, такъ какъ зерновой хлѣбъ нуженъ для варки похлебки, а такъ какъ киргизы одного аула довольствуются обыкновенно, изъ общаго котла, то мѣра эта оказалась весьма практичной; надо было сохранить силы до первыхъ весеннихъ лучей, когда скотъ почувствуетъ облегченіе и начнетъ доиться; пособіе было разсчитано на 7—8 дней. Лучше оказать было помощь большему количеству кибитокъ, чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, которыя при условіяхъ степной жизни, слишкомъ тѣсно связаны «учагомъ». Просившіе пособія были раздѣлены на 2 категоріи, наиболѣе нуждающіяся юрты получали по 1 п. ячменя, а остальныя по ½ пуда. Способъ провѣрки былъ принятъ такой же какъ въ комитетѣ, т. е. основанный на довѣріи къ просившему пособія. Собравшіеся киргизы называли количество головъ скота бывшаго раньше, павшаго и оставшагося въ живыхъ, а также свое семейное положеніе и тутъ же рѣшался вопросъ публично, въ присутствіи просителей, постороннихъ лицъ управителей и аксакаловъ. Многимъ при такомъ способѣ провѣрки приходилось уходить ни съ чѣмъ, потому что собравшіеся сами изобличали подобныхъ лицъ. Не было ни одного случая безпорядка или назойливаго требованія пособія ни во время повѣрки, ни во время раздачи, хлѣбъ отвѣшивался деревянными чашками, ссыпался въ капы и уносился получившими пособіе, въ полномъ спокойствіи; за пособіемъ приходили и мужчины, и женщины; всѣ разсаживались въ кружокъ и терпѣливо выжидали своей очереди.

Принявъ за норму пособія 1 пудъ и ½ пуда на юрту, всего было роздано въ Кара-Кумахъ, на тѣхъ урочищахъ на которыхъ была возможность собрать

людей, а именно на Кокъ-Думбакѣ, Астау-Сорѣ 240 пудовъ, на ст. Донгулюкъ-Сорѣ 200 пудовъ и ст. Алты-Кудукѣ, 60 пудовъ. Къ сожалѣнію, пришлось отказывать Иргизскимъ киргизамъ, прикочевавшимъ тоже въ Кара-Кумы, такъ какъ для своихъ далеко нехватало привезеннаго съ большими затрудненіями хлѣба; солонцы уже распустились въ то время, такыры покрыты были водой, и верблюды, какъ всегда весною слабые, едва въ состояніи были доставить грузъ тяжестью не болѣе 10 пудовъ на каждаго; положеніе этихъ киргизъ было очень тяжелое, потому что попавъ къ своимъ родовичамъ въ Кара-Кумы, они лишены были возможности получить помощь изъ Иргиза, а членъ комитета не былъ уполномоченъ оказывать имъ пособіе.

Всего была оказана единовременная помощь 889 юртамъ, изъ коихъ на Кокъ-Думбакѣ 242 юртамъ, Астау-Сорѣ 205 юртамъ, Донгулюкъ-Сорѣ 352 юртамъ и Алты-Кудукѣ 90 юртамъ.

За дальнѣйшимъ пособіемъ киргизы, какъ только окрѣпнетъ скотъ, должны были сами ѣздить въ городъ и къ 1 іюня на довольствіи состояло 5279 человѣкъ.

IV.

Такимъ образомъ, усиліями администраціи и общества, при помощи правительственнаго пособія и общественной благотворительности, мѣстному и пришлому населенію Казалинска, удалось перенести зимнюю голодовку; болѣе или менѣе удачная борьба съ голодомъ и нуждой постигшими, какъ русскихъ такъ и киргизъ въ такомъ небольшемъ и бѣдномъ городѣ, какъ Казалинскъ, объясняется, разумѣется, тѣмъ подъемомъ духа, который охватилъ, въ эту тяжелую годину все русское общество даже и въ Туркестанѣ, гдѣ, казалось, были такъ далеки отъ всероссійскаго бѣдствія; но оно

отразилось и здѣсь, наплывомъ переселенцевъ и совпаденіемъ падежа скота у киргизъ; этимъ только можно, мнѣ кажется, объяснить, что горсти русской интеллигенціи, заброшенной, въ такую степную глушь, удалось такъ, или иначе, справиться, со взятыми на себя обязанностями. Какъ всегда бываетъ, обращеніе къ общественной иниціативѣ, предоставленіе извѣстной самостоятельности, вмѣстѣ съ широкимъ довѣріемъ приводитъ къ благопріятнымъ результатамъ; благодаря этому благотворительному комитету, въ Казалинскѣ удалось организовать дѣло и въ теченіи почти 8 мѣсяцевъ вести борьбу, съ надвигавшеюся со всѣхъ сторонъ нуждою и поставить дѣло такъ, какъ онъ понималъ свою задачу, т. е. бережливо и разборчиво употреблять довѣренныя ему средства, для помощи голодающимъ. Заслуга организаціи всего дѣла всецѣло принадлежитъ бывшему военному губернатору Н. И. Гродекову, понявшему въ такую минуту народнаго бѣдствія, что лучшее средство борьбы—призвать на помощь общество и съ довѣріемъ отнестись къ его силамъ; ему же всецѣло принадлежитъ умѣнье найти средство для борьбы съ голодомъ, исходатайствованіемъ правительственной помощи и обращеніемъ къ общественной благотворительности; его энергіи обязанъ комитетъ тѣмъ успѣхомъ, котораго онъ достигъ въ теченіи своей короткой дѣятельности, прійдя на помощь пришлому переселенческому элементу и коренному туземному населенію.

Постигшее въ этомъ году бѣдствіе киргизъ Иргизскаго уѣзда, такъ ярко описанное въ № 18 «Тургайской Газеты», за этотъ годъ, вызвало крайнее напряженіе силъ администраціи и дѣятельную помощь пострадавшимъ, при чемъ тоже призваны къ содѣйствію общественныя силы и частная благотворитель-

ность. Экстренныя мѣры, принятыя военн. губернаторомъ Я. Ф. Барабашемъ, лучше всего свидѣтельствуютъ о серіозности положенія и величинѣ бѣдствія, которое вновь постигло Иргизскій уѣздъ. Но этотъ годъ и для киргизъ Казалинскаго уѣзда, не прошелъ благополучно; по свѣдѣніямъ, проникшимъ и въ печать, тамъ тоже случился падежъ скота, благодаря суровой и продолжительной зимѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднятіе цѣнъ на хлѣбъ, кормъ, топливо и саранча подорвали силы киргизскаго населенія. Такимъ образомъ, уже вторично, за 7—8 лѣтъ, бѣдствіе одинаково поражаетъ оба сосѣдніе уѣзда, отражаясь и на Тургайскомъ и Перовскомъ уѣздахъ, только не въ такой степени, потому что они поставлены природой въ лучшее положеніе; это обстоятельство ясно указываетъ на тѣ общія условія, которые господствуютъ въ этой части киргизской степи. Однако, Казалинскій и Перовскій уѣзды всегда могутъ пополнить свои запасы привозомъ хлѣба изъ южныхъ богатыхъ хлѣбомъ уѣздовъ, воднымъ путемъ по Сыръ-Дарьѣ; гораздо менѣе благопріятно положеніе Иргизскаго уѣзда, удаленнаго, на 700 слишкомъ верстъ отъ Оренбургскаго и Уральскаго края, котораго тоже постигъ въ этомъ году неурожай и откуда хлѣбъ и помощь могутъ прійти съ большимъ трудомъ. «Такъ, ближайшій рынокъ, Орскъ «отстоитъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ пострадавшихъ «мѣстностей уѣзда», говорится въ приведенной нами выше статьѣ «Тургайской Газеты». Устройство желѣзнодорожнаго пути Оренбургъ-Ташкентъ, разумѣется, разрѣшило бы этотъ вопросъ, приблизивъ Иргизскій уѣздъ къ хлѣбному рынку, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время, благодаря серіозному конкурренту жел. дор. Оренбургъ-Ташкентъ, въ лицѣ пути на Вѣрный

и Семипалатинскъ*), неизвѣстно когда киргизская степь услышитъ свистъ паровоза, который привезетъ ей дешевый хлѣбъ и помощь, оградивъ мѣстное населеніе отъ голодовокъ и безработицы.

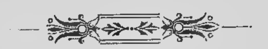
Но и при настоящихъ условіяхъ необходимо найти способъ борьбы съ повторяющимися періодически бѣдствіями въ приаральскомъ краѣ. Указаніе на нѣсколько фактовъ можетъ подать мысль о средствахъ борьбы съ нимъ. Прежде всего утилизированіе запасныхъ магазиновъ одного уѣзда для другого, какъ это было сдѣлано въ 1891 г., когда караваны верблюдовъ привезли хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ Ауліеатинскаго уѣзда въ Казалинскъ; затѣмъ пользованіе такой водной артеріей, какъ Сыръ-Дарья, по которой уральцы всегда сплавляютъ хлѣбъ, наконецъ возможность направить хлѣбные запасы караваннымъ путемъ на разстояніе, гораздо большее, чѣмъ Иргизъ отъ Казалинска. Существованіе въ Казалинскѣ запаснаго магазина, при этихъ условіяхъ, значительно облегчило бы борьбу, съ послѣдствіями неурожая или падежа скота въ Иргизскомъ уѣздѣ, куда всегда могутъ быть отправлены хлѣбные запасы, караваннымъ путемъ, на разстояніе не болѣе 300 вер. черезъ Кара-Кумы и далѣе по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ киргизы Казалинскаго и Иргизскаго уѣздовъ имѣютъ соединенныя кочевья, но это, конечно, возможно лишь при существованіи административнаго единства, въ управленіи этими уѣздами. Развитіе земледѣлія въ Казалинскомъ и Перовскомъ уѣздахъ должно сильно повліять на рыночныя цѣны и сбытъ хлѣба, въ Иргизскій уѣздъ, который постоянно въ немъ нуждается, но опять таки для этого нужны средства и организація управленія въ самой степи.

*) «Туркест. Вѣд.» № 46, корресподенція изъ Вѣрнаго.

Въ Казалинскѣ, самомъ центральномъ городѣ могло бы быть сосредоточено дѣло для всего этого раіона, лежащаго въ бассейнѣ Аральскаго моря; устройство каботажнаго пароходства по Сыръ-Дарьѣ приблизило бы хлѣбные рынки южн. Туркестана къ сѣвернымъ степнымъ уѣздамъ и облегчило бы борьбу въ нихъ съ періодическими голодовками.

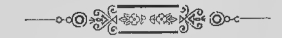
Возвращаясь къ вопросу объ организаціи центральнаго управленія степью въ Казалинскѣ, мы думаемъ, что все сказанное выше достаточно говоритъ въ пользу разрѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ для того, чтобы центральное управленіе находилось ближе къ интересамъ и нуждамъ киргизъ сѣв. Туркестана и своевременно могло приходить къ нему на помощь въ подобнаго рода случаяхъ, гдѣ требуется развитіе продовольственнаго дѣла для поддержанія экономическаго благосостоянія народной массы.

Туpr. Газ.« №№ 33, 34—1898 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

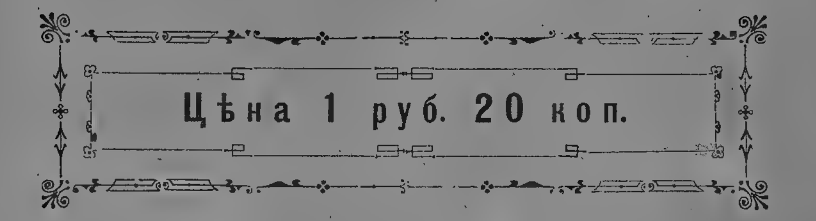

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	стр.:	напечатано:	слѣдуетъ:
II	13	лежашаго	лежащаго
3	1	;	,
4	6	индивидіумовъ	индивидуумовъ
8	7	обряды	обрядъ
10	31	ея	ихъ
13	5	купленая	купленная
„	32	(называютъ)	(называютъ) не
14	19	(попранныхъ)	(попранныхъ),
17	23	каргизовъ	киргизовъ
20	33	(воздуха):	(воздуха),
22	3	кражъ	кражь
31	18	туркестанскаго	Туркестанскаго
33	19	(администрація)	(администрація),
37	8	Зандарской	Зангарской
„	33	управляющій	управлявшій
38	18	неселенія	населенія
40	8	достигшихъ	недостигшихъ
„	14	явленія	явленіями
46	24	(нею)	(нею),
47	7	(движенія)	(движенія),
49	33	и малые	малые
51	34	киргизской степи	Киргизской Степи
54	2	поколенія	поколѣнія
57	34	задачъ	задачь
67	3	нѣсколько	нѣсколькихъ
80	11	огранизовано	организовано

86	8	а въ Европѣ	а Европѣ
91	5	закабали ли	закабалили
92	19	(женщины)	(женщины),
94	11	которые	которыя
96	15	затихла	заглохла
97	23	по-русски	порусски
101	9	же	уже
104	24	киргизской степи	Киргизской Степи
108	22	(жизни),	(жизни);
109	18	лучь	лучъ
„	23	киргизскія степи	Киргизскія Степи
115	22	эксплуатаціей	эксплоатаціей
118	6	Аральстому	Аральскому
119	4	киргизской степи	Киргизской Степи
121	23	постепенно	постепенное
131	25	придти	прійти
139	16	киргизской степи	Киргизской Степи
141	33	мадрассахъ	медрессахъ
„	„	мактабахъ	мектебахъ
164	1	не примѣнимымъ	непримѣнимымъ
„	21	(лицъ).	(лицъ),
168	1	киргизская степь	Киргизская Степь

Изданіе книжнаго магазина подъ фирмою „**Букинистъ**“
въ Ташкентѣ.

